БРАТЬЯ

АНДРЕЙ И СЕМЕНЪ ДЕНИСОВЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РАСКОЛА.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Барсова.

МОСКВА.
Въ университетской типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ.
1866.

Изъ журнала *Православное Обозрѣніе*, 1865 года.

Печатать позволяется. Москва, февраля 21 дня 1866 года.

Цензоръ Докторъ Богословія Протоіерей *П. Терновскій*.

БРАТЬЯ АНДРЕЙ И СЕМЕНЪ ДЕНИСОВЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РАСКОЛА.

I.

Значеніе Петра Великаго въ исторіи раскола. — Характеръ жизни раскола до Петра.— Внѣшнее состояніе раскола при Петрѣ.— Внутреннее состояніе раскола въ ту же эпоху. — Значеніе Денисовыхъ въ исторіи раскола. — Источники для изученія.

Въ августѣ 1689 года царевна Софія, правительница Россіи, заключена была въ монастырь, и молодой царь Петръ вступилъ въ самостоятельное управленіе государствомъ. Дѣло преобразованія Россіи начато было и велось по немногу его предшественниками, теперь началась та страшная ломка, которая упрочила за Петромъ имя преобразователя Россіи и которую произвесть способенъ былъ только этотъ могущественный характеръ. Новое направленіе государственной жизни не могло остаться безъ вліянія и на ходъ церковныхъ дѣлъ: вступленіе Петра Великаго въ самостоятельное управленіе государствомъ составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи раскола.

Отъ вопроса церковнаго, которымъ такъ много занимались въ предыдущія царствованія и правительство и общество и

весь міръ русскій. Петръ устремился на путь внутреннихъ государственныхъ и гражданскихъ преобразованій и воинственныхъ предпріятій внѣшнихъ, сюда же, къ этимъ преобразованіямъ и предпріятіямъ Петра, отвлечено было вниманіе всего общества русскаго, которое волей-неволей должно было показывать къ нимъ сочувствіе, подчиняться имъ, принимать въ нихъ дѣятельное участіе — своими трудами и достояніемъ. На долю раскола осталась такимъ образомъ далеко уже не та степень правительственнаго вниманія и общественнаго участія, какая удѣлялась ему дотолѣ: о немъ не забыли, но не имѣли возможности, досуга заниматься имъ, заботиться нарочито о его искорененіи. Были еще другія обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на характеръ отношеній Петра къ расколу въ первой половинѣ его царствованія. Въ самомъ началѣ своего царствованія Петръ дважды объѣхалъ Европу и посѣтилъ большую часть европейскихъ государствъ. Воспитанный иновѣрцемъ, и вслѣдствіе этого естественно расположенный къ вѣротерпимости, Петръ заграницей наслушался, сверхъ того, протестантскихъ понятій о свободѣ совѣсти. Въ Германіи, затѣмъ, онъ видѣлъ иной родъ отношеній государей къ представителямъ религіи (*), нежели какой существовалъ до того времени въ землѣ русской: этотъ новый родъ отношеній власти гражданской къ представителямъ церкви, пришелся ему какъ нельзя болѣе по душѣ (**); для его деспотической натуры невыносимо было то дѣтски-покорное отношеніе, въ какомъ находились

(*) См. *Прав. Обозр.* 1862 г., нояб. «Новости нѣмецкой богословской литературы».

(**) «Въ Виртембергѣ Петръ I разбилъ въ куски чашку Лютера, разсердившись на то, что ему не позволили взять ее съ собою, и замѣтилъ, что монументъ Лютера въ церкви не довольно блестящъ для такого великаго человѣка. Король голландскій совѣтовалъ Петру въ установленіи отношеній между церковью и государствомъ подражать Генриху VIII и самому сдѣлаться главою религіи, безъ чего онъ никогда не могъ бы сдѣлаться полнымъ господиномъ въ своей землѣ. *Этотъ совѣтъ понравился царю.*» См. «Лекціи Станлея» *Твор. Св. Отц.* 1862, к. 2.

его предшественники къ патріарху, котораго всегда называли не иначе, какъ *святѣйшій патріархъ, отецъ нашъ* (*). Такимъ образомъ возвратившись домой, Петръ вывезъ изъ-заграницы между прочимъ и новыя понятія объ отношеніи церкви къ государству, понятія, вслѣдствіе которыхъ церковныя дѣла утрачивали тотъ характеръ государственнаго значенія, какой имѣли дотолѣ въ Россіи допетровской, и нравственное вліяніе духовной власти на правительство гражданское ослабѣло. Петръ не былъ человѣкомъ невѣрующимъ, какъ хотятъ думать у насъ нѣкоторые; напротивъ, мы видимъ, что готовясь къ своимъ труднымъ предпріятіямъ, онъ искренно молитъ Бога о помощи и всегда столь же искренно благодаритъ Его за свои побѣды,—въ этомъ отношеніи это была русская душа. Но весь преданный своимъ преобразовательнымъ стремленіямъ, Петръ Великій и въ пастыряхъ церкви, которые, какъ онъ зналъ, имѣли такое сильное вліяніе на народъ, хотѣлъ видѣть больше исполнителей своей державной воли, проповѣдниковъ правды воли монаршей, нежели независимыхъ служителей дѣла Божія, пастырей духовныхъ. Поэтому Петръ, говоря вообще, не любилъ духовенства, въ которомъ видѣлъ ревностнаго поборника старинныхъ, исконныхъ началъ русской жизни, и со стороны котораго всегда опасался противодѣйствія своимъ преобразовательнымъ стремленіямъ. Свое нерасположеніе къ духовенству Петръ, сознательно или безсознательно, выражалъ и въ невниманіи къ тому дѣлу, которое составляло главную заботу церкви—къ искорененію раскола,— по крайней мѣрѣ до того времени, пока не сталъ подозрѣвать, что въ расколѣ есть нѣчто, кромѣ разностей богослужебныхъ—есть элементы враждебные и государству.

(*) *Царь же яко отцемъ своимъ архіереемъ повинуяся*, выражается Семенъ Денисовъ въ «Винограде Россійскомъ»: «царь всю душу свою и всю Русію положилъ на патріархову душу», писалъ духовникъ царя Алексѣя Михайловича. Ст. Бонифатьевъ къ Іоанну Неронову.

Все это было причиною того, что до самаго того времени, какъ возникло дѣло о несчастномъ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, въ дѣятельности Петра не замѣчается стремленія преслѣдовать расколъ гражданскими мѣрами: по видимому, Петръ предоставилъ въ это время расколъ духовному попеченію пастырей церкви. Знаменитыя двѣнадцать статей царевны Софіи противъ раскольниковъ, отличавшіяся такою необычайною строгостію къ послѣдователямъ «древняго благочестія» (*), оставались дѣйствующими законами до того времени, когда Петръ положилъ раскольниковъ подъ двойной подушный окладъ. но они перестали имѣть практическое приложеніе едва ли не съ той самой поры, какъ заключена была въ монастырь царевна Софія,—лишь только повѣяло въ Россіи новымъ духомъ (**). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что во все это время пастыри церкви, въ своей дѣятельности противъ раскола, лишены были того содѣйствія гражданской власти, которое оказывали ей предшественники Петра, *ревнуя по Господѣ Бозѣ и обсрагаючи матерь свою святую церковь* (***). Наконецъ въ 1714 году, узнавъ отъ преосв.

(*) *Акт. Арх. Эксп.* IV, № 284. *Собр. Зак.* II, № 1102. Этими постановленіями предписывалось, между прочимъ, казнить смертію расколоучителей, хотя бы они и покаялись; что это постановленіе приводилось въ исполненіе, видно изъ слѣдующаго указа новгородскому митрополиту Корнилію: «по нашему великихъ государей указу они Ѳедка и Исайка пытаны и огнемъ сжены накрѣпко; у пытки они говорили, «что церкви-де Божіей во всемъ повинуются.» И по нашему В. Г. указу, велѣно пущаго вора Ѳедку.. допросить—у отца духовнаго исповѣдаться и причаститься желаетъ ли, и причастя, велѣно его Ѳедку казнить смертію. А разстрыгѣ Исайкѣ учинить наказанье и бить на кознѣ кнутомъ и отослать къ тебѣ богомольцу нашему... и ты бы для исправленія въ вѣрѣ, сослалъ его въ Новг. монастыри.» *А. Ист.* 5, № 117

(**) Нѣкоторые частные случаи фанатическаго преслѣдованія раскольниковъ въ началѣ Петрова царствованія были больше дѣломъ личнаго усердія областныхъ властей, нежели слѣдствіемъ какого-либо возбужденія со стороны высшаго правительства.

(***) *Слово Соб.* 1681 г., см. А. И. т. 5 № 75 Это содѣйствіе основывалось на исконномъ обычаѣ церкви и узаконено было положительными соборными правилами: «являетъ правило собора Карѳагенскаго (94)—

Питирима, какъ велико число раскольниковъ въ Россіи, Петръ, руководимый разсчетами государственной экономіи (*), пришелъ къ мысли обратить расколъ въ статью государственнаго дохода, и положилъ всѣхъ раскольниковъ подъ двойной подушный окладъ, открыто объявляя, чтобы раскольники приходили записываться *безъ всякаго сомнѣнія и страха, не внимая нѣкоторыхъ пустошному совѣту* (**). Такимъ образомъ Петръ прямо, de jure, призналъ открытое существованіе раскола.

Слѣдствія новаго направленія правительства обнаружились весьма скоро въ жизни раскола. Съ одной стороны, это признаніе за раскольниками права на открытое существованіе было причиною того, что въ теченіе весьма небольшаго промежутка времени (приблизительно отъ 1689 до 1714 г.) все, что было раскольническаго въ Россіи, что дотолѣ пряталось и таилось, теперь обозначилось ясно и мало-по-малу стало выдѣляться изъ общаго строя жизни, обособляться, среди шумныхъ событій того времени незамѣтно группируясь на украйнахъ, въ пустыняхъ и лѣсахъ, куда уже давно сбѣгались гонимые ревнители «древняго благочестія.» Съ другой стороны, новаторскія стремленія Петра, столь ненавистныя большинству его подданныхъ, деспотизмъ, съ какимъ относился онъ къ самымъ завѣтнымъ вѣрованіямъ народа, весьма много содѣйствовали умноженію числа раскольниковъ; здѣсь беретъ свое начало проповѣдь Талицкаго и Левина, которые хотя сами не принадлежали ни къ одной изъ раскольническихъ общинъ и не отдѣлялись отъ церкви, тѣмъ не менѣе

рождшіися во благочестіи и въ вѣрѣ воспитани бывше цари руку даяти церквамъ должни суть» (Корм. л. 156), говорится въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича (Соб. Зак., т. I, ст. 3.

(*) Что на этотъ разъ Петръ дѣйствовалъ не по началу вѣротерпимости, которой онъ удостоивалъ лишь своихъ заграничныхъ просвѣтителей, а главнымъ образомъ изъ разсчетовъ государственной экономіи, видно изъ тѣхъ истязаній, которымъ подвергалъ онъ раскольниковъ, укрывавшихся отъ двойнаго оклада.

(**) См. Полн. Собр. Зак. VI, № 3547.

одинъ своими тетрадками, другой своею проповѣдью не одного изъ православныхъ заставили бѣжать въ скиты поморскіе и керженскіе отъ антихриста, «иже есть Петръ первый.»

Еще замѣчательнѣе перемѣна во внутренней жизни раскола, совершившаяся отчасти подъ вліяніемъ новыхъ отношеній правительства къ расколу и новаго направленія государственной и общественной жизни въ Россіи, отчасти же совершенно независимо отъ этого обстоятельства. Съ этого собственно времени, какъ намъ кажется, *начинается внутренняя самостоятельная жизнь раскола.* Во все предшествующее время, около пятидесяти лѣтъ, начиная съ тѣхъ поръ, какъ раздался первый голосъ противъ Никоновыхъ преобразованій, расколъ жилъ почти исключительно внѣшнею жизнію—борьбою, домогательствами соединиться съ церковію на тѣхъ условіяхъ, какія онъ находилъ законными и единственно справедливыми. Считая свое дѣло правымъ, вожди раскола долго не могли примириться съ тою мыслію, чтобы благочестивый и благодушный царь Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ заступиться за древнее благочестіе: онъ обманутъ, обольщенъ духовными властями, говорили расколоучители,—нужно только раскрыть предъ нимъ истину, и истина восторжествуетъ. И вотъ мы видимъ цѣлый рядъ писемъ и челобитныхъ къ царю Алексѣю Михайловичу, а послѣ—и къ его преемникамъ, въ которыхъ раскрывается эта раскольническая мысль (*). Изъ круга своихъ спеціальныхъ знаній бывшіе справщики печатнаго двора набрали значительное число аргументовъ, казавшихся имъ довольно сильными для того, чтобы подѣйствовать на царя, склонить его къ поведенію, сообразному съ ихъ намѣреніями. Общій смыслъ ихъ

(*) До 1666 г. было восемь челобитныхъ. Челобитчики: Аввакумъ (двѣ челоб.), Ѳеодоръ діаконъ, Никита, Лазарь, нижегородскій старецъ Авраамій (его челобитную можно читать въ *Имп. Публ. Библ. рук. 425*), Епифаній инокъ соловецкій, Александръ еп. вятскій, въ послѣдствіи обратившійся. Всѣхъ челобитныхъ извѣстно до 12-ти, кромѣ писемъ къ царямъ. См. *Ист. раск. Преосв. Макар.* стр 161—173.

тотъ, что царь долженъ Никоновы нововведенія упразднить, и древнее благочестіе уставить (*). Избалованные прежнимъ своимъ значеніемъ при патріархѣ Іосифѣ, общимъ почетомъ, какой оказывали тогда въ Москвѣ этому цвѣту тогдашняго бѣлаго духовенства, и милостивымъ вниманіемъ самого царя (**), первые расколоучители продолжали считать себя высшими, призванными блюстителями мнимой чистоты церковнаго ученія и законности церковныхъ порядковъ. Такъ какъ они до конца своей жизни большею частію не теряли надежды возобладать церковію, то имъ и на мысль не приходило составить изъ себя и изъ своихъ послѣдователей какое-либо особое отъ церкви общество и установлять какіе-либо свои догматы: своимъ обществомъ они считали церковь, своимъ дѣломъ они считали дѣло всей церкви, изъ которой имъ нужно было только удалить новолюбца Никона и подражавшихъ ему его преемниковъ. Въ 1682 г. расколоучитель Сергій хотя и говорилъ московскимъ раскольникамъ-бунтовщикамъ: *мнѣ мнится, братія, необратно сотворися паденіе архіереевъ нашихъ, понеже застарѣли въ нихъ ереси. и злоба велія возрасте*, — но не совѣтовалъ имъ бѣжать изъ Москвы въ пустыню, а вслѣдъ затѣмъ прибавлялъ: *обаче подвинемся со усердіемъ; писано бо есть: проповѣди ради благочестія да будетъ ти брань* (**). Не о томъ они хлопотали, чтобы имъ лично и ихъ послѣдователямъ дозволено было свободно содержать старое благочестіе: они требовали, чтобъ,

(*) См. «Вин. Росс.» ст. 4, 5 и слѣд. Аввакумъ пишетъ къ царю: «да Никона отъ патріаршества отставить, и древнее благочестіе уставить, да патріарха иного, благочестива и богобоязлива устроить». Тѣми же словами говоритъ діаконъ Ѳеодоръ.

(**) См. «Житіе Аввакума». Также «Вин. Росс» ст. 4-ю; объ Аввакумѣ говорится здѣсь, что когда онъ, по возвращеніи изъ Сибири, представился царю, то «царь съ любовію его призвавъ, главу свою ко благословенію преклонивъ и свою десницу на цѣлованіе тому милостивно подавъ, словеса мирная и жалостная съ воздыханіемъ тому бесѣдовавъ, благодарно и милостивно отпусти».

(***) См. три челоб., изд. Кожанч., стр. 74—75.

отмѣнивъ постановленія московскаго собора 1666—67 гг., отрекшись отъ всего, что сдѣлано было въ церкви Никономъ, царь для всего государства, для всѣхъ своихъ подданныхъ усвоилъ и узаконилъ то невѣжественное пониманіе вѣры и законовъ церковныхъ, какое имѣли они сами. Для древней, допетровской Руси незнакомо было, а потому и немыслимо совмѣстное существованіе въ одной странѣ у одного народа двухъ исповѣданій; и какъ православная церковь того времени не могла простить отступленіе отъ нея роднымъ членамъ одной русской семьи, хотя безпрекословно допустила свободное пребываніе въ самой Москвѣ иновѣрцевъ-иностранцевъ, такъ и расколъ не могъ тогда допустить существованіе «никоніанства» наравнѣ съ собою. «Аще не ты по Господѣ Бозѣ, пишетъ Аввакумъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, — кто намъ поможетъ? *А что царь-государь, какъ бы ты далъ мнѣ волю, я бы ихъ* (никоніанъ), *что Илія Пророкъ, всѣхъ перепласталъ въ единъ день*, — не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ — чаю. Перво бы Никона собаку разсѣкъ на четверо, а потомъ бы и никоніанъ (*).

(*) См. Опис. нѣкоторыхъ раск. сочин Александра Б., ч. 2, стр. 38. Въ другомъ сочиненіи своемъ Аввакумъ высказываетъ увѣренность, что Христосъ всѣхъ никоніанъ *подъ началъ имъ* (раскольникамъ) *отдастъ— дайте-ка то срокъ. «Я вамъ и лучшему-ту ступлю на горло о Христѣ Іисусѣ.»* См. Оп. Александра Б., ч. 2, стр. 10. Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что расколъ въ принципѣ, также какъ и прав. церковь, признаетъ законность участія гражданской власти въ дѣлахъ церковныхъ; обращаясь къ царю Алексѣю Михайловичу, расколоучители искали не милости, не случайнаго заступничества сильнаго, а взывали въ силу старинныхъ порядковъ, аппеллировали тогдашнимъ законнымъ путемъ къ законному покровителю церкви. Поэтому-то, конечно, челобитчики отнюдь не высказываютъ того, чтобы царь не по праву вступался въ церковныя дѣла: они говорятъ только, что царь ошибочно, по невѣдѣнію оказываетъ свое содѣйствіе никоніанамъ, между тѣмъ какъ ему слѣдовало защищать ревнителей древняго благочестія, на сторонѣ которыхъ, говорятъ челобитчики, находится истина. Позже защитники раскола, какъ извѣстно, болѣе опредѣленнымъ образомъ формулируютъ свой взглядъ на это дѣло такъ: государь въ дѣлахъ церкви есть представитель интересовъ паствы; онъ же и защитникъ ея правъ и интересовъ противъ

Такъ говорилъ Аввакумъ не задолго уже до своей смерти, когда свыкшись съ своими страданіями и подъ вліяніемъ мысли о близкой смерти, онъ, повидимому, былъ настроенъ болѣе миролюбиво, чѣмъ когда-либо, хотя въ тоже время больше, чѣмъ когда-либо былъ убѣжденъ въ истинѣ своего ученія.

То, чего не удалось достигнуть челобитными, думали получить силой, посредствомъ возстаній и бунтовъ и чрезъ участіе въ гражданскихъ смутахъ. «Въ лѣто 7190 маія въ 15 день, попущеніемъ св. Бога, во градѣ Москвѣ сотворися смятеніе великое... возсташа воинстіи людіе... По ономъ же смятеніи бысть между ними усердное совѣтованіе *о древнемъ благочестіи, еже бы сіе паки въ россійстѣмъ государствѣ возобновити и въ прежнее состояніе привести.* Рѣшили, что лучшее средство для этого собраться, по возможности, всѣмъ исповѣдникамъ древняго благочестія и ударить челомъ великимъ государямъ. *Пріидохъ сѣмо милости просити старой православной вѣрѣ,* говоритъ Никита въ грановитой палатѣ. Какой же милости? Чтобы не преслѣдовали этой старой вѣры, чтобы позволили имъ свободно содержать свое ученіе? Нѣтъ, патріархъ Іоакимъ прямо сказалъ имъ, что мы за крестъ и молитву не мучимъ и не жжемъ, но за то, яко насъ еретиками называютъ и св. церкви не повинуются—сожигаемъ,»— «а креститися, кто како хочетъ, двѣма персты или трема, или всею рукой — сіе все едино, токмо бы знаменіе креста на себѣ вообразити, — мы о томъ не истязуемъ.» Тоже подтвердила царевна Софія и епископъ нижегородскій. «Пріидохомъ милости просити, продолжаетъ Никита, *чтобы повелѣли великіе государи патріарху и прочимъ архіереемъ паки въ церкви пріяти старопечатныя книги, и чтобы по нимъ вся службы и прочая вся по прежнимъ благочестивымъ обычаемъ исправили, а новины бы отложили»* (*).

притязаній архипастырства, — слѣдовательно онъ долженъ защищать расколъ... Таковъ смыслъ всѣхъ позднѣйшихъ обращеній со стороны раскола къ правительству гражданскому и—современныхъ чаяній раскола.

(*) См три челоб. изд. Кожанч., стр. 72, 84, 92.

Долговременнымъ тяжелымъ опытомъ убѣдился расколъ, что ни челобитными, ни бунтами ему ничего не добиться, что церковь не возвратится на тотъ путь, на который хотѣли поставить ее расколоучители. Казни, которыя были отвѣтомъ на аппелляціи и протесты раскольниковъ, отрезвили расколъ, дали ему понять истинный ходъ дѣла: спасая свою жизнь, раскольники бѣгутъ въ пустыни и лѣса...

Тогда расколъ въ свою очередь отрекся отъ «церкви великороссійской.» Онъ пересталъ заниматься частностями Никонова дѣла и окончательно установилъ свой общій взглядъ на него. Отрывочные голоса о наступленіи царства антихристова, изрѣдка раздававшіеся дотолѣ, въ устахъ нѣкоторыхъ расколоучителей, теперь сдѣлались общимъ жизненнымъ ученіемъ огромнаго большинства раскольниковъ, главнымъ исходнымъ пунктомъ ученія безпоповщины.

Доколѣ не покидала расколъ надежда возстановить себя въ качествѣ церкви и притомъ единой господствующей церкви, пока расколъ въ лицѣ своихъ вождей находилъ лучшимъ для своихъ цѣлей со всею, свойственною простотѣ, откровенностію, искренностію и даже запальчивостію протестовать и бороться въ Москвѣ, въ Москвѣ сосредоточивалась жизнь раскола,— этою аппелляціею и борьбой заняты были всѣ его силы. Правда и въ это время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше скоплялось раскольниковъ въ лѣсахъ и пустыняхъ; но это пребываніе въ лѣсу было или простымъ укрывательствомъ отъ полицейскихъ преслѣдованій, или суровоаскетическимъ приготовленіемъ къ ожидаемой ими, вслѣдъ за пришествіемъ антихриста, кончинѣ міра; страхъ быть открытыми полиціей не давалъ имъ опомниться, собраться съ силами, чтобы соединиться въ «общее житіе...» Теперь, потерявъ всякую надежду на побѣду, на успѣхъ своихъ домогательствъ въ отношеніи къ церкви, расколъ созналъ потребность жизни самобытной. Вступленіе Петра Великаго въ самостоятельное управленіе государствомъ, по истинѣ было эпохою въ жизни раскола: въ то самое время, какъ расколъ

почувствовалъ со всею силой внутреннюю необходимость жизни самобытной, Петръ, давъ новое направленіе государственной жизни, новый исходъ государственной силѣ, открылъ ему внѣшнюю, физическую возможность заняться самимъ собою. И вотъ мы видимъ, что теперь слагаются многочисленныя раскольническія общины съ извѣстною, довольно сильною и крѣпкою организаціей, которыя живутъ своею собственною замкнутою жизнію, по своимъ началамъ и порядкамъ.

Какіе же эти порядки и начала самобытной внутренней жизни раскола? И прежде всего,—какія у раскола были данныя для того, чтобы начать жизнь самобытную? Отрекаясь съ ожесточеніемъ отъ руководства церкви, чуждаясь и гражданскаго правительства за его солидарность въ дѣлахъ вѣры съ правительствомъ церковнымъ и за помощь, какую оно оказывало послѣднему въ дѣйствіяхъ противъ раскола, отрываясь отъ общенія съ передовыми образованными классами страны и замыкаясь въ себя, эти массы простолюдиновъ въ такомъ ли были состояніи, чтобы не нуждаться ни въ какой опекѣ и руководствѣ со стороны? Время ли было простолюдину русскому начать самобытную духовною жизнь? Отвѣтъ понятенъ самъ собою. Но нужно еще сказать, что никогда не были такъ слабы духовныя силы раскола, какъ теперь. Первые расколоучители—главнѣйшіе, наиболѣе представительные вожди раскола, для которыхъ его дѣло было личнымъ, кровнымъ дѣломъ, которые заражали всѣхъ своимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ,— эти люди давно уже сошли со сцены. Ими исчерпанъ былъ тотъ небольшой запасъ мелочныхъ и, большею частію, несправедливыхъ обвиненій на православную церковь, какія могли они набрать изъ круга своихъ спеціальныхъ знаній — для оправданія своей, неожиданной для нихъ самихъ, оппозиціи. Но кромѣ того, что всѣ эти обвиненія были достаточно опровергнуты со стороны церкви въ «Жезлѣ правленія» и въ «Увѣтѣ духовномъ», теперь, когда борьба прекращалась, этотъ родъ сочиненій (въ

родѣ челобитной Лазаря или Савватія) утрачивалъ свое значеніе: теперь мало было отрицать Никоновы новшества, а нужно было выяснять себѣ, отчасти вновь строить свое положительное ученіе. Ученіе первыхъ расколоучителей было *старообрядчество* въ строгомъ смыслѣ: но обряды богослужебные сами по себѣ, а особенно при раскольничьемъ пониманіи ихъ, безъ проникновенія въ ихъ внутренній смыслъ и духъ, не составляютъ еще собственно ученія, не даютъ отвѣта на тѣ вопросы теоретическаго свойства, какіе естественно и неизбѣжно возникаютъ въ умѣ даже простодушнаго невѣжды. Пока расколъ не отторгся еще отъ церкви, а только препирался съ нею, онъ находилъ рѣшеніе этихъ вопросовъ въ общехристіанскомъ церковномъ ученіи, которое наравнѣ съ церковію содержали первые расколоучители, не имѣвшіе вообще намѣренія заниматься чѣмъ-либо, кромѣ усмотрѣнныхъ ими новшествъ въ новопечатныхъ богослужебныхъ книгахъ. Теперь, когда расколъ окончательно отдѣлился отъ церкви, когда не было уже у него ученыхъ вождей перваго времени, раскольники должны были начать жить своимъ умомъ, въ самихъ себѣ должны были искать рѣшенія вопросовъ, возникавшихъ внѣ всякой непосредственной связи съ исправленіями Никона. Какъ же строилъ расколъ свое ученіе? Изъ какихъ данныхъ сложилось оно? Кое-что могъ, конечно, извлечь расколъ изъ «твореній» первыхъ расколоучителей, хотя они и немного сдѣлали для раскола въ этомъ отношеніи. Безконтрольное, совершенно произвольное обращеніе съ дѣлами церковными, при слабомъ патріархѣ Іосифѣ, не пріучило первыхъ расколоучителей къ сдержанности и скромной умѣренности въ богословствованіи; ихъ невѣжественная вѣра въ собственную мудрость и непогрѣшимость не научила ихъ уважительно обходиться съ ученіемъ религіознымъ. Страстно и необузданно предаваясь «свободному мышленію,» они договаривались до самыхъ вопіющихъ несообразностей. Протопопъ Аввакумъ, этотъ «замѣчательный русскій богословъ,» какъ называютъ его новѣй-

шіе изслѣдователи раскола (*), и дѣйствительно самый ученый изъ расколоучителей перваго, допетровскаго періода, заговорилъ о томъ, что св. Троица сѣдитъ на трехъ престолахъ, а Христосъ особь, — *не спрятавшись сидятъ три царя небесные* » (**). Никита, бывшій священникомъ «многое число лѣтъ,» свящ. хлѣбу *на проскомидіи* поклонялся, какъ тѣлу Христову (***). А когда не стало этихъ вождей раскола, то дѣло пошло еще хуже. Расколъ могъ бы почерпнуть себѣ многое изъ древне-русской, дониконовской церковной жизни и письменности. Но невѣжество мѣшало ему воспользоваться этимъ нескуднымъ источникомъ; между тѣмъ выступали въ дѣло мотивы другаго свойства — страсть къ народоучительству новыхъ вождей раскола, руководимыхъ или однимъ желаніемъ — поставить какъ можно больше преградъ между никоніанствомъ и мнимымъ древнимъ благочестіемъ, или дать какъ можно большій просторъ сдерживаемому дотолѣ произволу и другимъ худшимъ инстинктамъ человѣческой природы. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе тѣхъ безобразныхъ ученій, какія стали проповѣдываться въ Брынскихъ лѣсахъ и въ другихъ мѣстахъ мужиками и бабами, съ которыми знакомятъ насъ св. Димитрій Ростовскій въ «Ро-

(*) См. Максимова, разск. изъ ист. старообр.

(**) См. «Розыскъ,» ст. 1, гл. 25, стр. 77 по изд. М. 1824 г. у А. Іоаннова, ч. 1, стр. 69 по изд. С.-Пет. 1831. У Есипова въ статьѣ «Керженскіе раскольники,» т. 2. Кстати здѣсь замѣтимъ, что Семенъ Денисовъ въ «Винограде Россійскомъ» отвергаетъ подлинность писемъ Аввакума, въ которыхъ онъ разсуждаетъ о св. Троицѣ: «Димитрій въ «Розыскѣ» и Питиримъ въ «Пращицѣ» оглаголуютъ Аввакума *неправедными* поношеньми,» говоритъ Семенъ. Въ діаконовскихъ отвѣтахъ Софоніевскаго толка (ст. 12) говорится: «Аввакумъ, Никита, Лазарь и прочіе ихъ товарищи, которые обличеніе на новыя книги писали, таковыхъ ихъ подлинныхъ писемъ не видѣхомъ. А еже въ «Жезлѣ» и «Увѣтѣ» обличеніе подъ ихъ именемъ, и тѣмъ обличеніемъ не слагаемся и отвѣту за нихъ не творимъ и тѣмъ обличеніемъ не мнимъ быти всѣмъ отъ нихъ писаннымъ.» Такъ сознавали Денисовы непригодность дѣйствій своихъ предшественниковъ и необходимость стать на новую дорогу. (См. Описан. раск., соч. А. Б., ч. 2, стр. 39.)

(***) См. «Жезлъ правленія»

зыскѣ» и Игнатій митроп. сибирскій въ своемъ третьемъ посланіи,—которыя не смотря на всю свою гнусность и нелѣпость, находили однако себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Расколъ видимо потерялъ свою почву, потому что въ такомъ богословствованіи, очевидно, не было и тѣни древняго благочестія, во имя котораго возсталъ расколъ,—и обнаруживалъ рѣшительную неспособность имѣть какую-либо духовную, церковную жизнь внѣ общенія съ церковію. Доколѣ расколъ былъ протестомъ, оппозиціей — не болѣе, онъ имѣлъ, конечно, нѣкоторый смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни церковной, по крайней мѣрѣ—могъ быть оправданъ, извиненъ. Теперь же, становясь внѣ церковнаго общенія, онъ былъ не только преступленіемъ противъ церкви, но и самоубійствомъ духовнымъ.

При такомъ положеніи дѣла какая судьба предстояла расколу? «*Затекаете во многомъ мудрованіи своемъ*, писалъ Аввакумъ еще къ современнымъ ему раскольникамъ,—*и уже другъ друга гнушаетеся... Глупцы! что черви капустные пропадете*» (*). По видимому, если когда должно было исполниться это пророчество, такъ это именно теперь, когда въ расколѣ было, по справедливому выраженію Ѳеофилакта Лопатинскаго, «*что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ.*» Расколъ, по видимому, долженъ былъ исчезнуть если не отъ внѣшнихъ гоненій, то отъ собственнаго внутренняго безсилія. Въ самомъ-дѣлѣ, сознавая указанное положеніе дѣла, какой здравомыслящій христіанинъ, которому дорого вѣчное спасеніе, не отрекся бы по видимому отъ раскола, какъ бы ни казались уважительны его претензіи! Но эти несчастныя массы, конечно, не отреклись отъ раскола; напротивъ, подъ вліяніемъ тѣхъ жестокихъ преслѣдованій, какимъ ихъ подвергали, они ожесточались все болѣе и болѣе. Тѣ мотивы, которые произвели расколъ въ началѣ, глубоко залегли въ русскую жизнь и не переставали дѣйствовать во все время. Затѣмъ привзо-

(*) См. *Описан.* Ал Б. ч. 2, стр. 21.

шли въ расколъ новые элементы, чуждые первоначальному его характеру: когда утвердилась въ расколѣ мысль объ антихристѣ,—за нее ухватилось съ жаромъ всякое недовольство, ища въ ней оправданія своему противленію. Наконецъ, въ пылу фанатизма, поддерживаемаго недавними преслѣдованіями, раскольникамъ не до того было чтобы осмысливать свои вѣрованія; да и въ болѣе спокойномъ состояніи, при ихъ невѣжествѣ, имъ трудно было понять, что ихъ религіозное чувство, большею частію искреннее и глубокое, питается такою незатѣйливою и недостойною пищей. Таковъ былъ ходъ предшествующей исторіи, такова была сила вещей. Расколъ рѣшился жить самостоятельно, независимо, на тѣ наличныя силы, какія нашлись у него въ данный моментъ. Расколъ не задумывался надъ своимъ положеніемъ, не выбиралъ; онъ съ перваго раза, какъ только открылась возможность, съ радостію устремился на тотъ путь, какой предъ нимъ открывался. А благодаря тѣмъ отношеніямъ, въ какія сталъ сначала къ расколу Петръ, предъ нимъ открывался довольно широкій путь: расколъ всего меньше способенъ былъ познать истину теперь когда его поддерживаетъ не только сознаваемое энтузіастическое вѣрованіе — что въ церкви царствуетъ антихристъ, но и безсознательно почувствованное благо жизни свободной — на всей своей волѣ, внѣ всякаго контроля и авторитета. Какъ гоненія возбуждали въ нихъ мистическую экзальтацію, влекли за собою самосожженія и другіе виды самоубійства: такъ теперь прекращеніе гоненій и ослабленіе правительственнаго надзора, со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго, неизбѣжно повлекло за собою деморализацію. Удалившись въ лѣса, каждый находилъ здѣсь удовлетвореніе своимъ личнымъ потребностямъ. Многіе увлеклись здѣсь мнимымъ подвижничествомъ, предавались различнымъ суровымъ подвигамъ, приводили въ изумленіе свою братію необычайностію своихъ мнимо-аскетическихъ затей (*).

(*) Въ исторіи Выгов. пустыни безчисленное множество подобныхъ примѣровъ. Инокъ Виталій, напр., переходя постоянно съ мѣста на

По недостатку разумной христіанской цѣли, внѣ церковнаго благословенія и просвѣщеннаго руководства пастырскаго, эти подвиги конечно не имѣли нравственнаго значенія. Эти лжемонахи утрировали и профанировали примѣръ древнихъ святыхъ подвижниковъ, которыхъ изучали въ прологахъ и чётьихъ-минеяхъ: усвоивъ до нѣкоторой степени ихъ внѣшность, они оставались чуждыми ихъ духу. Другіе стремились удовлетворить потребности свободнаго мышленія, занялись богословствованіемъ и произвели на свѣтъ тѣ странныя ученія, о которыхъ упоминалось выше. Кто имѣлъ страсть къ народоучительству, тотъ оставлялъ на время свои подвиги въ лѣсу, выходилъ въ села и деревни съ проповѣдію о старой вѣрѣ. Нешироко было содержаніе ихъ проповѣди,—всего двуперстное сложеніе, да чтеніе молитвы: Господи, Іисусе Христе *Сыне Божій*, а не «*Боже нашъ*» (*), тѣмъ неменѣе они находили себѣ вездѣ пріемъ и почетъ и слѣпое довѣріе. То, что было худшаго въ древнерусской церковной жизни—это узкое, исключительно обрядовое пониманіе вѣры, было лучшимъ въ жизни раскола. Нужно было радоваться, если эти отшельники въ лѣсахъ предавались пустосвятству, или мирнымъ сельскимъ занятіямъ: «пахали землю кочерюгою и сѣяли рожь подъ гарью.» Большею же частію выступали въ дѣло худшіе инстинкты; раскольники говорили, что живутъ по святоотеческимъ уставамъ, — а въ сущности правилами ихъ жизни были тѣ выработанныя ихъ досужимъ смысломъ аксіомы, въ которыхъ содержится или казуистическое оправданіе грѣха, или прямое внушеніе преступленія: «не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься;» или: «хоть семерыхъ дѣтей роди, только замужъ не ходи» (**). Наконецъ, эти простецы отреклись отъ за-

---

мѣсто, носилъ за плечами «чурку деревянную, сырую,» другой — въ то время, какъ топилась печь въ избѣ и вся изба наполнялась дымомъ, нарочито поднимался къ потолку, чтобы дымъ, собравшійся тамъ въ большомъ количествѣ, сильнѣе ѣлъ ему глаза и пр.

(*) См. напр. Есипова, т. 2. статью «Пафнутій.»

(**) См. Духъ мудр. раск. толков. іером. Іоанна, стр. 10.

конпаго руководства властей гражданскихъ и церковныхъ и нуждаясь, между тѣмъ, для удовлетворенія своихъ недалекихъ потребностей въ извѣстномъ внѣшнемъ устройствѣ своего быта, — неизбѣжно подпадали деспотизму какого-либо узурпатора, который, возвышаясь надъ толпою умомъ и житейскимъ тактомъ, льстя ея страстямъ, приспособляясь къ ея вкусамъ и понятіямъ, употреблялъ ихъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей.

Въ такое-то время жили и трудились для раскола братья Денисовы. Выступивъ на сцену въ такую пору, когда расколъ переживалъ свою критическую эпоху, когда, съ одной стороны, предъ нимъ открывался соблазнъ жизни самобытной—въ смыслѣ и духовномъ и матеріальномъ, а съ другой стороны,—при недостаткѣ въ жизни раскола всякаго религіознаго и церковнаго благолѣпія начало было пробуждаться безсознательное чувство неудовлетворенности и внутренняго противорѣчія,—они явились, какъ бы для того, чтобы своими талантами, своею чудовищною энергіей, помочь бѣдѣ, поправить дѣло раскола. Преосв. Макарій совершенно справедливо замѣчаетъ, что «никто столько не сдѣлалъ для раскола, какъ два брата Андрей и Семенъ Денисовы, князья Мышетскіе» (*). Чтожь это были за люди, и что сдѣлали они для раскола? Представимъ въ общихъ чертахъ характеръ и значеніе этихъ людей, насколько можемъ это сдѣлать послѣ внимательнаго изученія ихъ сочиненій и жизни.

1) Расколоучители перваго періода, доцетровскаго, выступая съ своимъ протестомъ, не имѣли никакихъ заднихъ мыслей и стороннихъ побужденій, кромѣ развѣ мелочнаго самолюбія и личнаго раздраженія противъ патр. Никона: большею же частію ими руководило непосредственное убѣжденіе въ правотѣ раскольническаго ученія; они взывали къ народу, потому что искренно, большею частію, вѣрили, что съ сугубымъ аллилуія, съ хожденіемъ посолонь и тому подобными

(*) Ист. раскола, стр. 256.

«догматами» соединено неразрывно вѣчное спасеніе. У нихъ одна забота—утверждать и распространять свое ученіе, успѣхъ котораго былъ для нихъ дѣломъ личной чести; что потомъ дѣлалось съ людьми, которые, внимая ихъ проповѣди, раздѣляли съ ними ненависть къ Никону и никоніанству,—то выходило изъ круга ихъ непосредственныхъ намѣреній: самъ Аввакумъ, проповѣдь котораго обнимала сравнительно болѣе широкій кругъ предметовъ, договорился лишь до частныхъ отношеній раскольниковъ къ православнымъ въ общежитіи. Въ Андреѣ Денисовѣ, въ первомъ изъ вождей раскола, мы замѣчаемъ заднія мысли болѣе крупнаго размѣра,—мысли, которыя выходятъ изъ круга узкихъ мелочныхъ интересовъ личныхъ. Тоже нужно сказать и о братѣ его Семенѣ, котораго вообще все значеніе состоитъ въ томъ, что онъ, обладая не меньшими талантами, какъ и Андрей, хорошо понялъ и усвоилъ себѣ его планы и цѣли и, подражая ему во всемъ, имѣлъ такой же успѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Оба брата воспитались и провели большую часть своей жизни въ Выговскихъ лѣсахъ и не имѣли никакихъ лично-непріязненныхъ отношеній къ кому-либо изъ правительственныхъ лицъ, подъ вліяніемъ которыхъ они могли бы раздражаться и ожесточаться такъ, какъ раздражался въ свое время Аввакумъ. Андрей Денисовъ обладалъ глубокимъ пониманіемъ раскола и современныхъ ему потребностей раскольнической общины: этимъ объясняется та необыкновенная энергія, какую обнаружилъ Андрей и какая имѣла своимъ слѣдствіемъ то цвѣтущее состояніе, въ какомъ оставилъ онъ расколъ послѣ себя.

2) Какія же эти заднія мысли? Что значитъ это необычайное служеніе расколу, всѣми силами своего существа, со стороны человѣка даровитаго, умнаго, даже ученаго? Ничего нѣтъ труднѣе, какъ произносить судъ о внутреннихъ побужденіяхъ, движущихъ дѣйствіями человѣка. Здѣсь, конечно, прежде всего имѣла значеніе естественная потребность дѣятельности, какую свойственно испытывать всякому человѣку,

сколько-нибудь возвышающемуся надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Поставленный рожденіемъ и ходомъ вещей въ извѣстной средѣ, онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ ея интересовъ и свою энергію посвятилъ именно этимъ интересамъ. Андрей былъ человѣкъ по своему ученый, умный, съ извѣстнымъ практическимъ тактомъ; но онъ не былъ тѣмъ, что называется—человѣкъ образованный, просвѣщенный; онъ, поэтому, не могъ понять узкости и мелочности многаго въ расколѣ. Какъ же понималъ Андрей интересы раскола? Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна одна главная забота, одно стремленіе: обособить, всѣми правдами и неправдами, раскольническую общину, выдѣлить ее изъ среды православнаго міра, обезопасить, укрыть ее отъ всякихъ сношеній и связей, которыя могли бы повести къ сближенію, а затѣмъ, можетъ быть, и къ примиренію съ никоніанами, «*оградить* церковь отъ враговъ ея»—какъ весьма удачно выражается П. Любопытный (*). Но для чего нужно было ему обособить раскольническую общину? Для того, чтобы самому властвовать надъ нею? Въ біографіяхъ Андрея и въ исторіи Выговской пустыни дѣйствительно проглядываетъ этотъ мотивъ довольно замѣтно. И конечно, распоряжаться по произволу тысячами, а можетъ быть и милліонами простодушныхъ энтузіастовъ, владѣть безотвѣтно ихъ душами и тѣлами—имѣло бы свою прелесть и для человѣка болѣе нравственнаго и развитаго, нежели какимъ былъ Андрей Денисовъ. Но едва-ли можно думать, что это былъ единственный мотивъ, двигавшій Андреемъ. Вопервыхъ, Андрей распоряжался раскольнической общиною, какъ мы увидимъ, не безотвѣтно и не деспотически; затѣмъ,—дѣло управленія «выговскимъ пустынножительствомъ» сопряжено было для него со многими трудами и скорбями; для того, чтобы переносить ихъ, нужно было имѣть много любви къ своему дѣлу. Необычайная энер-

(*) См. Чт. Моск. Об. Ист. и др. 1863 г. кн. I, библіотека П. Любопытнаго.

гія, какою отличался Андрей, свойственна только людямъ болѣе или менѣе убѣжденнымъ. Этой энергіи вполнѣ отвѣчаетъ и тотъ энтузіазмъ, какой пробудилъ къ себѣ Андрей въ раскольнической массѣ, во всемъ раскольничьемъ мірѣ. Кажется, что Андреемъ не руководила наивная вѣра въ обыкновенные раскольническіе догматы, обыкновенный фанатизмъ раскольнической толпы. Конечно, по образу понятій о вещахъ, какой высказываетъ Андрей въ своихъ сочиненіяхъ, онъ былъ настоящій раскольникъ, т. е. онъ стоялъ, по видимому, на той степени религіознаго пониманія, какая доселѣ составляетъ отличіе раскола, — это крайній консерватизмъ въ вопросахъ церковныхъ, въ быту общественномъ и гражданскомъ; онъ придавалъ такое же догматическое значеніе обрядовой сторонѣ вѣры, какъ и вся прочая его братія, слѣпо признавалъ безусловную истинность всего, что существовало въ церкви до Никона, также былъ глухъ и нѣмъ ко всему, что говорилось церковію. Но эти понятія о вещахъ не возвышались въ немъ до степени живаго убѣжденія, задушевной думы. Андрей Денисовъ не обладалъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, при которомъ человѣкъ бываетъ особенно чутокъ къ истинѣ религіозной, по временамъ предается весь религіозной думѣ, которая бываетъ для него источникомъ чувствъ и самыхъ высокихъ сладостныхъ и мучительныхъ душевныхъ страданій, какъ это было напр. съ Лютеромъ. Нѣтъ, Андрей относился къ истинѣ религіозной холоднымъ умомъ, такъ сказать схоластически. Онъ усердно занимался богословствованіемъ, но не потому, чтобы въ этомъ настояла внутренняя потребность для него лично,— а изъ побужденій чисто внѣшнихъ; эти ученые труды нужны были ему для того, чтобъ обезопасить свою общину отъ внѣшняго вмѣшательства, отдѣлаться отъ запросовъ власти церковной и гражданской. Если бы расколъ остался безотвѣтенъ предъ этими запросами, онъ потерялъ бы всякій законный поводъ къ своему отщепенству: расколъ долженъ былъ бы тогда или соединиться съ церковію, какъ это сдѣ-

лали поповцы послѣ неудачныхъ преній съ Питиримомъ, или же подвергнуться преслѣдованію гражданскаго правительства, которое въ этомъ случаѣ получало благовидное основаніе видѣть въ раскольникахъ не столько церковныхъ отщепенцевъ, людей отдѣлившихся отъ церкви по различію сознательнаго религіознаго вѣрованія, сколько враговъ порядка общественнаго, противниковъ власти гражданской; тогда открывался бы просторъ разнымъ принудительнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ расколу, со стороны правительства, въ родѣ тѣхъ, какими дѣйствовали противъ раскола предшественники Петра. Таково было происхожденіе знаменитыхъ «Поморскихъ отвѣтовъ.» «*Сіе отвѣтное разглагольствіе писахомъ* съ древлецерковными доводы, съ святоотеческими свидѣтельствы, говоритъ Андрей Неофиту въ предисловіи.—*дабы ваше учительство*, усмотрѣвъ насъ во святоотеческихъ уставѣхъ крѣпцѣ и несумнительнѣ пребывающихъ, *оставили насъ неволнуемы и необидимы, но отеческими утробами милостиво ущедрнемы.*» Въ этомъ случаѣ Андрей весьма охотно дѣлалъ употребленіе изъ своихъ схоластическихъ способностей, радъ былъ дать работу мысли цѣпкой и изворотливой. Очень можетъ быть даже, что Андрей вовсе не вѣрилъ во многія изъ тѣхъ мелочей, которыя доказывалъ и изъ-за которыхъ препирался (*). Такимъ образомъ мы не думаемъ, чтобы главнымъ источникомъ энергіи Андрея была какая-либо простодушная вѣра въ раскольническіе догматы.... Умъ Андрея былъ болѣе практическаго свойства: онъ охотно занимался богословскими преніями, но еще охотнѣе, еще съ большею энергіею

(*) Изучая главнѣйшія, лучшія сочиненія Андрея, нельзя не замѣтить по мѣстамъ чувство и поносъ; но это чувство не относится къ доказываемой имъ «истинѣ:» этимъ вещамъ у него принадлежатъ лишь силлогизмы и аргументы. А чувство это есть — чувство ловко сдерживаемой, но все-таки замѣтной злобы въ отношеніи къ православной іерархіи и къ духовенству вообще, которое не хочетъ оставить въ покоѣ его паству, не хочетъ отказаться отъ своего права проповѣдывать слово истины заблуждающимъ; это — чувства ироніи, презрѣнія, ненависти, обставленныя часто весьма почтительными выраженіями.

онъ трудился, когда нужно было рѣшить какую-нибудь трудную практическую задачу, какъ наприм. выдти изъ затруднительнаго положенія. Андрей не столько былъ занятъ ученіемъ раскола, сколько его внѣшнею судьбой. Ученіе раскола было для него преданіемъ, готовымъ даннымъ; что же касается внѣшней судьбы раскола, то здѣсь каждую минуту расколъ, такъ сказать, вопіялъ къ нему о помощи: постоянно и чутко ему нужно было прислушиваться, откуда дуетъ вѣтеръ, не грозитъ ли откуда опасность—и предотвращать ее; въ этомъ случаѣ Андрей былъ для раскола человѣкъ незамѣнимый. Бѣдственная судьба исповѣдниковъ древняго благочестія поражала его въ дѣтствѣ; надъ нею задумывался Андрей въ болѣе зрѣлыя лѣта, она же и до конца жизни постоянно давала работу его головѣ и его сердцу. Въ заботахъ объ улучшеніи внѣшней судьбы раскола Андрей поставлялъ свое призваніе, въ нихъ находилъ онъ наслажденіе независимо отъ помысловъ властолюбія, и предавался этимъ заботамъ съ увлеченіемъ, съ страстію. «*Яко смокву обрѣтохомъ въ пустыни Израиля, или яко зерно едино или второе зрѣло въ безгоднѣ гроздѣ,* говоритъ Андрей о первомъ времени своего пребыванія въ пустынѣ Выговской: *бѣ бо тогда стадо Христово въ сихъ поморскихъ пустыняхъ аки въ нощи бурнѣй и темнѣй, въ гонительныхъ волненіихъ и отъ безчисленныхъ людей въ обуреваніихъ, по пустынямъ, страдальчески, безъ чина и паствы*» (*). При видѣ этого разсѣяннаго стада въ немъ естественно было явиться желанію—собрать его и заняться его судьбой. Итакъ вотъ что возбуждаетъ фанатизмъ и энергію Андрея главнымъ образомъ — внѣшняя бѣдственная судьба раскола. Раскольнику, а особенно раскольнику тѣхъ временъ, слишкомъ трудно было бы, еслибы даже онъ и захотѣлъ отрѣшиться отъ пристрастій и предубѣжденій противъ церкви православной. Затѣмъ Андрей шелъ обыкновеннымъ путемъ всѣхъ отрицателей: случайныя явленія въ русской церкви принялъ за

(*) Въ надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву.

общій законъ ея жизни, частное обнаруженіе, внѣшнюю форму—за существенное, и пришелъ такимъ образомъ къ убѣжденію, что благо его общины—въ разрывѣ съ церковію и государствомъ, въ уединеніи и самобытномъ существованіи, — каково бы ни было это существованіе.

Съ этой точки зрѣнія яснымъ представляется для насъ поведеніе и характеръ дѣйствій Андрея. Онъ видѣлъ, что единственное средство обособить его общину отъ православныхъ — раскольничество, — что какъ въ глазахъ народа только религіозный фанатизмъ можетъ быть достаточно сильнымъ побужденіемъ выдѣлиться изъ общаго гражданскаго порядка, бросить села и деревни и бѣжать въ пустыню, обособиться отъ міра, въ которомъ царитъ антихристъ, такъ и въ глазахъ правительства гражданскаго и церковнаго религіозное разногласіе можетъ служить достаточно благовиднымъ оправданіемъ отдѣленія со стороны раскола отъ церкви и общества: и вотъ онъ защищаетъ раскольничество всѣми силами, стараясь доказать, что *не въ своихъ, но въ древлепреданныхъ уставѣхъ пребываемъ... Не новины какія затѣяхомъ, не доматы своесмышленныя нововнесохомъ, не за своевольная преданія утверждаемся:* но готовая древлеправославныя церкве преданія содержимъ, по готовымъ священнымъ книгамъ Богу службу приносимъ... Пріобщенія нынѣшнія россійскія церкви опасаемся *не церковныхъ собраній гнушающеся, не священныя саны отмѣтающе, не тайнодѣйствъ церковныхъ ненавидяще,* — но подъ древлецерковная запрещенія да не подпадемъ, съ новоположенными клятвами и порицаніями на древлецерковныя содержанія согласитися ужасаемся... *Сего ради нѣсмы расколотворцы* (*). Въ этомъ состоитъ первое и главное значеніе «Поморскихъ отвѣтовъ»; какъ ни велико это сочиненіе по объему, но въ немъ далеко не все сказано изъ дѣйствительныхъ вѣрованій Андрея и его паствы; многое скрадывается, ради большей благовидности. Андрей идеализируетъ расколъ,

(*) См. Помор. отв. вступленіе.

изображаетъ въ такомъ видѣ, въ какомъ желалъ бы видѣть его самъ, или, лучше сказать, въ какомъ видѣ расколъ долженъ былъ представляться по намѣренію Андрея въ глазахъ правительства. Подобнымъ образомъ и проповѣди Андрея имѣютъ цѣлію не столько разсѣять умственное невѣжество его паствы и дать имъ сколько-нибудь ясное пониманіе тѣхъ вѣрованій, за которыя боролся расколъ: Андрей главнымъ образомъ борется противъ нравственныхъ настроеній паствы, которыя могли бы навлечь на Выговскую общину преслѣдованіе правительства, которое терпѣло ея существованіе въ томъ единственно убѣжденіи, что въ Выговскомъ общежительствѣ все обстоитъ благополучно. Далѣе: когда эти простые люди, спасаясь отъ преслѣдованій полиціи, очутились въ пустынѣ,—они вообразили себя пустынниками, аскетами. Но привыкши вести жизнь семейную, они, конечно, оказались вовсе неспособными къ жизни аскетической. Андрей не могъ не видѣть этого; но преслѣдуя свою цѣль — обособить свою общину отъ міра никоніанскаго, онъ не счелъ нужнымъ разочаровывать ихъ, выводить ихъ изъ заблужденія, чтобы, съ одной стороны — не отнять отъ нихъ того, что заставляло ихъ любить свое уединенное положеніе; а съ другой, — чтобы сдѣлать ихъ жизнь хотя по внѣшности благовидною: онъ предоставилъ имъ пустосвятствовать, сколько имъ годно, устроилъ даже жизнь ихъ на подобіе монастырской. Такой утилитарный взглядъ на дѣло, конечно, достоинъ осужденія, — этимъ Андрей закрѣплялъ за расколомъ то фарисейство, то безнравственное раздвоеніе внутренняго и внѣшняго, какое доселѣ характеризуетъ расколъ. Но нужно сказать, что какъ ни широкъ былъ взглядъ Андрея въ этомъ случаѣ, многаго труда стоило ему соблюдать и ту внѣшнюю благовидность, какую онъ считалъ необходимою. Потворствуя иногда разврату въ своей общинѣ, онъ уступалъ необходимости, уступалъ не безъ борьбы, какъ это видно изъ его проповѣдей, которыя всѣ почти посвящены увѣщаніямъ и обличеніямъ, хотя довольно нерѣшительнымъ и осторожнымъ,

потому что его власть въ общинѣ не была на столько сильна, чтобъ онъ могъ ригористически вести себя въ отношеніи къ своей паствѣ; онъ видѣлъ невозможность передѣлать всю общину по извѣстной теоретической мѣркѣ, искоренить вдругъ то, что было въ натурѣ раскольника.

3) Что же именно сдѣлалъ Андрей для раскола? Въ описанное нами время, вождю раскола предстояло выполнить двѣ задачи: собрать воедино это расточенное стадо, организовать его въ благоустроенную общину, привести въ порядокъ его внѣшній бытъ, обезпечить по возможности его гражданское положеніе, спокойныя и независимыя отношенія къ правительству гражданскому и церковному, дать раскольнической общинѣ свое хозяйство, свой внутренній бытъ; и вовторыхъ — привести въ порядокъ ученіе раскола, поставить снова расколъ на его первоначальную почву, отъ которой отторглись первые расколоучители въ жару фанатизма и ожесточенія,—формулировать раскольническія вѣрованія, дать имъ опредѣленный, по возможности систематическій видъ, подъискать для нихъ qvasi-научныя основанія, чтобы свое отчужденіе отъ церкви и общества православнаго расколу можно было оправдывать своими вѣрованіями, замаскировать дѣйствительные мотивы этого отчужденія; наконецъ, — для самой раскольнической общины рѣшить накопившіеся вопросы, возникшіе изъ новаго отчужденнаго положенія ея. Андрей съумѣлъ выполнить какъ ту, такъ и другую задачу. Организуя раскольническую общину, онъ далъ ей благовидное устройство, не стѣсняя въ тоже время серьезно инстинктовъ, порывовъ своеволія и разнузданности нравственной. Удовлетворяя второй потребности, Андрей далъ имъ такое богословіе, которое стояло гораздо выше пониманія раскольнической толпы и которое надолго обезопасило и укрыло поморцевъ со стороны правительства. Петръ Великій былъ вполнѣ удовлетворенъ «Поморскими отвѣтами.»

Совершенно понятенъ тотъ необыкновенный энтузіазмъ, съ какимъ относятся къ Андрею Денисову раскольники всѣхъ

временъ, для изображенія котораго безсильною оказывается незатѣйливая риторика его біографовъ и панегиристовъ (*). Нѣтъ похвалы, которою бы они его не превознесли. По мнѣнію современныхъ намъ раскольниковъ, заслуги Андрея *для христіанства и церкви* могутъ быть сравнены только съ заслугами св. князя Владиміра равноапостольнаго. Такъ угличскій купецъ Выжиловъ показывалъ о себѣ на допросѣ, что онъ—«христіанскія вѣры, которая была *принята княземъ Владиміромъ* при крещеніи, и согласно 106 отвѣтамъ, *даннымъ* іеромонаху Неофиту *княземъ Мышетскимъ* при Петрѣ I» (**). Вообще братья Денисовы не только подняли упадавшее дѣло раскола, но и сообщили ему ту силу, самоувѣренность и самодовольство, которыя такъ долго служили и доселѣ служатъ источникомъ его несокрушимаго упорства. *Той есть матка всему*, говоритъ раскольникъ Круглый предъ Самаринымъ, указывая на Семена Денисова: *той есть матка всему, а то—дѣтки: они прельстили весь олонецкій уѣздъ, и не только олонецкій уѣздъ, но и всю Россію....* (***) Вотъ эпиграфъ къ исторіи Денисовыхъ!

Считаемъ не лишнимъ показать источники, которыми мы пользовались при нашемъ изученіи.

1) «Житіе и жизнь премудраго древняго благочестія учителя, блаженнаго отца Андрея Діонисьевича, иже трудоподвижнѣ написа.... преславныя книги, отвѣтственныя — едину противъ епископа Питирима, другую же... противъ Неофита» Сочиненіе это гораздо большаго объема, нежели какъ можно *было* ожидать отъ біографіи, гораздо бо-

---

(*) «Отечество премудраго сего учителя (такъ напримѣръ начинается одна изъ біографій Андрея) изъ славнѣйшей части свѣта Европы славнѣйшая Россія, елико изобилующая всякими плодами и древесами, толико и пребогатая разными металлы; преславна же есть и славными царями, и крѣпкимъ воинствомъ, наипаче же благочестивымъ православіемъ и вѣрою во св. Троицу и пр.

(**) См. Кельс. вып. 4-й, стр. 246.

(***) Раск. дѣла XVIII ст. Есипова, т. I, стр. 397. Ист. Выгов. пуст., гл 73.

лѣе интересное, нежели какъ можетъ представиться при первомъ взглядѣ на него. Біографъ поставилъ для себя задачей восхвалить Андрея и говорить о немъ тономъ панегирика; но по мѣстамъ сообщаетъ много весьма характеристическихъ подробностей, иногда проговаривается и о такихъ фактахъ, которые могли бы и не имѣть мѣста въ панегирикѣ. По каталогу Любопытнаго извѣстны два «житія» Андрея Діонисіевича: одно принадлежитъ Ивану Филиппову (№ 310), автору «исторіи Выговской пустыни»; другое (№ 130)—Андрею Борисову, знаменитому настоятелю Выговской пустыни въ царствованіе Екатерины II. Что «житіе», которымъ мы пользовались (рукопись Импер. Публ. Библ. № 1276) не принадлежитъ Ивану Филиппову, это видно изъ того, что авторъ его, по его же словамъ, только «пользовался сочиненіемъ писателя Ивана Филиппіевича» исторіею Выговской пустыни. «Наиболѣе отъ слышанія жительствовавшихъ съ нимъ (съ Андреемъ).... сіе повѣствованіе происходитъ, ничто же убо сами отъ сего видѣвше, но отъ списавшихъ таковая яко цвѣты собрахомъ.... еще же и отъ исторіи Ивана Филиппіевича».... Итакъ это компиляція, принадлежащая Андрею Борисову (род. 1734, ум. 1791 или 1809 г, см. Кат. Люб.; и хронологію Любопытнаго—въ раск. дѣлахъ XVIII ст., т. 1).

2) «Исторія Выговской пустыни», сочиненіе одного изъ преемниковъ Андрея, Ивана Филиппова, описывающее всѣ событія въ Выговской пустыни отъ начала появленія тамъ раскола до 1740 г.,—событія, въ которыхъ Андрей Денисовъ большею частію былъ главнымъ дѣятелемъ.

3) Сочиненіе Ивана Алексѣева — «о тайнѣ брака»: здѣсь нѣсколько подробностей объ отношеніяхъ Андрея къ раскольнической общинѣ, отчасти его ученіе о бракѣ.

4) «Раскольничьи дѣла XVIII стол., извлеченныя изъ дѣлъ Преображ. приказа и тайной канцеляріи, Есипова»; — здѣсь нѣсколько подробностей изъ жизни Андрея и Семена—оффиціальнаго происхожденія.

5) Сочиненія православныхъ обличителей раскола: преимущественно обличеніе неправды раскол. преосв. Ѳеофилакта Лопатинскаго, и «дополненіе»... къ этому сочиненію преосв. Арсенія Маціевича (рукопись Имп. Публ. Библ. въ каталогѣ Строева — «описаніе б-ки Толстаго», IV, 60, это сочиненіе ошибочно приписывается Неофиту; — что оно не принадлежитъ послѣднему, видно изъ самого заголовка его: «дополненное обличеніе неправыхъ отвѣтовъ выгорѣцкими пустосвятами *честному* іеромонаху Неофиту составленное.... въ нынѣшнемъ 1745 году...): оба эти сочиненія посвящены разбору Поморскихъ отвѣтовъ, — послѣднее—преимущественно введенія. Преосв. Арсеній занимается не столько частностями раск. ученія, сколько вникаетъ въ духъ раскола и въ характеръ его жизни. Другіе второстепенные источники будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Главнымъ же источникомъ для изученія личностей двухъ братьевъ должны были бы служить ихъ сочиненія, которыхъ Андрей написалъ 115 №№ (по каталогу Любопытнаго), а Семенъ больше 50-ти. Мы имѣли подъ руками изъ всѣхъ сочиненій Андрея 29 №№ (за исключеніемъ «Поморскихъ отвѣтовъ»): это сборникъ проповѣдей Андрея и его разсужденіе о крещеніи (рук. Имп Публ. Библ, № 345 т. 4; по каталогу Строева, № 385). Изъ проповѣдей Андрея наиболѣе замѣчательнымъ намъ представляется «надгробное слово выгорѣцкому экклизіарху Петру Прокопьевичу, еще же и исторія краткая о общежительствѣ семъ», довольно обширное сочиненіе, въ которомъ онъ излагаетъ всю первоначальную исторію раскола въ Поморьѣ и нѣкоторые, болѣе замѣчательные факты изъ временъ своего настоятельства. Въ «исторіи Выговской пустыни», изданной Кожанчиковымъ, вся первоначальная исторія раскола въ Поморьѣ заимствована слово-въ-слово изъ этого сочиненія. Изъ сочиненій Семена, мы имѣли подъ руками всего лишь «Виноградъ Россійскій», да исторію о страдальцахъ соловецкихъ... При такомъ недостаткѣ необходимѣйшихъ матеріаловъ, при недоставкѣ по-

собій, котерыя могли бы служить руководящею нитью для сужденія объ Андреѣ,—мы ограничиваемъ свою задачу тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ поставить вопросъ о личности Андрея и его брата, намѣтить главныя черты ихъ характера, разсказать съ возможною полнотой всѣ тѣ факты изъ ихъ жизни, какіе намъ удалось узнать на основаніи упомянутыхъ матеріаловъ, и которые, какъ доселѣ мало извѣстные и даже неизвѣстные, могутъ представлять въ себѣ нѣкоторый интересъ и послужить данными для представленія двухъ знаменитыхъ дѣятелей раскола.

II

Духовно-нравственное состояніе поморскаго края въ XVII вѣкѣ и первоначальная исторія раскола въ Поморьѣ.

Значеніе первоначальнаго иночества для христіанскаго просвѣщенія и матеріальнаго улучшенія поморскаго края; размноженіе монаховъ въ Поморьѣ предъ появленіемъ тамъ раскола; отношеніе этихъ обстоятельствъ къ характеру поморскаго раскола; частная исторія «Выгорѣнія,» другія обстоятельства, благопріятствовавшія успѣхамъ раскола въ Поморьѣ; начало и ходъ раскола въ Поморьѣ.

Братья Денисовы съ своими идеями и стремленіями, насколько въ нихъ есть отличительнаго въ сравненіи съ другими раскольническими толками, составляютъ, такъ сказать, плодъ предшествовавшей исторической жизни поморскаго края. Поэтому, прежде, нежели изглагать жизнь Андрея и его труды для раскола, необходимо сказать нѣсколько словъ вопервыхъ о духовно-нравственномъ состояніи поморскаго края въ эпоху, предшествовавшую появленію здѣсь раскола, и вовторыхъ—о первоначальной исторіи самого раскола въ Поморьѣ. Духовно нравственное состояніе поморскаго края въ XVII стол. представляетъ ту почву, которую такъ заботливо и такъ мастерски обработывалъ Андрей, на которой онъ сѣялъ свои сѣмена и собиралъ свою жатву. А первона-

чальная исторія раскола въ Поморьѣ представляетъ намъ сумму тѣхъ вліяній, подъ которыми развился лично самъ Андрей, съ своимъ характеромъ и энергіей.

1. Въ первоначальной исторіи поморскаго края прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то значеніе, какое имѣло здѣсь иночество и монастыри, какъ для духовно-нравственнаго развитія населенія, такъ и для его внѣшняго, матеріальнаго быта. Первые зачатки христіанства принесены сюда новгородскими промышленниками, которые, предпринимая сюда экспедиціи для своихъ торговыхъ и промышленныхъ цѣлей, вывозили съ собою и священниковъ, какъ для насаждаемыхъ ими колоній, такъ и для проповѣди язычникамъ. Затѣмъ, о нѣкоторыхъ новгородскихъ князьяхъ, напримѣръ о Ярославѣ Всеволодовичѣ, отцѣ св. Александра Невскаго, извѣстно, что они также озабочены были особенно распространеніемъ христіанства въ сѣверныхъ своихъ владѣніяхъ (*). Но ни новгородскіе промышленники, преслѣдовавшіе здѣсь больше свои эгоистическіе, меркантильные интересы, ни князья новгородскіе, дѣйствовавшіе не безъ участія внѣшней силы и принудительныхъ мѣръ, не могли, конечно, сдѣлать многаго для христіанскаго просвѣщенія поморскаго края: однимъ—эгоизмъ, другимъ—оффиціальное значеніе мѣшали пріобрѣсть сердечное расположеніе поморскихъ жителей, столько необходимое для того, чтобы дѣло обращенія могло быть искреннимъ и прочнымъ. Въ дѣлѣ про-

---

(*) Эти экспедиціи продолжались съ XI до XIV в. включительно. Первое историческое упоминаніе о насажденіи христіанства въ Поморьѣ (древняя Коріаландія и Двинская земля, нынѣ губерніи архангельская и олонецкая, относится къ 1134 году: уставъ Святослава, князя новгородскаго, опредѣляя, откуда сколько нужно получать доходовъ новгородскому владыкѣ, говоритъ: «а се обонезьскій рядъ: во Олонци три гривны» и пр. (См. *Ист. Карамз.* т. II, прим. 267). Ярославъ Всеволодовичъ распространялъ здѣсь христіанство въ 1227 г. (См. *Олонец. Губ. Вѣд.* 1849 г., № 11).

свѣщенія Поморья свѣтомъ Христовой вѣры всего больше потрудились мѣстные святые подвижники и пустынножители. Желая удалиться отъ міра для уединенныхъ душеспасительныхъ подвиговъ и богомыслія, жители сосѣднихъ населенныхъ мѣстъ области новгородской нигдѣ, конечно, вблизи не могли найдти лучшаго уединенія, какъ въ поморскихъ лѣсахъ и пустыняхъ. Съ самыхъ раннихъ поръ, одновременно съ удалыми новгородскими молодцами, распространившими русскія колоніи на финскомъ сѣверо-востокѣ, насаждавшими села, починки, погосты «въ Лопи, въ Чуди, въ Корелѣ,» наряду съ ними устремлялись сюда и отшельники, съ неменьшею отвагой пролагая себѣ пути среди лѣсовъ и болотъ, и селились гдѣ-либо у подошвы горы, на берегу озера, при ручьѣ. Своими высокими подвигами и добродѣтелями они привлекали къ себѣ общее вниманіе окрестныхъ дикарей — язычниковъ. Сначала дикари съ любопытствомъ всматривались въ ихъ жизнь и дивились на нихъ. Потомъ, убѣдившись въ отсутствіи всякихъ враждебныхъ замысловъ противъ нихъ, они мало-по малу начинали сближаться съ отшельниками, обращаться къ нимъ за совѣтомъ и руководствомъ въ дѣлахъ житейскихъ и находили у нихъ себѣ готовую, посильную помощь: дикари увидѣли въ пустынникахъ своихъ благотворителей, которые не только не искали отъ нихъ поживы, но съ самоотверженіемъ готовы были сами помогать имъ. Вниманіе ихъ къ пустынникамъ переходило тогда въ уваженіе, благоговѣніе, — пустынники пріобрѣтали на нихъ полное нравственное вліяніе, учили ихъ истинамъ вѣры и насаждали въ нихъ христіанскіе нравы. У нихъ не было иного оружія, кромѣ слова, и проповѣдь ихъ всегда была успѣшна. Иногда, впрочемъ, услышавъ новое ученіе, противное ихъ праотеческой вѣрѣ, дикари ожесточаются противъ проповѣдниковъ: тогда незлобіе и готовность страдать обезоруживаютъ ихъ, и отъ ожесточенія они снова возвращаются къ дѣтской покорности и живой преданности св.

подвижнику (*). Благотворя народу при жизни, святые не оставляютъ его и по смерти. Въ основанные ими монастыри, народъ стекался со всѣхъ сторонъ, ища себѣ здѣсь у ихъ нетлѣнныхъ останковъ помощи и вразумленія во всѣхъ бѣдственныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ, и нерѣдко, по вѣрѣ,

(*) Эти черты жизни первоначальнаго поморскаго подвижничества мы извлекли изъ житій сѣверно-поморскихъ святыхъ, которыя печатаются по рук. соловецкой библіотеки въ *Прав. Собесѣдн.*, въ цѣломъ составѣ, въ приложеніяхъ, и многочисленными отрывками во многихъ статьяхъ этого журнала. Здѣсь же можно видѣть, какъ много сдѣлали подвижники и основанные ими монастыри для улучшенія матеріальнаго быта края, для гражданскаго его развитія. Въ окрестностяхъ Соловецкаго монастыря, напримѣръ, до XV в. жили Лопари: «древле быша сіи родове, яко звѣріе дикіи, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, неимущіе ни храма, ни иного потребнаго къ жительству человѣческому, — но токмо животными питахуся, одежда же ихъ кожа еленей бяше. Отнюдь Бога истиннаго ни знати, ни разумѣти хотяху, — но имъ же кто когда чрево наполнитъ, тогда оно и Бога поставляше, и аще иногда каменіемъ убіетъ, камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое — палицу боготворитъ...» А когда Савватій и Зосима поселились на Соловецкомъ островѣ, то принесли въ Поморье и сѣмя истинной вѣры и начатки матеріальнаго благосостоянія. Тамъ, гдѣ финскіе дикари вовсе не умѣли управлять стихіями природы для улучшенія своего быта, вполнѣ подчиняясь физическимъ неудобствамъ страны, тамъ появлялись улучшенія, весьма рѣдкія въ древней Руси. Озера на Солов. островѣ соединены были каналами; тамъ расчищали и устрояли хорошія дороги на мѣстахъ, дотолѣ покрытыхъ непроходимыми болотами и мхами; увеличивали приливъ воды въ мелководыхъ рѣкахъ; строили каменныя водяныя мельницы, къ которымъ проводилась вода посредствомъ каналовъ изъ отдаленныхъ озеръ. Тамъ, гдѣ прежде не знали самыхъ простыхъ орудій для наливанія и выливанія воды,—полудикари видѣли искусственные проводники воды, чрезъ которые жидкость «сама сливалась со всѣхъ чановъ: чрезъ трубу подымается наверхъ, — разольется по всѣмъ бочкамъ, да и въ погребъ сама льется.» До Филиппа игумена рожь на сушило носили многіе, а игуменъ Филиппъ нарядилъ телѣгу: сама насыплется, и сама привезется, и насыплется рожь на сушило. Прежде рожь подсѣвали многіе; а игуменъ досталъ сѣвальню съ 10 рѣшетами,—сѣетъ одинъ человѣкъ. Прежде многіе братія носили рожь на гумно вѣять, а игуменъ нарядилъ вѣтеръ, мѣхами въ мельницахъ рожь вѣетъ.» Тамъ, гдѣ не знали никакого употребленія глины, кромѣ выкапыванія ямъ, — устроены были кирпичные заводы и проч.

получалъ чудесную помощь отъ святаго,—а отъ его учениковъ, иноковъ его монастыря—назиданіе, вразумленіе, а очень часто и матеріальную помощь. Около монастырей мало-помалу выростаютъ обширныя селенія, такъ что они становятся центрами наиболѣе населенныхъ мѣстностей края (*). Монастыри строятъ въ этихъ селеніяхъ на свое иждивеніе церкви, не заботясь о томъ, кому онѣ будутъ принадлежать: монастырямъ ли, или князю, или какому-нибудь частному лицу.... Велико было значеніе монастырей для всей древней Россіи; но едва ли не всего больше было это значеніе въ сѣверномъ Поморьѣ, гдѣ населеніе было болѣе чѣмъ гдѣ-либо дикое, гдѣ долго не было ни малѣйшихъ зачатковъ общественной жизни, которая такъ много содѣйствовала просвѣщенію народа на югѣ, — гдѣ, поэтому, монастыри были единственнымъ проводникомъ просвѣщенія въ народъ.

Это первоначальное значеніе монашества въ поморскомъ краѣ было причиною общаго здѣсь необыкновеннаго уваженія къ монашескому званію со стороны народа; а это уваженіе повело къ тому, что въ XVI и XVII вѣкахъ число монашествующихъ здѣсь увеличилось до такой степени, въ какой рѣдко гдѣ существовали они въ другихъ мѣстахъ Россіи (**). Обращая вниманіе на историческіе памятники поморскаго края, мы находимъ, что если въ какой-либо мѣстности—околоткѣ нѣтъ близко своего монастыря, тамъ живутъ «пришлые монахи,» въ нарочито-устроенныхъ на этотъ случай келіяхъ при церквахъ. Это послѣднее явленіе объясняется тѣмъ со одной стороны, что весьма значительная часть сельскаго населенія составляла вотчины или новгород-

---

(*) Когда св. Кириллъ поселился около Бѣлоозера, «пусто и скудно было мѣсто то, боръ бяше велій,... никому же отъ людей живущу.» А когда обитель Кирилла сдѣлалась извѣстною, около нея числилось 398 селеній (А. И. 1 стр. 299; А. Э. стр. 474).

(**) Подробную статистику монастырей здѣсь, см. въ Ист. Русск. ц. пр. Филарета—по періодамъ; также въ статьѣ пр. Макарія—въ *Хр. Чт.* 1861 г., сентябрь.

скаго владыки, или извѣстныхъ новгородскихъ монастырей: Юрьева, Хутыня, Важицкаго и др. (*). Управленіемъ митрополичьихъ и монастырскихъ имѣній завѣдывали обыкновенно уполномоченные отъ этихъ монастырей монахи; они жили или на погостѣ, или въ самыхъ деревняхъ, составлявшихъ монастырскую вотчину, на «монастырскомъ дворѣ,» въ которомъ и помѣщалось цѣлое управленіе, состоявшее изъ нѣсколькихъ монаховъ и служекъ монастырскихъ (**). Многія церкви, не только въ монастырскихъ и митрополичьихъ вотчинахъ, но и на помѣщичьей и государевой землѣ, построены были на иждивеніе богатыхъ монастырей; при такихъ церквахъ непремѣнно устроялись келіи (***) въ которыхъ находили пріютъ и «проживали подолгу всякіе пришлые монахи,» между которыми, конечно, не мало было самозванныхъ: такъ въ исторіи Выговской пустыни мы видимъ, что

(*) Такъ въ 1628 г., по писцовымъ книгамъ Микиты Панина (См. *Олон. Губ. Вѣд.* 1849 г.), въ 9-ти олонецкихъ погостахъ новгородскому владыкѣ и разнымъ новгородскимъ монастырямъ принадлежало здѣсь 1880 дворовъ, а въ нихъ 3123 челов., да 457 дворовъ бобыльскихъ, а въ нихъ 507 человѣкъ, да 100 дворовъ вдовьихъ, да 6 дворовъ монастырскихъ дѣтенышей,—людей всѣхъ въ нихъ 27 человѣкъ.» А всего сельскаго населенія въ этихъ погостахъ—всѣхъ сословій значится по тѣмъ же писцовымъ книгамъ—11,169 человѣкъ.

(**) Напр. *въ описаніи олонецкаго погоста* говорится: «да на погостѣ дворъ Юрьева монастыря, а живутъ въ немъ пріѣзжіе изъ монастыря старцы и служки» и проч. (См. тамъ же).

(***) *Въ описаніи олонецкаго погоста*: «да на погостѣ, на церковной государевѣ землѣ,—кельи, а въ нихъ живутъ старцы: черный попъ Герасимъ, старецъ Серапіонъ, старецъ Игнатій, старецъ Макарій.... да девять мѣстъ келейныхъ пустыхъ.... По другую сторону церкви — кельи жъ, а въ нихъ живутъ старицы, на крестьянскихъ накупленныхъ земляхъ: старица Дарья, старица Маремьяна и пр. (9 старицъ), а питаются отъ церкви Божіей...» «Погостъ Ильинскій: а на погостѣ четыре кельи, а живутъ въ нихъ старцы...» «Да на погостѣ и за погостомъ, 16 мѣстъ келейныхъ, а живутъ въ тѣхъ мѣстахъ старцы, да старицы...» Всего въ заонежскихъ черныхъ волостяхъ, въ 9 погостахъ 97 келій, а живутъ въ нихъ старцы, да старицы, а питаются отъ церкви Божіей.» *Олон. Губ. Вѣд.* 1849 г., въ нѣсколькихъ нумерахъ *Писцовыя книги.... М. Панина да Семена Копылова.*»

этими келіями пользуются раскольническіе лже-монахи (*). Всѣ эти монахи, какъ управители монастырскихъ имѣній, такъ и пришлые, живя внѣ монастыря, внѣ настоятельскаго надзора, среди простаго народа, не были, конечно, образцами монашеской жизни, не подавали простому народу понятія о монашествѣ, какъ дѣлѣ многотрудномъ, высокоподвижническомъ: они, конечно, много содѣйствовали распространенію между населеніемъ поморскаго края того легкаго взгляда на монашество, по которому каждый почти, какъ это было при началѣ раскола въ Поморьѣ, не считалъ для себя трудною монашескую жизнь. Кромѣ того, эти монахи, вообще не отличавшіеся умственнымъ образованіемъ, потому что были большею частію изъ простолюдиновъ, конечно, пользуясь случаемъ, восхищали себѣ не принадлежавшее имъ право учительства церковнаго. Ко многимъ изъ нихъ, конечно, могутъ быть отнесены слова царя Ѳеодора Алексѣевича, сказанныя имъ къ отцамъ московскаго собора 1681 года: «многіе монахи, мужеска пола и женска, говорилъ онъ, не хотя быть у настоятелей своихъ подъ послушаніемъ, отходятъ отъ монастырей....» и пр. (**). Такимъ образомъ исторіею монашества въ поморскомъ краѣ для насъ объясняется отчасти, почему при началѣ раскола мы здѣсь встрѣчаемъ такъ много расколоучителей изъ иноковъ, почему эти расколоучители изъ монашествующихъ имѣли здѣсь такой великій авторитетъ, почему, наконецъ, раскольническая поморская община

(*) Въ разсказѣ объ инокѣ Виталіѣ Иванъ Филипповъ сообщаетъ, что когда онъ пришелъ въ Малозерскій монастырь, «иже близь Петровскихъ заводовъ» за тридесять поприщь: то строитель монастыря, Макарій, иже весьма его любяше за его жестокое житіе и за бѣганіе ради храненія древняго благочестія, понеже Макарій и самъ о томъ знаяше, и болѣзноваше и хромаше, отослалъ его къ *церкви пр. Иліи въ келіяхъ пустыхъ жити*, которыя поставлены издавна для приходу къ церквамъ служителей и стояху пусты, никто бо смѣяше въ пустыхъ тѣхъ келіяхъ жити, понеже многихъ старцевъ прежде него живущихъ ту бѣси давляху, а овыхъ и до смерти удавиша.» И. В. П., стр. 118.

(**) См. Акт. Истор. т. V, № 75, стр. 117.

приняла яко бы монастырское устройство. При общемъ, идущемъ изначала, уваженіи къ иноческому званію, пустосвятство совратившихся иноковъ производило обаятельное дѣйствіе на народъ и дѣлало особенно авторитетнымъ ихъ слово; а тѣ изъ нихъ, которые не могли вести жизнь сколько-нибудь воздержную, не теряли уваженія въ глазахъ народа, въ силу того легкаго взгляда на монашескую жизнь, къ которому пріучилъ поморскихъ жителей постоянный видъ монаховъ, живущихъ среди міра обыкновенною мірскою жизнію.

2. Замѣчательна исторія той мѣстности, которой суждено было стать центромъ поморскаго раскола. Мѣстность эта всегда находилась въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Соловецкому монастырю, начиная отъ самыхъ первыхъ дней его существованія, до временъ Андрея Денисова. Въ XIV вѣкѣ на р. Выгѣ, при впаденіи въ нее р. Сороки, поселился преп. Германъ Соловецкій. Онъ прибылъ сюда, когда мѣсто это было совершенно пусто, вслѣдъ за первыми новгородскими колонистами, построилъ здѣсь часовню и жилъ больше года. Чрезъ нѣсколько времени послѣ него, прибылъ сюда преп. Савватій Соловецкій; ища большаго безмолвія они оба удалились отсюда на Соловецкій островъ. Въ послѣдствіи, проведши всю жизнь свою на Соловецкомъ островѣ, почувствовавъ приближеніе смерти, преп. Савватій пришелъ на Выгъ же, гдѣ жилъ въ то время при часовнѣ построенной Германомъ нѣкто іеромонахъ Нафанаилъ, который и напутствовалъ его въ вѣчную жизнь пріобщеніемъ св. Таинъ. Третій изъ основателей Соловецкаго монастыря препод. Зосима былъ урожденецъ села Толвуя (мѣстность ближайшая къ «Выгорѣціи»), постриженникъ Палеостровскаго монастыря. Въ концѣ XVI в. въ селѣ, гдѣ жилъ Нафанаилъ, жителей было всего двое, церковь бывшая тамъ стала ветха и стояла безъ пѣнія. Игуменъ Соловецкій св. Филиппъ въ 1542 году просилъ у царя Ивана Васильевича монастырю въ отчинное призрѣніе и благоустроеніе эту церковь и деревню. Царь исполнилъ его просьбу и освободилъ даже отъ волостель-

скаго и тіунскаго суда тѣхъ. «кто на Усть-Сорокѣ рѣки станетъ жити — людей и крестьянъ». Въ писцовыхъ книгахъ 1582 г. деревня эта названа погостомъ, имѣвшимъ церковь живоначальныя Троицы, дворы священно-и церковно-служителей, да дворъ Соловецкаго монастыря и нѣсколько дворовъ крестьянскихъ; погостъ предполагаетъ выселки или выставки, т. е. небольшія деревни, принадлежащія къ погостскому округу (*). Въ XVII в. здѣсь была уже волость, были волостные люди, бобыли, казаки и всякіе жилецкіе люди (**). Во все это время Соловецкій монастырь не оставлялъ заботиться о духовномъ и матеріальномъ благосостояніи этой мѣстности. Въ 1630 г. игуменъ Макарій писалъ новгородскому митрополиту Кипріану: «живутъ на ихъ монастырской землѣ, на р. Выгѣ, подъ порогомъ Воецкимъ ихъ монастыря крестьяне.... И то мѣсто отъ иныхъ монастырскихъ волостей, въ которыхъ церквіи Божіи есть, поудалѣло верстъ на 70 и 80 и больше, и мѣста пришлись непроходимыя, а многіе крестьяне въ болѣсти безъ покаянія и младенцы безъ крещенія помирали, потому что вскорѣ священниковъ для бездорожицы добыть не можно, и чтобъ тѣхъ нашихъ крестьянъ пожаловали, храмъ воздвигнуть благословили бы вновь, во имя св. Зосимы и Савватія на р. Выгѣ»... Въ 1645 г Соловецкій игуменъ Илія, когда построена была на погостѣ церковь, испросилъ у митрополита Авѳонія позволеніе и на старомъ мѣстѣ построить церковь (***). Этотъ игуменъ Илія, очевидно, тотъ самый, при которомъ начались смуты въ Соловецкомъ монастырѣ, когда присланы были сюда новоисправленныя книги,—который, послѣ тщетныхъ усилій ввести эти книги въ употребленіе, едва смогъ убѣдить братію не истреблять ихъ, а оставить до дальнѣйшаго разсмотрѣнія (****). Во вре-

(*) Неволинъ «о пятинахъ и погостахъ», стр. 168.

(**) *Ак. Эк.* Т. IV, № 70.

(***) А. Э. Т. IV, № 232.

(****) Преосвящ. Игнатій («Истина Солов. обители») оправдываетъ совершенно игумена Илію.— См. объ этомъ *рук. Имп. публ. биб.* № 362. «О пришествіи стольника Чаадуева въ Соловецкій монастырь».

мена народныхъ бѣдствій Соловецкій монастырь давалъ въ своихъ стѣнахъ пріютъ и убѣжище пострадавшимъ жителямъ обонѣжскимъ—«изъ поморскихъ и каргопольскихъ волостей и изъ лопскихъ погостовъ (*). Все это живо помнили обонѣжскіе и поморскіе жители (**), и этимъ объясняется, почему соловецкія смуты имѣли такое сильное вліяніе на поморскій край и въ особенности на выгорѣцкій, а съ другой стороны—почему сюда именно устремились съ своею проповѣдію раскольничествующіе выходцы соловецкіе. Благодаря исконной благотворительности Соловецкаго монастыря этому краю, они всегда могли надѣяться встрѣтить здѣсь самую безотчетную вѣру своей проповѣди и имѣть самый широкій авторитетъ; и вотъ лишь только начались смуты въ монастырѣ являются тамъ разнаго рода пророчества о выговскомъ краѣ: «отцу Игнатію скончавшуся, говоритъ Иванъ Филипповъ, *нѣкій мужъ, живый до запору въ Соловецкой обители при игуменѣ Иліи, видѣ книгу письменную и читалъ нѣкоего мужа свята написано пророчество таково: въ послѣдняя времена, на конецъ вѣка, въ обонежскихъ странахъ больше Соловецкой обители будетъ святыхъ спасаемыхъ*» (***)...

3. Въ поморскихъ предѣлахъ христіанство насаждено позже, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Тѣмъ не менѣе, повидимому, оно прививалось здѣсь быстро и успѣшно. Независимо отъ общихъ причинъ — трудности жизни, которыя на суровомъ сѣверѣ въ борьбѣ съ стихіями встрѣчаются чаще, чѣмъ гдѣ-либо,— естественно усиливали религіозность сѣвернаго человѣка. Сѣверному русскому человѣку выпалъ жребій совершить особенно трудную борьбу съ природой.

(*) А. Э. Т. III, № 110.

(**) Напр «7199 года пресельникъ бываетъ въ Выговскую пустынь изъ *Зосимина отечества*—отъ села великаго Толвуй—Захарія», говоритъ біографъ Андрея. По свидѣтельству самого Андрея Денисова, (*въ надгробномъ словѣ И. Прокопьеву*) выговляне считали св. Зосиму своимъ особеннымъ покровителемъ. Въ исторіи Выговской пустыни встрѣчается много примѣровъ подтверждающихъ эту мысль.

(***) См. И. В. II. стр. 59.

Онъ долженъ былъ проторгаться сквозь лѣса непроходимые, сквозь тундры и болота, и почти на каждомъ шагу изнемогалъ, боролся со звѣрями, утопалъ въ рѣкахъ и болотахъ, страдалъ отъ мороза, истреблявшаго его посѣвы, отъ суроваго климата. Въ такомъ положеніи, вѣра служила для него подкрѣпленіемъ и утѣшеніемъ. Онъ прибѣгалъ съ молитвою къ святому во всѣхъ бѣдственныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ съ теплою вѣрой, и по вѣрѣ получалъ чудесную помощь. Но при всей религіозности, сѣверному жителю не доставало умственной развитости. Бога, святыхъ, христіанство онъ представлялъ себѣ младенчески, а его набожность переходила часто въ суевѣріе: невѣжество сѣверныхъ жителей Россіи было причиною того, что всю энергію своего чувства и воли они со временемъ направили на защиту невѣжественныхъ понятій, и ихъ религіозность, особенно подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, превращалась въ фанатизмъ.

4. Это духовнонравственное состояніе поморскаго края относится къ періоду болѣе раннему, нежели когда появился здѣсь расколъ. Но мы убѣдимся легко, что въ духовнонравственномъ состояніи жителей Поморья, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, не могло произойти существенной перемѣны, если обратимъ вниманіе на то, какъ недостаточны и скудны были здѣсь въ то время средства для духовнаго просвѣщенія. Число церквей въ поморскомъ краѣ было крайне недостаточно; ихъ географическое размѣщеніе представляло весьма значительную несоразмѣрность съ числомъ приходскихъ селеній или съ обширностію приходовъ. Въ Выгозерскомъ стану, напр., гдѣ по писцовымъ книгамъ 1582 года всѣхъ деревень считалось семьдесятъ три, которыя были разбросаны на пространствѣ 1310 квад. верстъ, церквей всего было только восемь, — т. е. на девять деревень по одной церкви, и болѣе 160 квадратныхъ верстъ на одинъ приходъ. По писцовымъ книгамъ Ю. Сабурова 1493 г. въ Спасскомъ погостѣ на Выгозерѣ, по рѣкамъ Сумѣ и Выгу, находилось принадлежавшихъ знаменитой Марѳѣ посадницѣ 26 дере-

вень,—а церковь для всѣхъ этихъ деревень была одна. Вообще въ олонецкомъ уѣздѣ, гдѣ по росписанію 1649 года считалось 18 погостовъ (въ смыслѣ извѣстнаго административнаго подраздѣленія), по писцовымъ книгамъ 1582 г. всего было 35 приходовъ вмѣстѣ съ монастырскими церквами. Между тѣмъ этотъ уѣздъ обнимаетъ кругомъ около 5895 верстъ, по 1473 версты (квадратныхъ?) въ каждую сторону (*). При отдаленномъ разстояніи деревень отъ церквей, нужно взять во вниманіе состояніе путей сообщенія въ поморскомъ краѣ. «*Дороги съ Олонца во всѣ погосты,* говорится въ одной воеводской отпискѣ 1649 г., *зашли мхи и озера, и перевозы чрезъ озера многіе, а тележныхъ дорогъ нѣтъ*» (**). При такомъ положеніи дѣла, жители деревень не часто могли слышать пастырское назиданіе и конечно нерѣдко лишались самыхъ важнѣйшихъ священно-дѣйствій: умирали безъ исповѣди и св. причащенія, сожительствовали безъ браковъ, младенцы безъ крещенія... Далѣе: и тѣ церкви, какія существовали въ поморскомъ краю, не всѣ имѣли поповъ. По писцовымъ книгамъ кн. И. М. Долгорукаго 1628 г. во всѣхъ заонежскихъ погостахъ новгородской области числилось всего *12 церквей,* а при нихъ только *девять дворовъ поповскихъ* (***); въ олонецкомъ погостѣ—*9-ть церквей,* а при нихъ—*7-мь поповъ* (****). Въ Пиржинскомъ и Важинскомъ погостахъ *три* церкви—и *два* двора поповскихъ (*****). Въ писцовыхъ книгахъ постоянно встрѣчаются такія замѣчанія: «*домъ Божій стоитъ безъ пѣнія, а дворы поповы пусты*»... «Крестьянъ побили, а дворы пожгли литовскіе люди въ разоренье». Правительство мало заботилось объ отдаленномъ и пустынномъ краѣ, жители котораго были бѣдные инородцы; а сами жители слишкомъ

(*) Эти стат свѣдѣнія извлечены изъ писцовыхъ книгъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ соч. Неволина о поч. и пят. Новг., см. по указателю—въ концѣ—по именамъ погостовъ.

(**) Дополн. къ А. И. Т. 2, № 64, стр. 250 Невол. стр. 154.

(***) Ол. Губ. Вѣд. 1851, № 2.

(****) Ол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 3.

(*****) Тамже.

бѣдны и невѣжественны, чтобы должнымъ образомъ заботиться «о священствѣ». На священническія мѣста въ поморскомъ краѣ, дававшія слишкомъ недостаточное содержаніе, не находилось желающихъ; тѣ священники, какіе были, по незавидности своего внѣшняго положенія, не всегда были изъ числа лучшихъ людей своего мѣста, — не могли быть хорошими просвѣтителями страны.

Все это вело къ тому, что вмѣсто церквей въ поморскомъ краѣ размножались *часовни*. Не имѣя возможности часто посѣщать свою приходскую церковь, за отдаленностію ея, по причинѣ дурныхъ путей сообщенія, жители поморскаго края ограничивались тѣмъ, что устрояли часовни, въ которыхъ всѣ службы, кромѣ литургіи, совершалъ кто-либо изъ простолюдиновъ. Такимъ образомъ въ сѣверномъ поморьѣ жители—міряне легко привыкали къ участію въ дѣлахъ церковныхъ; вопросы и дѣла церковныя стали считаться дѣломъ столько же мірскимъ, земскимъ, сколько и духовнымъ. Частныя сельскія общины, напр., въ смутную эпоху, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ дѣлали для себя извѣстныя распоряженія,—установляли религіозныя заповѣди и узаконенія. Когда, затѣмъ, постановленіями церковной власти прежнее свободное поставленіе поповъ изъ земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ признано преступленіемъ, изданы строгіе указы о ставленникахъ и записныхъ книгахъ новопоставленнымъ попамъ и діаконамъ (это распоряженіе было совершенно въ духѣ коренныхъ каноническихъ постановленій и вызвано было необходимостію — вслѣдствіе многочисленныхъ нестроеній, имѣвшихъ мѣсто при прежнемъ порядкѣ): тогда духовенство начало терять нравственную силу и вліяніе на земство въ поморскомъ краѣ, а земство стало обособляться отъ духовенства и церкви, стало предаваться больше умственному и религіозному вліянію своихъ грамотниковъ, чѣмъ поповъ. А отъ этого, опять, число поповъ въ поморскомъ краѣ должно было еще болѣе уменьшиться; не находя нравственнаго сочувствія со стороны народа, попы,

поставленные мимо ихъ желанія, много терпѣли въ способахъ существованія, и неохотно шли сюда на мѣста. Когда при какой-либо церкви недоставало попа, прихожане, не надѣясь имѣть попомъ кого-либо изъ своей среды, не давали объ этомъ знать епархіальному начальству, и «церковь Божія стояла безъ пѣнія, и дворы поповы пусты». Такъ напр. Палеостровскій игуменъ Кириллъ доносилъ въ своей челобитной (1700 г), что «въ Челмужскомъ погостѣ за понаровкою тамошнихъ жителей, обѣльныхъ крестьянъ такихъ-то, церковь Божія въ запустѣніи стоитъ безъ пѣнія 7 лѣтъ, для того, что прежняго попа воры (раскольники) убили, а вновь никого у насъ нѣтъ; изъ постороннихъ мѣстъ никто къ нимъ въ попы бить челомъ не хочетъ, а они, обѣльные, ни о чемъ о томъ не извѣщаютъ».. Обѣльные на допросѣ показали, что у нихъ дѣйствительно пять лѣтъ уже нѣтъ попа,—но что въ прошломъ году они отправили въ Новгородъ для поставленья своего дьячка,—«о томъ преосвящ. митрополиту вѣдомо», и что во всякомъ случаѣ церковь Божія у нихъ не въ запустѣніи: коли-де Выгозерскому попу Юрью отъ своей церкви съ Выгозера выѣхать къ нимъ нельзя, то у нихъ есть дьячекъ Ефремко Андреевъ, да иныхъ грамотныхъ людей изъ нихъ есть же, и въ церкви Божіей утрени и часы и вечерни говорятъ, а коли попъ Юрье пріѣзжаетъ, то литургію правятъ» (*)... Въ такомъ порядкѣ вещей заключалась, конечно, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, если не самая главная, почему въ поморскомъ краѣ распространился расколъ безпоповщинскій. Многими причинами объясняютъ это обстоятельство, но едвали можно давать здѣсь много значенія шведскимъ перебѣжчикамъ и занесенному ими протестантству: протестанство не въ характерѣ русскаго человѣка,—русскій человѣкъ всегда относился къ нему съ антипатіей (**). Хотя жители поморскаго края, были не коренные

(*) См. Олон. Губ. Вѣд. 1849, судное дѣло о разореніи Палеостровскаго монастыря.

(**) Въ доказательство солидарности и нѣкотораго тождества безпоповщинскаго раскола съ протестантизмомъ Щаповъ указываетъ между

русскіе, а большею частію финны и лопари,—тѣмъ не менѣе они съ самой ранней поры отличались преданностію и русской вѣрѣ и русской землѣ. Между протестантизмомъ и безпоповщиной Андрея Денисова—сходства слишкомъ немного. Гораздо больше, конечно, имѣли значенія здѣсь идеи стригольниковъ и жидовствующихъ: но и онѣ не были главною причиной...

На такой подготовленной почвѣ стоило только посѣять сѣмена раскола, чтобы произрасли обильные горькіе плоды. Къ большему несчастію поморскаго края, на долю его выпало быть мѣстомъ ссылки знаменитѣйшихъ расколоучителей. Первымъ провозвѣстникомъ раскола здѣсь былъ самъ «поначальникъ онаго добраго воинства», Павелъ еп. коломенскій, который въ самомъ началѣ Никонова предпріятія (7162—1654) «за свидѣтельство Ісусъ Христово посланъ бяше, какъ свидѣ-

---

прочимъ на то, что будто-бы между раскольниками — учениками Капитона былъ «иноземецъ Вавила, люторскія вѣры», о которомъ говоритъ Семенъ Денисовъ въ Винограде. Намъ кажется, что Капитона (а слѣд. и Вавилу) нельзя считать раскольникомъ собственно: вопервыхъ, Капитонъ удалился въ вязниковскіе лѣса и основалъ тамъ свою общину, какъ свидѣтельствуетъ преосв. Игнатій сибирскій, еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда о Никонѣ и о расколѣ не было еще и помину. Затѣмъ, судя потому, какъ описываетъ его жизнь митроп. Игнатій, лично изслѣдовавшій дѣло на мѣстѣ, это былъ скорѣе еретикъ, мистикъ въ родѣ древнихъ евхаитовъ: онъ отвергалъ іерархію и священство, но не потому, чтобы находилъ дѣйствія іерархіи неправильными, а просто потому, что доведши свой аскетизмъ до послѣдней крайности, углубившись въ свои подвиги, не хотѣлъ и знать о томъ, что дѣлалось внѣ его пустыни; считая себя великимъ подвижникомъ, онъ нашелъ для себя излишнимъ всякое внѣшнее содѣйствіе въ духовной жизни — отвергъ и необходимость для него таинствъ, совершаемыхъ пастырями церкви. Преосв. Игнатій въ своихъ посланіяхъ, направленныхъ противъ раскола, излагаетъ исторію Капитона не потому, чтобы считалъ его раскольникомъ, а потому что предположилъ обозрѣть всѣ ереси русской церкви. Что касается до Семена Денисова, то онъ записалъ Капитона въ свой «Виноградъ» потому, что имѣлъ цѣлію набрать какъ можно больше героевъ. Притомъ, Капитонъ многое проповѣдывалъ изъ того, чему училъ и расколъ, и при личныхъ столкновеніяхъ съ расколомъ относился къ нему дружелюбно.

тельствуетъ Андрей Денисовъ (*), въ заточеніе въ Палеостровскій монастырь (**), паче же рещи яко нѣкій Моисей и Ааронъ Божіимъ изволеніемъ на утвержденіе новаго Израиля беззлобивыхъ и богобоязливыхъ поморскихъ людей, идѣже нѣсколько времени (***) пребывъ, свободно поучаше народы, утверждая жити во святоотеческомъ благочестіи... коего благословенія архіерейскаго страны сея жители вси слышатели и видѣтели зѣло бяху.» Сюда же, на Мезень, сосланъ былъ на нѣкоторое время протопопъ Аввакумъ; по своему обычаю во время пути онъ конечно не упускалъ случая «возвѣщать истину.» Затѣмъ, позже — четыре главныхъ расколоучителя: Лазарь, діаконъ Ѳеодоръ, Епифаній и опять Аввакумъ, по опредѣленію собора 1667 г. сосланы были опять «въ поморскую страну въ Пустозерскій острогъ.» Въ старину Пустозерскій острогъ былъ центромъ мѣстнаго управленія, воеводскою резиденціей; здѣсь чинился судъ и расправа, собирался ясакъ съ инородцевъ. Очень естественно, что страданія мнимыхъ поборниковъ древняго благочестія огласились здѣсь на всю страну и сдѣлались предметомъ симпатіи въ народѣ; отъ чего и образовалось мѣстное повѣрье, доселѣ существующее, о вліяніяхъ и чудесной помощи со стороны этихъ страдальцевъ, о которомъ сообщаетъ Максимовъ (****). Поэтому можно

(*) Въ надгробномъ словѣ П. Прокопьеву, см. Рукоп. Сбор. проповѣдей Андрея.

(**) Замѣчательно, что иноки Палеостровскаго монастыря отличались самою горячею ревностію противъ раскола; Иванъ Филипповъ постоянно горько жалуется на нихъ—и только на нихъ: эти «новолюбители» постоянно писали отписки властямъ т. е. доносы на соловецкихъ выходцевъ, тогда какъ прочее населеніе края безмолвствовало и даже «попы покрывали староверцевъ.»

(***) По «Винограду» Павелъ пробылъ здѣсь «не малое время.» По діакону Ѳеодору Никонъ сослалъ Павла въ Хутынь монастырь, гдѣ онъ будто бы началъ юродствовать, и юродствуя обошелъ всю новгородскую область, пока наконецъ «Никоновы ученицы, обрѣтши его въ пустѣ мѣстѣ идуща, схватили и убили до смерти, тѣло же сожгоша.» Прав. Соб. 1859 г., т. II, стр. 469.

(****) «Годъ на Сѣверѣ», т. II, стр. 315.

повѣрить Семену Денисову, когда онъ говоритъ, что когда Ѳеодору и Лазарю «рѣзашася языки, то «*народи предстоящіи* слезъ исполнясми, горько рыдаху, ужасно видѣніе зряще (*). Затѣмъ, лѣсистость, пустынность и малонаселенность поморскаго края, а также малодоступность его для правительственнаго надзора—были причиною того, что этотъ край сдѣлался однимъ изъ главныхъ мѣстъ укрывательства гонимыхъ раскольниковъ, не только изъ окрестныхъ мѣстъ, но и изъ отдаленныхъ предѣловъ Россіи, напр., изъ Москвы,— и между ними, опять, наиболѣе знаменитыхъ и славныхъ. Таковы были: Досиѳей, игуменъ Тихвинскаго бесѣднаго монастыря (**), съ честію принятый иноками Курженской обители (***), «мужъ-святъ старостію и благочестіемъ украшенный», инокъ Корнилій, служившій при трехъ патріархахъ, лично близкій къ Никону, имѣвшій, слѣдовательно, авторитетъ человѣка хорошо знакомаго съ дѣломъ. Иноки Соловецкаго монастыря отъ ссыльныхъ справщиковъ печатнаго двора заразившіеся расколомъ, съ своей стороны считали священнымъ долгомъ позаботиться о сохраненіи древняго благочестія въ прионежскомъ краѣ и особенно въ своей отчинѣ—Выгозерскомъ стану. Такъ явились здѣсь: діаконъ Пименъ, извѣстный тѣмъ, что первый открылъ отступленіе Никона, подмѣтивъ, какъ онъ будучи еще митрополитомъ въ Новгородѣ, благословлялъ не такъ, какъ должно: онъ тогда же сообщилъ объ этомъ Корнилію, служившему тогда при домѣ Никона, послѣ чего Корнилій пересталъ ходить на благословеніе къ митрополиту и вызвалъ замѣчаніе Никона: «Корнильюшко, почто подъ благословеніе не ходишь? Хощеши ли сотворю тя игуменомъ въ Деревяницкій монастырь?» (****); Игнатій, тоже діаконъ со-

(*) «Виноградъ Росс.», стат. о дьяк. Ѳеодорѣ.

(**) См. объ этомъ монастырѣ въ «Ист. Іерах.», ч. III, стр. 350. Также «Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх.», т. II, Ламанскаго, стр. 411, № 232.

(***) См. «Ист. Іер.», ч. IV, стр. 831.

(****) См. «Житіе Корнилія, архіепископа» Имп. Публ. Б—ки (безъ нумераціи страницъ).

ловецкій, кромѣ личныхъ доблестей извѣстный тѣмъ, что къ нему писалъ свои жалобы на дьякона Ѳеодора Аввакумъ. Досиѳей, Корнилій, Пименъ, Игнатій, Іосифъ, Германъ — все это старые, давніе знакомцы,—это было цѣлое сборище пропагандистовъ раскола. Во время церковной анархіи, послѣдовавшей за удаленіемъ Никона въ Воскресенскій монастырь, всѣ эти лица безпрепятственно подвизались уже на поприщѣ проповѣдыванія, и много успѣли сдѣлать зла прежде, чѣмъ на соборѣ 1667 г. состоялось опредѣленіе противъ раскола. Затѣмъ, хотя московскій соборъ 1667 г. опредѣлилъ *всѣхъ* раскольниковъ по церковномъ отлученіи передавать въ распоряженіе гражданской власти, а гражданская власть, по силѣ уложенія царя Алексѣя Михайловича, должна была предавать ихъ «градскому казненію», сожженію въ срубѣ и т. п.; но въ исполненіи этого приговора гражданская власть по необходимости должна была ограничиться казнію лишь нѣкоторыхъ, не принесшихъ покаянія расколоучителей—въ одной Москвѣ. Въ провинціяхъ этотъ приговоръ отнюдь не былъ приводимъ въ исполненіе сначала. Обязанность надзора за расколомъ возложена была на священниковъ, которые, бывъ избираемы большею частію народомъ и изъ среды народа и потому находясь въ зависимости отъ него, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народъ сочувствовалъ расколу, отчасти не хотѣли, отчасти боялись доносить на раскольниковъ; бывали даже случаи, когда они «поберегали ихъ братью», какъ говорилъ о себѣ Корнилій. Что касается до новгородской области, то здѣсь расколъ положительно благоденствовалъ во все время, пока управлялъ новгородскою епархіей митрополитъ Макарій: «аще и въ сѣдину возраста лѣты своими не пріиде, но обаче вѣдяше добрѣ законы церковные», говоритъ о немъ Андрей Денисовъ, поэтому, «аще и шумяше Никоновыхъ новостей громъ по всей Россіи, обаче въ области великоновоградской не слышахуся страшные его гласы, яко же въ прочихъ епархіяхъ» (*). Корнилій, Досиѳей и проч. свободно

(*) Въ надгр. словѣ П. Прокопьеву.

сходились въ Курженской обители для «соборныхъ» разсужденій по дѣламъ гонимаго правовѣрія, установляли догматы, и проч. Корнилій разсказываетъ о себѣ, что когда онъ былъ въ Каргополѣ, то препирался свободно съ присланными сюда изъ Москвы миссіонерами, — «далъ бо ему Богъ свободенъ языкъ ко глаголанію о вѣрѣ»,—оскорбить его никто ничѣмъ не смѣлъ, понеже обороняли и защищали его посадскіе.» Но не одни посадскіе ревновали въ Каргополѣ за расколъ: самъ игуменъ здѣшняго монастыря, первое духовное лице во всемъ краѣ, любилъ благочестіе и служилъ все по старому: у него находили пріютъ «соловецкіе отцы», расколоучители «человѣкъ восемь.» Не только частныя лица, изъ духовнаго званія, но и цѣлые монастыри были здѣсь на сторонѣ раскола: такъ кромѣ Курженской обители и Спасо-Евѳиміевской въ Каргополѣ, въ исторіи Выговской пустыни упоминается еще о Машеезерскомъ монастырѣ, «иже близъ Петровскихъ заводовъ стадій за тридесять», котораго строитель Макарій зѣло стужаше о древнемъ благочестіи и укрывалъ у себя расколоучителей въ самую тяжкую пору (*). Затѣмъ на сторонѣ раскола были не только многія выборныя земскія власти, но и члены гражданской администраціи, какъ это видно изъ дѣла о пудожскихъ раскольникахъ и изъ суднаго дѣла о разореніи Палеостровскаго монастыря (**). Такъ расколъ быстро охватилъ весь поморскій край: были здѣсь времена своего рода террора, когда раскольники цѣлыми шайками, съ ружьями расхаживали по деревнямъ и свирѣпствовали безнаказанно. Не имѣя большаго приложенія въ началѣ, постановленіе московскаго собора о преданіи градскому суду раскольни-

---

(*) См. «Ист. Выг. пуст.», стр. 118.

(**) См. «Ант. Ист.», т. V, №... «Олонец. Губ. Вѣд.» 1849 г. №№1—14. Писарь прикупной палаты Кузьма Прокопьевъ въ Олонцѣ пользовался для распространенія раскола своимъ «юридическимъ вліяніемъ на народъ» (Щаповъ Р. Р. С. стр. 241). Въ Олонцѣ же принадлежитъ къ расколу посадникъ Пуллоевъ (Ист. Выг. Пуст., стр. 60) и богатый купецъ Гуттоевъ «имѣніемъ изобильный» (Виноградъ Рос., стр. 180).

ковъ, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича окончательно утратило свою силу, такъ что соборъ 1681 г. долженъ былъ просить царя Ѳедора Алексѣевича снова подтвердить это распоряженіе (*). Но Ѳедоръ Алексѣевичъ не ограничился подтвержденіемъ прежнихъ распоряженій противъ раскола. Такъ какъ священники не исполняли лежавшей на нихъ обязанности открывать раскольниковъ и доносить на нихъ, то онъ предписалъ отыскивать раскольниковъ вотчинникамъ, помѣщикамъ и ихъ прикащикамъ, низшимъ земскимъ властямъ. Въ поморскомъ краѣ и эта мѣра оказалась безуспѣшною, такъ что митрополитъ Питиримъ, ревностный преслѣдователь раскола «не кроткій и не преподобный, иже въ конецъ отложи древнецерковныя преданія», не дожидаясь доносовъ отъ мѣстныхъ властей и священниковъ, отправилъ въ олонецкій край своихъ недѣльщиковъ и подъячихъ и поповскихъ старостъ, архимандритовъ, игуменовъ и старцевъ — съ солдатами. Вотъ какъ описываетъ дѣйствія этихъ посланныхъ историкъ Выговской пустыни: «и начаша въ Олонцѣ и во всѣхъ предѣлахъ его всѣхъ людей старыхъ и малыхъ, мужескъ и женскъ полъ приводити по церквамъ съ великимъ принужденіемъ и причащати новослужебнымъ причастіемъ... съ великимъ гоненіемъ и мучительствомъ, дабы и неволею пріобщалися народи въ церкви..., а не причащающихся и не крестящихся тремя перстами вязати во оковы и мучити всякими муками... Такова бяше проповѣдь новоизобрѣтенныхъ Никономъ догматъ, таково ученіе новаго и преславнаго ихъ благочестія, вся части Россіи неслыханными чудесы и знаменіи преславно удивившаго! Новое ученіе есть Никоново, сего ради и правъ учителей новый, не словомъ бо солію растворенымъ поучаютъ, но мечемъ острымъ... Но о пречудніи проповѣдницы! Вы воистину увѣщали есте, не точію ангеловъ сатанипыхъ проповѣди сей помогати, но и самаго са-

(*) Акт. Ист., т. V, № 75.

тану веселитися: той бо радуется о убіеніи неповинныхъ человѣкъ яко и самъ человѣкоубійца есть... Овіи отъ такого мучительства и не хотяще, но нуждею приводими причащахуся; а инымъ силою причастіе и антидоръ клины во уста полагающе вливаху, иніи же аще и пріимаху, но во устѣхъ удерживаху и, вышедше изъ церкви, изъ устъ плеваху на землю, и видѣвше такое неистовство и насилованіе, отвращахуся людіе и гнушахуся, что насиліемъ и недостойнымъ даваху...» Подобнымъ же образомъ поступало и гражданское правительство: не надѣясь на мѣстныя власти, оно посылало изъ Новгорода нарочитыхъ военныхъ чиновниковъ, каковы были полковникъ Петръ Неплюевъ и прапорщикъ Портновскій. Эти комиссіи и экспедиціи до чрезвычайности разожгли фанатизмъ раскольниковъ: они стали сожигаться десятками, сотнями и даже тысячами (*).

(*) Существуютъ въ литературѣ различныя объясненія самосожигательства. *Есиповъ* (От. Зап. 1863 г. февр. «Самосожигатели»), передавшій много новыхъ фактовъ изъ жизни раскола, но не всегда самостоятельный въ сужденіи о немъ и вообще недалекій въ его пониманіи, на этотъ разъ воздерживается отъ всякихъ заключеній. *Авторъ предисловія къ изданію исторіи Выговской пустыни*, думаетъ, что самосожженія были вынуждены единственно преслѣдованіями раскола. Подобнымъ образомъ думаетъ и *Пекарскій* («Наука и Лит—ра при Петрѣ», т. II, стр. 551): изступленіе, говоритъ онъ, достигло вслѣдствіе гоненій до того, что... и пр. Но извѣстно, что самосожженнія были и въ такое время, когда раскольникамъ не грозила никакая опасность (напр. въ ц. Екатерины филиповцы сожглись въ Зеленецкомъ монастырѣ: въ 1802 г. въ сарат. губ., разсказываетъ *Варадиновъ*, одинъ расколоучитель проповѣдывалъ, что приближается страшный судъ, что если кто хочетъ стать одесную, тотъ долженъ сгорѣть: 54 человѣка заперлись въ избѣ... но имъ помѣшали.» (Истор. Мин—ва Внутр. Дѣлъ, т. VIII, ст. 57 58). Въ самой «Истор. Выгов. пустыни» много примѣровъ самосожженія вслѣдствіе одного изступленія. *Щебальскій* («Прав. Цар. Софіи», *Русск. Вѣст.* 1856. № 7), говоритъ, что самосожигатели сжигались въ томъ убѣжденіи, что жизнь обречена грѣху, что искушеніе сильнѣе человѣка; итакъ лучше умереть, чѣмъ грѣшить...» Извѣстно, что еще *Аввакумъ* проповѣдывалъ самосожженіе, какъ принципъ догматическій: «а иніи» ревнители закона уразумѣвше лесть отступленія, да не погибнутъ злѣ духомъ своимъ... сожигахуся огнемъ своею волей: блаженъ изволъ сей о Господѣ.» (Опис. нѣк. раск. соч. Ал. Б., ч. II, стр. 5).

При такой-то обстановкѣ росъ и воспитывался Андрей Денисовъ. Событія, разразившіяся во дни его дѣтства въ его родномъ краѣ, наполнившія собою всю жизнь мѣстнаго населенія, занявшія всѣ умы—не могли не имѣть сильнаго, обаятельнаго вліянія на воспріимчивую дѣтскую натуру, и возрастили въ Андреѣ плодъ по роду своему.

III

Вопросъ о происхожденіи братьевъ Денисовыхъ; вѣроятность княжескаго происхожденія Денисовыхъ; дѣтство Андрея; его бѣгство изъ дома отца въ пустыню; двѣ группы выговскихъ отшельниковъ; жизнь Андрея до настоятельства.

Всѣ, кто писалъ о Денисовыхъ, называли ихъ *князьями Мышетскими*. Поводъ къ этому далъ самъ Андрей. Въ надгробномъ словѣ своему родственнику, выгорѣцкому «экклезіарху» П. Прокопьеву, онъ говоритъ, что «прадѣда его отецъ бяше рода князей Мышетскихъ. съ Новгородскія области, именуемъ Борисъ Александровичъ. Той во время смущенія русскія земли, егда отъ шведовъ и поляковъ волновашеся Россія, и мнози принуждаемы бываху крестъ цѣловати за иностранныхъ кралей, — не восхотѣ въ томъ учинити поползновенія, но яко же крѣпокъ во благочестіи, сице своимъ природнымъ государемъ вѣрнѣйшій явися.... А понеже веліе налеганіе тогда отъ противныхъ бяше, остави сей отечество свое и вотчины и пресельникъ бываетъ въ заонежской пятины въ лѣсожительнѣмъ сельцѣ нѣкоемъ Пудоска гора именуемомъ въ немъ же во иноческомъ чину (?) Боголѣпъ наименованный преставися» (*) и проч. Во всемъ этомъ

(*) Далѣе Андрей разсказываетъ, что сынъ Бориса—Иванъ, *священствна и иночествна чиномъ назнаменованъ*, упокоися. Того дѣти Порфирій *священникъ* и Евстафій пресельники на мѣсто Новѣнецъ быста. не знатно

разсказѣ Андрей ни слова не говоритъ о себѣ, о томъ, чтобъ онъ имѣлъ какое-либо отношеніе къ знаменитому предку Петра, не говоритъ даже о томъ, чтобы приснопамятный Петръ былъ ему родственникъ (*). Но разсказывая родословную Петра, Андрей упоминаетъ о Діонисіѣ, одномъ изъ братьевъ «знаменитаго въ гражданствѣ» дѣда Петра Прокопьева — Іакова, который «не токмо въ мірѣ правдою и добродѣтелію поживе, но и оставивъ міръ, пустынное житіе лобызавъ, Богу девятолѣтнѣ потрудися.» Очевидно этотъ Діонисій не кто другой, какъ отецъ Андрея Денисова, который дѣйствительно, какъ извѣстно изъ «исторіи Выговской пустыни,» пришелъ «въ монастырь» Андрея въ началѣ 1697 года, и умеръ въ концѣ 1705 г. Съ другой стороны, и безъ прямаго указанія Андрея всякому изъ его слушателей было извѣстно, въ какомъ отношеніи находился «настоятель» къ «экклезіарху.» Всякій понималъ, что говоря о предкахъ Петра, Андрей хотѣлъ дать понять и о своемъ происхожденіи. Біографъ Андрея, поэтому, желая сказать о происхожденіи *Андрея*, нисколько не сомнѣваясь, приводитъ слова изъ «надгробнаго слова» о происхожденіи *Петра*. Какъ Андрей говоритъ о Петрѣ: «прадѣда его отецъ бяше рода князей Мышетскихъ;» такъ говоритъ біографъ объ Андреѣ: «прадѣда его отецъ бяше рода князей Мышетскихъ,» и потомъ прибавляетъ: «сіе самъ онъ блаженный Андрей Діонисіевичъ въ словѣ надгробномъ сроднику своему Петру Прокопьевичу описуетъ.» Позднѣйшіе писатели руководствовались уже

и убого тогда суще, — а когда «отъ нихъ и рода ихъ населися», то отъ рубища нищеты и убожества очистися и знатно въ тѣхъ мѣстахъ учинися. Сего Евстафія дѣти: Іаковъ, «иже дѣдъ бяше» Петру, (дядя Андрея — по словамъ его біографа) и Діонисій.... сынъ Іакова, Прокопій, отецъ Петра, въ мірстѣмъ житіи умре....» и проч.

(*) По разсказу Андрея выходитъ, что Петръ былъ его племянникъ: Діонисій, *отецъ* Андрея, былъ братъ Іакову, *отцу* Петра. По Іоаннову и Муравьеву Андрей и Петръ были двоюродные братья.... Замѣчательно, что Петръ Прокопьевъ и Андрей до основанія «выговской киновіи,» представляются дѣйствующими совершенно отдѣльно.

Андреемъ Іоанновымъ. Этотъ знатокъ раскола, знакомый со всѣми раскольническими преданіями, съ памятниками раскольнической письменности, говоритъ о княжескомъ происхожденіи братьевъ Денисовыхъ такъ рѣшительно, что всѣмъ писавшимъ о расколѣ послѣ него совершенно естественно было повторить съ тою же увѣренностію мнѣніе о княжескомъ достоинствѣ Андрея (*). Единственный писатель, который не называетъ Андрея княземъ Мышетскимъ, — это митр. Евгеній (въ словарѣ свѣтскихъ писателей); онъ называетъ Андрея «сыномъ простолюдина.» Но этими словами митр. Евгеній, конечно, не отвергаетъ еще того, чтобы одинъ изъ предковъ Андрея былъ князь Мышетскій: называть Андрея княземъ ему вѣроятно казалось странно послѣ того, какъ уже за сто лѣтъ до него его предокъ, позабывъ о своемъ княжескомъ достоинствѣ, началъ вести крестьянскую жизнь.

(*) По крайнѣй мѣрѣ ни *пр. Макарій* (въ исторіи раскола), ни *пр. Филаретъ* (въ исторіи рус. церкви) не говорятъ о надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву, въ которомъ въ первый разъ самимъ Андреемъ разсказана исторія Бориса А — ча Мышетскаго и его потомства. *Андрей Іоанновъ* имѣлъ въ рукахъ это слово, хотя и не говоритъ объ этомъ: о началѣ раскола въ Поморьѣ онъ говоритъ словами этого «слова» (полн. ист. изв. издан. 4-е, стр. 96: сличи въ сборн. словъ Андрея Д — ча, листъ 196 на об.); *Муравьевъ* имѣлъ подъ руками «Житіе,» которымъ мы пользовались: приписывая Андрею Денисову «Діаконовы отвѣты» онъ ссылается на 17 гл. «Житія,» въ которой дѣйствительно говорится объ этомъ. Другія сочиненія, въ которыхъ Андрей называется княземъ Мышетскимъ: *исторія нижегородской іерархіи, архим. Макарія* (стр. 81), *описаніе олонецкой губерніи Бегштрессера, Дашкова, Штукенберга, Пушкарева, Россійск. родосл. книга*; кн. Долгорукій (1856 г., ч. III, стр. 32—33) говоритъ: «князь Яковъ Борисычъ Мышетскій имѣлъ сыновей Дениса и Прокопія, которые оба пристали къ расколу, равно какъ сыновья перваго Семенъ и Иванъ (Андрея пропустилъ авторъ) и дочь княжна Соломонія; изъ нихъ особенно извѣстенъ Семенъ, главнѣйшій участникъ раскольническихъ мятежей въ XVII в. (Семенъ Денисовъ родился въ 1683 г., какимъ образомъ онъ могъ быть участникомъ раскольническихъ мятежей?) Въ книгѣ *Варадинова* (*ист. мин. внутр. дѣлъ*, ч. 8, стр. 289) сказано, что Лексинскій монастырь построенъ нарочито для сестры братьевъ Мышетскихъ, *княжны* Соломоніи.

Павелъ Любопытный называетъ Андрея просто: «повѣнецкій урожденецъ, *происшедшій* отъ Мышетскихъ князей» (*); а Иванъ Филипповъ: «села повѣнецкаго прозябеніе, Діонисія нѣкоего, единаго отъ тамошнихъ обитателей сынъ» (**).

Замѣчательно, что въ официальныхъ документахъ того времени Денисовы не называются князьями Мышетскими: напротивъ, они здѣсь носятъ даже другую совершенно фамилію — «Вторушиныхъ» (***), или «Второго.» «А освѣдомился я подлинно, пишетъ въ своей челобитной игуменъ разореннаго раскольниками Палеостровскаго монастыря Кириллъ,— что отъ нашего монастыря, въ недальнемъ разстояніи на лѣсахъ, въ прежнихъ воровскихъ раскольническихъ станахъ, воровскаго раскольническаго ученія плевосѣятели церковный дьячекъ Данилко Викулинъ, а съ ними воры жь повѣнчане Дениско Второго съ сыномъ Андрюшкою да съ племянникомъ Петрушкою и съ иными своими товарищи со многими людьми собрався, живутъ великимъ скопомъ и заводомъ» (****). Знаменитый Омелька Ивановъ, извѣстный своими набѣгами на мирныя селенія православныхъ, и наконецъ сожегшійся въ Палеостровскомъ монастырѣ, былъ также повѣнчанинъ и имѣлъ туже самую фамилію *Второго* (*****), Принадлежалъ ли онъ къ одному роду съ Андреемъ, неизвѣстно.

Для нашей задачи—уяснить себѣ личность Андрея Дени-

(*) Чт. моск. об. ист. и др. 1863 г., кн. 1-я.

(**) Ист. Выг. пуст., стр. 98, 91.

(***) Вторушинымъ называетъ себя Семенъ и своего брата — на допросѣ, которому подвергъ его Самаринъ по доносу Круглаго: см. раск. дѣла XVIII ст. Есипова, т. I, 403 — 406. «Имя его Семенъ, подлинное Денисовъ, а по прозванію Вторушинъ.»

(****) *Олон. Губ. Вѣд.* 1849 г. №№ 1—14.

(*****) См. тамъ же: «въ прошломъ 1687 году повѣнецкаго рядку житель.» Фамилія Второго встрѣчается еще въ актахъ объ осадѣ Соловецкаго монастыря (Доп. къ А. И., т. V, № 67) подъ 1669 г.

сова и характеръ его стремленій, — вопросъ о происхожденіи имѣетъ нѣкоторое значеніе. Если Андрей незаконно усвоялъ себѣ княжеское происхожденіе: тогда подозрѣніе въ политическихъ, противо-государственныхъ замыслахъ и стремленіяхъ, которыя такъ склонны находить въ немъ наши писатели, охотно величающіе его въ этомъ смыслѣ княземъ, получаетъ значеніе и имѣетъ основаніе. Но еслибы намъ достовѣрно извѣстно было крестьянское происхожденіе Андрея Денисова, то личность Андрея явилась бы въ иномъ, болѣе величественномъ свѣтѣ; многое въ жизни и дѣйствіяхъ его— необычайная энергія, успѣхъ многихъ предпріятій, необыкновенно-мирныя, почти дружественныя отношенія его къ властямъ гражданскимъ — объяснялись бы не княжескимъ происхожденіемъ и аристократическими связями, а исключительно личными достоинствами и характеромъ, силою дарованій. Но по недостатку прямыхъ историческихъ указаній, мы не беремъ на себя рѣшить категорически вопросъ о происхожденіи Андрея Денисова. Не можемъ только оставить безъ вниманія нѣкоторыхъ данныхъ, которыя говорятъ въ пользу прежняго взгляда.

Царь Іоаннъ III, при раздачѣ описанныхъ имъ новгородскихъ волостей вѣрнымъ дворянамъ своимъ, далъ между прочимъ «князьямъ Семену и Ивану, Ѳедору и Алексѣю, княжь— Ивановымъ дѣтямъ Мышетскимъ» значительныя вотчины въ Вотской пятинѣ (*): по переписной окладной книгѣ «по Новугороду, Вотской пятины» имъ принадлежали большія помѣстья въ нынѣшнихъ шлиссельбургскомъ, ладожскомъ и ямбургскомъ уѣздахъ (**), которые были завоеваны потомъ,

---

(*) См. Россійск родосл. книгу князя Долгорукаго, ч. III, стр. 32—33.

(**) См. *Временникъ моск Общества Ист. и др.* 1851, книг. XI, стр. 55—142. Именно эти имѣнія находились въ погостахъ «Егорьевскомъ— Теребовльскомъ, Ивановскомъ—Куйвашскомъ, Кастушскомъ, и *Егорьевскомъ — Лопскомъ*. Послѣдній, какъ и всѣ лопскіе погосты (ихъ 5 названы по имени лопарей) находился въ заонежской половинѣ, и въ послѣд-

дѣйствительно, шведскимъ генераломъ Делагарди: владѣльцамъ ихъ совершенно естественно было бѣжать на сѣверъ. «Лѣсожительное сельцо нѣкое Пудоска гора,» въ которое, по словамъ Андрея, переселился Борисъ Алекс. Мышетскій, составляло именно такое безопасное мѣсто, въ которомъ можно было укрыться отъ преслѣдованій шведовъ: оно ясно упоминается въ историческихъ памятникахъ (*). Князь Терентій Васильевичъ Мышетскій, олонецкій воевода, о которомъ Андрей упоминаетъ, какъ о человѣкѣ, который покровительствовалъ роду Андрея—«по любви и милосердію, благородію свойственному,» также личность историческая: онъ былъ воеводою на Олонцѣ съ 1660 г. по 1663-й (**), затѣмъ, въ 1678 году, когда составлялись писцовыя книги по всему государству, обонѣжскую пятину описывалъ «новгородскій помѣщикъ князь Іаковъ Мышетскій,» какъ говоритъ Неволинъ (***). Не есть ли это тотъ самый дядя Андрея, «Іаковъ старый,» который по словамъ біографа Андрея поручалъ десятилѣтнему своему племяннику «таможенное дѣло исправляти» (въ Повѣнцѣ была таможня) (****), при чемъ мальчикъ, по замѣчанію біографа, здѣсь уже обнаружилъ свою даровитость, о которомъ самъ Андрей говоритъ въ «надгробномъ словѣ,» что онъ былъ знаменитъ и разуменъ въ сихъ странахъ, въ гражданствѣ же словый, и отъ великихъ государей

ствіи получилъ названіе Толвуйскаго—ближайшая мѣстность къ повѣнцу. Можетъ быть Б. А. Мышетскій переселился просто изъ одного главнаго имѣнія въ другое незначительное, лежавшее за Онегою.

(*) *Олон. Губ. Вѣд.* 1849 г. № 4 писц. книга И. Панина: челмужскаго погоста выставка, погостъ на пудожской горѣ; а въ ней церковь великомученника Георгія. Этотъ погостъ получилъ начало еще въ 1391 г.; какъ это видно изъ межевой записи Юрьева монастыря. (См. *Русск. Геогр. Вѣст.* 1852 г., кн. 6, смѣсь, стр. 19); «6899 г. Юрьева монастыря вотчина.... *Никольской пудожской выставокъ.*»

(**) *Росс. родослов. кн. Долг.* стр. 32—33.

(***) *Записки И. Географ. Общ.*, 1852, VIII, стр. 22; также *Вѣстникъ Геогр. Общ.*, 1852 г., кн. 4, отд. 6.

(****) *Щапова*, стр. 301—308.

самолично многажды милосердіе гражданству и сему Повѣнцу получивый, а наипаче во время воеводства на Олонцѣ князя Терентія Васильевича Мышетскаго» (можетъ быть милость Терентія Васильевича именно въ томъ и состояла, что благодаря ему Іаковъ получилъ должность таможеннаго начальника въ Повѣнцѣ, а потомъ и должность составителя писцовыхъ книгъ обонѣжской пятины), а Андрей Іоанновъ и Муравьевъ говорятъ, что онъ произвелъ смуты въ Поморскомъ краѣ во время исправленія книгъ (*). Нужно еще принять во вниманіе то, какъ приняли Андрея собравшіеся въ Выговской пустынѣ раскольники, когда онъ, семнадцатилѣтній юноша, явился между ними. Даніилъ Вакуличъ, имѣвшій репутацію друга Досиѳея, ученика и собесѣдника Игнатія, обонѣжскаго просвѣтителя, — ищетъ его пріязни, первый зоветъ его къ себѣ въ общежитіе; и когда Андрей согласился соединиться съ нимъ, то его «моленьми, отеческими благословеніи, и совѣтовъ принужденіи, принудиша не житія точію, но и попеченія и тяготы его вкусити» (**). Подобное случилось и съ Петромъ Прокопьевымъ: въ самую трудную пору для выговскихъ скитальцевъ, когда, подъ вліяніемъ частыхъ экспедицій въ эти лѣса со стороны мѣстныхъ властей, бѣдные пустынножители трепетали каждую минуту за свою жизнь и отнюдь не осмѣливались собираться вмѣстѣ, а скитались по одиночкѣ, Петръ Прокопьевъ съ двумя товарищами приходитъ къ Даниилѣ и проситъ его принять ихъ къ себѣ въ общее житіе. Даниила не рѣшился отказать Петру, хотя обоихъ его товарищей отпустилъ скитаться «по суземку....»

Почему Андрей не говоритъ прямо о своемъ происхожденіи, не только не хвалится своимъ княжествомъ, а какъ бы скрываетъ даже его.—носитъ фамилію Вторушина? Хвалиться было не чѣмъ: около ста лѣтъ прошло, какъ его предокъ—

(*) *Полн. ист. извѣстіе* Изд. 4-е, стр. 91.
(**) *Ист. Вы. пуст.*. 85—86.

князь, покинувъ свою княжескую жизнь (*), сталъ вести жизнь обыкновеннаго селянина. Княжеское происхожденіе не много дало Андрею: оно не дало Андрею ни богатства, ни виднаго общественнаго положенія, ни даже того скуднаго образованія, какое можно было имѣть въ то малообразованное время. Затѣмъ, дальнѣйшаго объясненія скромности Андрея нужно искать въ общемъ характерѣ раскола и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Андрей. Аристократическое происхожденіе въ глазахъ раскольниковъ, смотря по обстоятельствамъ, бываетъ и предметомъ похвалы и предметомъ порицанія. Расколъ имѣлъ причины болѣе ненавидѣть боярство. Боярство жестоко обмануло расколъ въ его первую эпоху. Когда бояре домогались паденія Никона, въ то самое время, какъ и расколъ стремился къ тому же, расколъ могъ думать, что бояре — друзья стараго благочестія, что они ненавидятъ Никона за его церковныя нововведенія. Но вотъ тотъ же самый соборъ, который низложилъ Никона, осудилъ и расколъ. Тогда стало ясно раскольникамъ, что бояре преслѣдуя Никона, оставались безразличными къ дѣламъ вѣры и преслѣдовали свои цѣли. Два-три боярскихъ семейства остались вѣрными расколу, большинство же присоединилось къ сонму гонителей раскола; въ качествѣ воеводъ, областныхъ властей — они были ближайшимъ орудіемъ тѣхъ мукъ, которымъ подверглись приверженцы раскола.

Андрей имѣлъ благоразуміе молчать о томъ, что̀ не пользовалось уваженіемъ въ глазахъ его паствы; его паства вознегодовала бы, еслибы онъ вздумалъ на своемъ княжескомъ достоинствѣ основывать свой авторитетъ надъ ними. Его власть напротивъ основывалась на мнимомъ отреченіи отъ міра и отъ мірскихъ преимуществъ; онъ приводилъ свою

(*) Переселеніе Бориса А—ча Мышетскаго происходило въ то время, какъ воеводою въ Кареліи (нынѣшняя олонецкая губернія) былъ князь Тимоѳей Данилычъ Мышетскій (1608). См. *Росс. род. книгу кн. Долгорукова*, стр. 32.

паству въ энтузіазмъ именно тѣмъ, что трудился наряду съ простыми рядовыми братіями и велъ, по видимому, жизнь крестьянскую.

Могла быть еще причина, почему Андрей не проговаривался о своемъ княжескомъ достоинствѣ, а Иванъ Филипповъ, одинъ изъ его приближенныхъ, хорошо знакомый съ его намѣреніями, не упоминаетъ не только о его княжествѣ, но и о родствѣ съ Петромъ Прокопьевымъ, котораго называетъ лишь его «сожителемъ» и «клевретомъ духовнымъ». То были времена Петра, который круто относился къ людямъ дворянскаго происхожденія, не состоявшимъ на государственной службѣ. Могъ ли ждать Андрей чего-либо хорошаго для себя, еслибы Петръ, съ которымъ Андрею удалось стать въ такія хорошія отношенія, еслибы Петръ узналъ, что этотъ кроткій пустынножитель принадлежитъ къ княжескому роду? И не только въ эпоху Петра, но и при его преемникахъ выговскимъ пустынножителямъ естественно было опасаться, что ихъ станутъ подозрѣвать въ политическихъ, противу-правительственныхъ замыслахъ. Сдѣлать при этомъ извѣстнымъ правительству, что во главѣ общины стоитъ человѣкъ княжескаго происхожденія значило бы прямо навлечь на себя гоненіе. И вотъ дѣло поведено такъ, что даже люди жившіе въ Выговской пустыни, каковы были, напримѣръ, Халтуринъ и Круглый, не знаютъ или лучше молчатъ о княжескомъ происхожденіи Денисовыхъ. Только уже позднѣйшій біографъ, жившій въ счастливое для раскола царствованіе Екатерины II, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ по смерти Андрея, считаетъ возможнымъ сказать о княжескомъ происхожденіи Андрея, — и прямо, безъ обиняковъ, начертанную Андреемъ родословную Петра Прокопьева относитъ къ самому Андрею, не измѣняя ни слова, не считая нужнымъ оговариваться. Въ настоящее время въ расколѣ существуетъ самое рѣшительное и твердое убѣжденіе, что Андрей Денисовъ былъ князь Мышетскій. Членамъ правительственныхъ коммиссій, занимавшихся изслѣдованіемъ раскольническихъ дѣлъ, часто приходилось

выслушивать показанія, въ родѣ слѣдующихъ: «мы слѣдуемъ во всемъ изъясненному въ 106 отвѣтахъ, данныхъ іеромонаху Неофиту *княземъ* Андреемъ Діонисіевичемъ;» одинъ раскольникъ даже такъ выразился, что онъ—«христіанскія вѣры, которая принята была *княземъ Владиміромъ*.—согласно 106-ти отвѣтамъ, даннымъ іеромонаху Неофиту *княземъ Мышетскимъ*.» (*)

Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что происхожденіе слишкомъ не много дало Андрею Денисову для достиженія того положенія, которое онъ занялъ въ расколѣ. И своею ученостію и виднымъ положеніемъ въ расколѣ Андрей обязанъ почти единственно самому себѣ, своей энергіи, своимъ дарованіямъ, тѣмъ заслугамъ, какія онъ оказалъ расколу. Фамильныя *преданія* о славѣ и знаменитости своего рода могли только усиливать его честолюбивые замыслы.

Сила энергіи, какую проявилъ Андрей въ своей дѣятельности, зависѣла прежде всего отъ самыхъ убѣжденій Андрея—искреннихъ и глубокихъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Отецъ Андрея, ведшій крестьянскую жизнь, преданъ былъ обыкновеннымъ крестьянскимъ занятіямъ, и даровитый отъ природы мальчикъ, какъ обыкновенно бываетъ въ крестьянскомъ быту, былъ предоставленъ самому себѣ. Чѣмъ менѣе обращали на него вниманія, тѣмъ больше и сильнѣе развивалась въ немъ внутренняя жизнь. Внѣшняя обстановка, впечатлѣнія, какими онъ былъ окруженъ, давали богатый матеріалъ для этой внутренней работы, и мысль даровитаго мальчика не оставалась праздною. Молчаливый и тихій, Андрей вдѣлъ и принималъ къ сердцу все, что вокругъ него происходило, а вокругъ него происходила шумная борьба невѣжественной и грубой, но искренней вѣры съ насиліемъ болѣе развитой, но нечеловѣколюбивой по духу времени и часто несправедливой, испорченной приказной власти;—борьба буйныхъ и страстныхъ порывовъ озлобленнаго и раздраженнаго люда съ законными требованіями людей, потерявшихъ

(*) Кельс. вып. 4-й стр. 245 — 246 показаніе Филиповца.

въ ихъ глазахъ авторитетъ. Повѣнецъ, родина Андрея, находился въ самомъ центрѣ той мѣстности, гдѣ расколъ наиболѣе свирѣпствовалъ. Андрей видѣлъ вольныя и невольныя страданія гонимыхъ фанатиковъ, — какъ ихъ казнили самыми разнообразными казнями, какъ изъ страха этихъ мукъ они сами сожигали себя, исповѣдуя во всеуслышаніе свои старо-отеческіе уставы. Дѣтская натура, не умѣвшая различить въ такомъ темномъ для всего народа дѣлѣ истину отъ лжи, изувѣрство и фанатизмъ невѣжества отъ разумной ревности по Богѣ, — не могла не сочувствовать страждущимъ, не могла не поражаться этими ужасами: страшныя впечатлѣнія глубоко залегли въ его душѣ на всю жизнь. Въ поведеніи ребенка не было ничего дѣтскаго: «воздержася присно отъ дѣтскихъ глумленій.» Рано научившись грамотѣ, онъ страстно предался чтенію книгъ, какія можно было имѣть подъ руками: то были, конечно, книги старопечатныя — богослужебныя, рукописные сборники, цвѣтники, палеи, четьи-минеи, прологи. Отецъ Андрея не имѣлъ нужды отвлекать сына отъ книгъ для какихъ-либо сельско-хозяйственныхъ занятій; онъ былъ человѣкъ состоятельный и въ своемъ кругу занималъ довольно видное общественное положеніе, (*) находясь въ родствѣ съ мѣстными властями. Домъ родителей Андрея свободно посѣщали расколоучители, между прочимъ и «отецъ Игнатій, пребывавшій въ то время во многихъ вышеестественныхъ подвизѣхъ близъ Повѣнца: сей крести блаженнаго Андрея первѣе, потомъ же и родителя его крести и весь домъ его: а Андрея первѣе крестилъ потому, что видѣлъ и чистоту ума его, и правость смысла, цѣломудріе душевное.» Усвоивъ себѣ раскольническій образъ мыслей, Денисъ, отецъ Андрея, однакожъ не открывалъ себя предъ всѣми: можетъ быть, близкія отношенія къ мѣстнымъ властямъ заставляли его быть двоедушнымъ, дабы имѣть возможность, какъ это бываетъ въ

(*) *Въ гражданствѣ знамениты бяху*, говоритъ Андрей о братьяхъ дѣда Петра Прокопьева — Іакова, «*отъ нихъ же и Діонисій.*»

расколѣ и нынѣ, тѣмъ большую пользу приноситъ расколу; можетъ быть, это происходило отъ разсчетовъ: какъ человѣкъ практическій, благоразумный, онъ не хотѣлъ подвергать себя опасности лишиться своихъ достатковъ и выгоднаго общественнаго положенія. Примѣръ хладнокровнаго, разсудительнаго, житейски благоразумнаго отца не остался безъ вліянія на Андрея. Изъ него не вышелъ рьяный, безразсудный фанатикъ; онъ не присталъ къ раскольническимъ шайкамъ, которыя свирѣпствовали въ это время въ окрестностяхъ, насиліемъ заставляя мирныхъ жителей православныхъ деревень принимать расколъ, а при наѣздѣ властей съ войскомъ и понятыми сжигались; главнымъ предводителемъ этихъ шаекъ былъ повѣнчанинъ Омелька Второго, — сосѣдъ и, вѣроятно, родственникъ Андрея.

Когда исполнилось Андрею 18 лѣтъ, родители хотѣли его женить: «неусыпное раченіе имѣяху еже бы ему изобрѣсти разумную супружницу,» — неблагодарный сынъ уклонился отъ нѣжныхъ родительскихъ заботъ и обманулъ ихъ надежды. Андрей видѣлъ, что «онъ зѣло угоденъ міру,» но послѣ небольшаго раздумья, рѣшился лучше посвятить себя Богу, разсказываетъ его біографъ. Чтеніе патериковъ и четіихъ-миней, пламенныя льстивыя рѣчи его учителя, діакона Игнатія, произвели на него сильное дѣйствіе: онъ увлекся мечтою о пустынныхъ подвигахъ. Разсудительный, хладнокровный родитель, думавшій его женить, конечно не одобрилъ бы его юношескаго увлеченія; (*) но Андрей способенъ былъ рѣшительно отстаивать свои намѣренія, — у него уже сложился свой твердый характеръ; родительскій домъ, въ которомъ

(*) Въ послѣдствіи Денису пришлось перемѣнить свой взглядъ на поступокъ Андрея. Познакомившись съ дѣломъ поближе, онъ нашелъ, что Андрей выбралъ самое лучшее мѣсто для жительства, — «тутъ сорока кашу сварила, таковское сіе мѣсто по времени,» — и прельстившись на безнуждное житье, какое могъ уже доставлять своимъ обитателямъ монастырь Андрея, онъ самъ переселился къ нему въ 1697 г. и жилъ до 1705 года.

Андрей занималъ такое уединенное положеніе, давно уже наскучилъ ему и не имѣлъ для него прелести; — давно уже онъ жилъ въ немъ своимъ особымъ міромъ: деспотическія претензіи отца были ему не по душѣ. И вотъ, онъ рѣшается тайно отъ всѣхъ бѣжать въ пустынные лѣса Сароозера. «Абіе распалився въ Божію любовь, пустыннаго желая жительства, оставляетъ отца и братію и единоутробную сестру; презираетъ домъ, вземъ спутника, Іоанна нѣкоего Бѣлоутова, и съ нимъ желаемое ему постизаетъ мѣсто, лыжи убо вмѣсто коней, кережу же вмѣсто воза пріемъ, самъ себѣ бываетъ и подвода и извощикъ, и слуга и господинъ, и вождь и ведомый.» Этотъ Иванъ Бѣлоутовъ бывалъ уже въ пустынѣ: вмѣстѣ съ Петромъ Прокопьевымъ они ходили проситься къ Даніилу, чтобы принялъ ихъ къ себѣ въ общежитіе. Но то была трудная пора: прапорщикъ Аникій Порпиовскій, да подъячій Ананьинъ съ солдатами, тщетно потомъ пытавшіеся предупредить самосожженіе діакона Игнатія и Емельки Повѣнецкаго въ Палеостровскомъ монастырѣ, предпринимали экспедицію и въ выговскіе лѣса, и хотя никого не поймали (они нашли лишь три пустыхъ кельи, которыя и сожгли), тѣмъ не менѣе навели всеобщій ужасъ на тамошнихъ пустынножителей: они скитались по одиночкѣ, не смѣя собраться вмѣстѣ, чтобы не быть открытыми, — а Харитонъ Шунгскій нарочито сожегъ свою келью, чтобы прошелъ слухъ, что «старовѣрцы сожглись,» — трудная была пора! Даніилъ по этому не принялъ къ себѣ Бѣлоутова и другаго его товарища, хотя Петру Прокопьеву не отказалъ, изъ уваженія, конечно, къ знаменитости его рода и къ личнымъ его качествамъ. Бѣлоутовъ тогда возвратился въ Повѣнецъ, и вотъ теперь, какъ человѣкъ бывалый, взятъ Андреемъ къ себѣ въ провожатые и въ сожители.

Когда Андрей явился въ пустыню, тамъ уже много собралось подобныхъ ему отшельниковъ, бѣжавшихъ сюда страха ради гонительнаго. До семидесяти человѣкъ ихъ группировалось около инока Корнилія. Но они не составляли обще-

житія: страхъ быть открытыми не позволялъ имъ собраться во едино, даже заставлялъ мѣнять постоянно мѣсто своего пребыванія. Самъ Корнилій, побуждаемый отчасти непосѣдливостію, частію убѣгая отъ преслѣдованій, ходилъ постоянно изъ одного мѣста въ другое; — только за два года до своей смерти онъ пріобрѣлъ осѣдлость на берегу Выга, близъ Сергіева скита.

Такимъ образомъ Корнилій не имѣлъ заботы о томъ, чтобы собрать во едино разсѣянныхъ овецъ, не имѣлъ въ виду устроить монастыря,— хотя впрочемъ приходившихъ къ нему уговаривалъ иночествовать «дѣвственное и безженное житіе проходити» и желающихъ самъ постригалъ. Принявшіе отъ него постриженіе жили отшельниками, самостоятельно, по одному и по двое. Корнилій былъ для нихъ только духовнымъ наставникомъ, къ которому они являлись лишь по временамъ для собесѣдованія и для принятія отъ него наставленій. Въ отношеніи къ большинству приходившихъ Корнилій ограничивался перекрещиваніемъ, исповѣдываніемъ грѣховъ и поученіями, иногда общеназидательнаго содержанія, а иногда въ этихъ наставленіяхъ онъ высказывалъ уже вовсе не тѣ мысли, какія онъ долженъ бы былъ преподавать иночествующимъ. Такъ напр., не одобряя особьяденія и пьянства и убѣждая свою братію имѣть все общее, онъ предсказывалъ, что тогда мѣсто ихъ распространится и прославится во всѣхъ концѣхъ: по умноженіи же поселятся «съ матушками и съ дѣтушками и съ коровушками и съ люлечками.» (*)

Въ Выговской пустынѣ была еще другая группа отшель-

(*) См. житіе инока Корнилія, — въ ркп. Имп. Публ. Биб. кн. № 401 in 4-o. Это та самая редакція, въ которой читалъ житіе Корнилія Максимовъ (см. разск. изъ ист. Старообр. 1—38);—простодушный, отчасти даже въ своемъ родѣ художественный разсказъ.—замѣчательный памятникъ народной литературы, совершенно чуждый того quasi — литературнаго изложенія, въ какомъ представляется это житіе по редакціи Александра Б., гдѣ этотъ народный разсказъ передѣланъ кѣмъ-либо изъ риторовъ Андреевой школы, можетъ быть самимъ Семеномъ Денисовымъ.

никовъ, не чуждавшаяся поученій «староскитскаго аввы», но съ другими стремленіями, съ стремленіями къ общежитію монастырскому: къ ней примкнулъ и Андрей. Это была небольшая община, основанная діакономъ Игнатіемъ, первымъ наставникомъ Андрея въ «древнемъ благочестіи»,— который пришелъ сюда гораздо раньше Корнилія и притомъ не такъ, какъ тотъ, съ нарочитою цѣлію (такъ разсказываетъ намъ Андрей въ надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву) основать монастырь, во исполненіе предсказанія нѣкоего инока Гурія, который «благоюродствуя», увѣрялъ его: «хощетъ Богъ сотворити тобою велію обитель ину». Игнатій, какъ только пришелъ въ Выговскую пустынь, сряду же поселился на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ на Сароозерѣ, сталъ набирать себѣ братію. Сюда пришелъ къ нему Даніилъ Викулинъ, по указанію отца своего духовнаго, игумена Досиѳея, который говорилъ ему: «иди и въ выговскихъ лѣсахъ обитающа соловецкаго старца Игнатія послушай: сей силенъ наставити тя на путь спасенія и научити правилъ общежитія». Неизвѣстно почему, но только оказалось, что Игнатій не силенъ былъ научить свою братію правиламъ общежитія. Когда его мѣстопребываніе сдѣлалось извѣстнымъ для всѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для властей, онъ не счелъ возможнымъ далѣе оставаться въ немъ, но не захотѣлъ и переселиться съ своею небольшою паствой въ другое какое-либо мѣсто, какъ дѣлалъ Корнилій; онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы покинуть собравшихся около него бѣглецовъ и набравъ большее число фанатиковъ между жителями селъ и деревень, вмѣстѣ съ ними сжегся въ Палеостровскомъ монастырѣ. Андрей Денисовъ въ своемъ разсказѣ объ этомъ расколоучителѣ (разсказъ этотъ буквально повторяется у Ивана Филиппова) обставилъ своего учителя аттрибутами не менѣе величественными, чѣмъ съ какими является Корнилій у своего жизнеописателя Пахомія. Но на самомъ дѣлѣ Игнатій не имѣлъ и доли тѣхъ видимыхъ достоинствъ, въ которыхъ нельзя отказать Корнилію. Если дѣйствительно къ этому Иг-

натію относится разсказъ митрополита сибирскаго Игнатія о нѣкоемъ инокѣ, жившемъ близъ Каргополя (*), то причиною удаленія Игнатія изъ пустыни Выговской въ Палеостровскій монастырь было то, что личный характеръ поведенія и правила діакона Игнатія были не таковы, чтобы онъ могъ долго оставаться въ присутствіи людей, увлеченныхъ искреннимъ, хотя и случайнымъ, желаніемъ строгаго подвижничества и думавшихъ видѣть въ своемъ руководителѣ высокій образецъ нравственности.

Какъ бы то ни было, но мысль объ устройствѣ общежительства, монастыря, сильно занимала умы отшельниковъ. Давно уже разные провидцы предсказывали то тому, то другому изъ пустынножителей настоятельство: Игнатію говорилъ объ этомъ Гурій въ Соловецкомъ монастырѣ; теперь діаконъ Соловецкій же Пименъ, сожегшійся потомъ на Березовѣ, предсказывалъ настоятельство Даніилу. Когда этотъ послѣдній однажды навѣстилъ его въ пустынѣ, то на обратномъ пути ему пришлось переѣзжать черезъ рѣку. Пименъ, провожавшій его, не позволилъ ему сѣсть въ весла, но посадилъ его въ корму, потому что, пояснилъ онъ «ты будешь кормчимъ великаго корабля». Но желанія этихъ пустынниковъ въ этомъ случаѣ не шли далѣе тѣхъ непосредственныхъ удобствъ жизни, какія ближайшимъ образомъ вытекаютъ изъ соединенія нѣсколькихъ для одной цѣли въ одну артель. Только въ свѣтлой головѣ Андрея, когда онъ присмотрѣлся къ жизни этихъ пустынниковъ, могло явиться ясное представленіе о томъ, какое широкое употребленіе можно сдѣлать изъ этого общаго фанатическаго одушевленія безчисленныхъ людей, бродящихъ теперь разрозненно, если собрать ихъ въ одну силу, если связать ихъ общими интересами. Оттого у него и пошло такъ успѣшно дѣло устроенія общежительства. До него дѣло какъ то не ладилось, именно потому. что у людей, которые брались за него, не было ни какой творческой идеи,

(*) Пр. Макарія ист. раскола стр. 252.

которая могла бы пробудить въ нихъ энергію. Инстинктъ демагога и узурпатора пробудился теперь въ Андреѣ.

Не всѣ, жившіе съ Игнатіемъ на Сароозерѣ, послѣдовали за нимъ въ Палеостровскій монастырь: начальникомъ оставшихся въ то время, какъ прибылъ сюда Андрей, былъ Даніилъ, «мужъ желаній и кротости», обитавшій съ нѣсколькими учениками «на Рязани». Андрей съ Бѣлоутовымъ поселились недалеко отъ него между двумя озерами Тагозеромъ и Бѣлымъ, «гору точію сожительницею и ручей сосѣда себѣ избраша». Цѣлую зиму (съ декабря 1692 г.) прожили они здѣсь, «ни стѣны, ни покрова имущи, огненной точію присѣдяще пудіи». Единственною отрадою для нихъ было то, что они ходили по временамъ къ Даніилу Викулину, гдѣ занимались чтеніемъ Слова Божія и душеспасительными бесѣдами. Познакомившись и сблизившись съ Андреемъ, Даніилъ сталъ звать его къ себѣ въ общее житіе. Онъ видѣлъ его даровитость и еще свѣжій порывъ мистическаго одушевленія. Андрей съ своей стороны живо чувствовалъ невыгоды одиночнаго существованія и преимущества общежитія: онъ охотно принялъ приглашеніе Даніила. «Оставляетъ свою хижину, яже при потоцѣ, впадающемъ въ Сароозеро и абіе во единотрапезное и единокелейное и единоимѣнное сходятся житіе, и ихже сердце и душа едино и не едино же что отъ имѣнія своего глаголаше что свое быти, но бяху имъ вся обща». Даніилъ съ перваго же разу удѣлилъ ему половину настоятельскихъ заботъ и настоятельской чести. «Таже съ великимъ прошеніемъ, моленьми, отеческими благословеньми и совѣтовъ принужденьми принудиша не житія точію, но и попеченія и тяготы вкусити».

Дальнѣйшая исторія жизни Андрея до 1695 года можетъ быть передана въ немногихъ словахъ (*).

(*) Замѣтимъ, что разсказъ Ивана Филиппова, которымъ пользовались новѣйшіе писатели и которому они простодушно довѣряютъ, объ этомъ времени, равно какъ и о первыхъ Поморскихъ расколоучителяхъ, Иг-

Вскорѣ послѣ того, какъ Андрей вступилъ въ общину Даніила, съ общаго совѣта рѣшили перейдти на новое мѣсто, которое въ послѣдствіи называлось «старымъ заводомъ» и находилось близъ Боровскаго скита. Андрей съѣздилъ домой и привезъ съ собой сестру свою Соломонію, тайно отъ отца, — «той самой во слѣдъ Бога изволившей», съ нею Петра Прокопьева съ его сестрой Ѳеклой. Своими подвигами, своимъ умнымъ поведеніемъ Андрей все болѣе и болѣе привлекаетъ общее уваженіе; его популярность растетъ со дня на день. «Въ покореніи и послушаніи преуспѣвая, бысть образъ кротости, брася съ міромъ, тѣломъ и діаволомъ: съ міромъ чрезъ отверженіе, съ тѣломъ чрезъ умерщвленіе, съ діаволомъ чрезъ пощеніе и молитвы». Біографъ сравниваетъ при этомъ случаѣ Андрея съ законодателемъ Моусеемъ: какъ тотъ «съ закономъ къ Израилю пришедъ, солнечные показа на себѣ лучи и того ради возложи на себя покровъ, сице и сей премудрый нашъ пастырь, россійскій законодавецъ, просвѣтися добрыми дѣлы, тѣмже и вселися въ Выговскую пустынь, аки такожде возлагая на лице свое покровъ. Обаче якоже облакъ, покрывая солнечное лице, не можетъ утаити его лучи, да не тво-

---

натіѣ, Досиѳеѣ и пр. заимствованъ слово въ слово изъ надгробнаго слова Петру Прокопьеву, сказаннаго Андреемъ Денисовымъ. Андрей въ отношеніи къ себѣ здѣсь обнаруживаетъ большую, можетъ быть даже и чрезмѣрную, скромность; онъ скрадываетъ свои подвиги и старается выставить и восхвалить Даніила, который еще живъ былъ въ то время, когда говорилось это надгробное слово; Андрей хотѣлъ польстить старцу, находившемуся въ общемъ уваженіи: похвала, сказанная Даніилу, была пріятна и всей общинѣ которая чтила его за его «кротость», т.-е. за снисходительность и послабленіе къ общебратскимъ слабостямъ. Что касается до Ивана Филиппова, то онъ заслуживаетъ полнаго довѣрія тамъ, гдѣ говоритъ отъ себя: тамъ его разсказъ дышетъ искренностію и простодушіемъ. Это былъ человѣкъ, горячо и искренно преданный интересамъ своей общины. Въ разсказѣ объ Игнатіѣ и другихъ Андрей изображаетъ эти личности величественными по особымъ побужденіямъ: ему хотѣлось убѣдить слушателей, что его монастырь имѣетъ дѣйствительное значеніе монастыря, ибо основанъ такими великими свѣтилами.

ритъ дня, сице и Выговская пустынь не утаи премудрымъ Андреемъ принесеннаго. Просвѣти яко солнце премудрый сей законодавецъ Выговскую пустыню законовъ лѣпотою и уставовъ общежительныхъ дивною красотою, въ нихъ же благообразно начаша ходити выгопустынніи чада».

Три года жили они на томъ мѣстѣ въ великой нуждѣ и трудясь въ потѣ лица: нужно было строить кельи, расчищать лѣсъ подъ пашню. За то богаты были молитвами и цѣломудріемъ, замѣчаетъ біографъ Андрея. Однажды, когда братія вышли на земледѣльные труды «древія въ груды собирати», огонь, неосторожно оставленный въ кельи, произвелъ пожаръ, — сгорѣли всѣ зданія и всѣ пожитки. Этотъ случай они приняли, будто бы за явное указаніе свыше, переселиться въ ино мѣсто, именно туда, «гдѣ теперь стоитъ монастырь», замѣчаетъ біографъ: а здѣсь жилъ тогда Захарія Дровнинъ, мужъ сколько къ духовнымъ подвигамъ прилежный, столько и въ естественномъ мужествѣ крѣпкій, съ отцемъ своимъ Стефаномъ и съ сестрами, дѣвицами, презрѣвшими плотскій бракъ и домъ, всякимъ изобиліемъ кипящій. Захарія былъ извѣстенъ тѣмъ, что пользовался особенною благосклонностію Корнилія. И дѣйствительно, по всѣмъ признакамъ это былъ человѣкъ достойный уваженія, крестьянинъ трудолюбивый и добродушный, общительный: поселившись на берегу Выга, онъ много потрудился для того, чтобы расчистить себѣ мѣсто и завести распашку. Обильный урожай вознаградилъ его труды: тогда ему захотѣлось подѣлиться съ нуждающимися и онъ отправился на лыжахъ къ Даніилу — звать ихъ въ общее житіе, не смотря на предостереженія своего старика отца, который, какъ человѣкъ бывалый, внушалъ ему, что гораздо лучше быть одному хозяиномъ своего мѣста и своего хлѣба. Даніилъ и Андрей тогда колебались. Но послѣ пожара, погорѣвшіе братія съ радостію переселились къ Захарію и здѣсь въ 1695 г., послѣ Покрова Богородицы, ихъ община подъ руководствомъ Андрея получила правильное и положительное устройство. Съ этого вре-

мени (*) Андрей рѣшительно дѣлается душею и «законодавцемъ» всего общества; все, что дѣлается въ общинѣ, дѣлается по его мысли, съ его согласія и вѣдома. Съ этого времени община растетъ не по днямъ, а по часамъ въ числѣ своихъ членовъ. Три года, прошедшіе со времени прибытія Андрея на Выгъ (съ декабря 1692 г. по октябрь 1695 г.) не могли пройдти для него безплодно. Въ это время онъ довершалъ свое самовоспитаніе, изучалъ свящ. книги, создавалъ для себя репутацію между пустынниками, присматривался къ людямъ, изучалъ характеры и нужды своихъ братій. Въ это время конечно ему пришлось многое пережить, во многомъ разочароваться, въ это время долженъ былъ совершиться нѣкоторый переломъ въ его убѣжденіяхъ, отъ идеализаціи онъ перешелъ къ болѣе практическому взгляду на вещи.

IV.

Устройство общины Андрея: монастырь или слобода? Образъ жизни въ монастырѣ по описанію Ивана Филиппова: на сколько правдоподобно такое описаніе? — Составъ общины — ея внутренняя организація; настоятели; выговская аристократія; отношеніе ея къ Андрею; отношенія старѣйшихъ къ рядовой братіи въ вопросахъ догматическихъ и дисциплинарныхъ; способы, какими дѣйствовалъ Андрей на паству: мнимыя чудеса, проповѣдь.

Вотъ что говоритъ г. Щаповъ объ устройствѣ Выговской пустыни: «сначала Выговская община была бѣдна и неустроена, а потомъ все болѣе и болѣе устроялась. Она называлась монастыремъ, по старинному обычаю, когда монастырями назывались и погосты новгородскіе, какъ извѣстно изъ «Писцовыхъ книгъ.» Въ существѣ же дѣла выговская община имѣла характеръ чисто мірскаго согласія», похожа была на раскольничьи слободы стародубскія, сибирскія и другія. Обитатели ея «житейскимъ житьемъ жили.» И дѣйствительно уже въ началѣ XVIII вѣка весь матеріальный бытъ общины имѣлъ мірское, житейско-хозяйственное устройство (*).

(*) Формально Андрей сдѣланъ настоятелемъ лишь въ 1703 году (см. Любопытнаго Хронологію въ 1 том. Есипова и въ исторіи Выгов. пуст.)

(*) Земство и расколъ, соч. Щапова, стр. 129—130.

Такъ какъ устройство «выгорѣцкаго общежитія» есть дѣло Андрея, то для рѣшенія вопроса: что такое было, по понятію раскольниковъ, выгорѣцкое общежитіе, монастырь ли, или слобода, кажется, лучше всего обратиться къ самому Андрею, всмотрѣться въ его планы и цѣли и поискать у него прямаго и положительнаго свидѣтельства по этому предмету. Обращаясь къ сочиненіямъ Андрея, прежде всего мы видимъ, что Андрей имѣетъ нарочитую заботу доказать, что Выговское общежитіе есть монастырь. Самое краснорѣчивое и можетъ быть самое тщательное сочиненіе Андрея послѣ «Поморскихъ отвѣтовъ» — надгробное слово Петру Прокопьеву—имѣло цѣлію(*) прославить выгорѣцкое иночество и показать міру, что выгорѣцкое общежительство по праву называется монастыремъ и есть истинный, настоящій общежительный монастырь, ничѣмъ не худшій другихъ, какъ по происхожденію своему, такъ и по устройству, по уставамъ въ немъ соблюдавшимся и по образу жизни его обитателей. «Откуду же общежительство сіе начало пріятъ и како устроися, нужда намъ вкратцѣ здѣ объявити, да скажуще о немъ, эклезіарха тоя покажемъ, эклезіарха же повѣствующе, общежительство явимъ, да невѣдущіи вѣдѣніемъ, вѣдущіи же памятованіемъ обновятъ своя слухи. Ибо *малая сія рѣчка,* общежительство сіе глаголемо, *истече отъ источника великаго, Соловецкія преподобныхъ отецъ и мірскихъ молитвенниковъ Зосимы и Савватія обители,* яко благословеніемъ, тако и *чиномъ и уставомъ* (**). Далѣе Андрей разсказываетъ, какимъ именно образомъ общежительство сіе произошло отъ Соловецкаго монастыря: «въ то время, когда древле-соловецкіи отцы не пріимаху новыхъ уставовъ Никона патріарха, два великихъ мужа жили

(*) Слово это такъ и озаглавливается въ сборникѣ: «слово надгробное на своего сродственника Петра, вкупѣ же и исторія краткая, како и откуду зачася выгорѣцкое общежительство».

(**) Преосв. Игнатій «Истина Солов. обители», успѣхъ и авторитетъ Выговской пустыни объясняетъ именно тѣмъ, что она по убѣжденію раскольниковъ произошла отъ Соловецкой обители.

въ немъ, превосходившіе прочихъ въ премудрости и разумѣ и во всемъ вѣдѣніи св. писаній: одинъ Герасимъ Фирсовъ, «его же премудрость и разумъ каковъ бяше является отъ списанія его, еже писа о знаменованіи креста на лицахъ своихъ» (*); другой черный діаконъ Игнатій, которому прозорливецъ нѣкій, Гурій, повелѣваше изыти изъ Соловецкія обители: хощетъ бо Богъ тобою состроити обитель ину велію во славу Его, — обители же Соловецкой разореніе предрече: Игнатій изыде изъ Соловецкой обители и по благословенію отецъ и Богомъ подвизаемь пріиде въ поморскія пустыни, гдѣ многіе, наставленные имъ во благочестіи «прицѣпившеся ему, моляху его съ ними пребывати и подъ предводительствомъ его спасени быти, еже и сотвори Боголюбивая оная душа, памятуя пророченіе святаго старца соловецкаго Гурія и нача въ сей пустыни общежитіе, не токмо по благословенію отецъ Соловецкихъ, но и по благословенію игумена Досиѳея». Когда Игнатій «скончался о Христѣ» осталецъ онаго общежитія *Даніилъ*, скитаяся съ мѣста на мѣсто, многое попеченіе имѣяше, аки нѣкій велій долгъ, да общежительное обѣщаніе по благословенію отецъ во общежительныхъ святыхъ уставѣхъ исполнить. Авва Корнилій староскитскій, Ниловы пустыни древлеобѣщникъ, былъ всѣмъ намъ, продолжаетъ Андрей, сладостный наказатель и отецъ духовный; были и иные соловецкіе отцы: Геннадій, Іосифъ, молитвами своими дебри сіи освящающе. Даніилъ же, живя въ маломъ общежительствѣ древлесоловецкихъ отецъ благословеніе аки искру во углѣ, или благовонное мѵро въ алавастрѣ нося и соблюдая, усердствовалъ о общежительствѣ, возъусердствоваша же и прочіи братія, возревноваша же отцы, благословляюще и повелѣвающе о немъ пещися... И тако сіе общежительство, яко же рѣхомъ, повторяетъ Андрей, отъ Соловецкія обители проистекшее есть, чиномъ же

(*) Это сочиненіе можно читать въ рукоп. Спб. Публ. Библ. № 78 изъ библіотеки Толстаго).

и благословеніемъ соловецкихъ отецъ вкорененное и священноигумена Досиѳея благословеніемъ насажденное, къ симъ же и староскитскаго отца Корнилія и прочихъ отцевъ пустынныхъ молитвами и благословеніями утвержденное. Но не тако бяше сіе общежитіе и особно — скитское пребываніе тогда, егда соединихомся, якоже нынѣ зрится; бѣ бо тогда стадо Христово аки въ нощи бурнѣй страдальчески безъ чина и паствы скитающеся.» За тѣмъ Андрей разсказываетъ, какихъ трудовъ стоило ему, Андрею, управлять монастыремъ. Эти труды состояли не столько въ обезпеченіи матеріальнаго его благосостоянія, сколько въ наблюденіи за храненіемъ мнимыми монахами и монахинями иноческихъ уставовъ. «Егда же благодатію Божіею совокупихомся въ сіе общежительство, о, коликихъ трудовъ и подвиговъ строительство сего общежительства востребовало: тѣлесное житіе состроити и душевное спасеніе устроити, въ неплодныхъ мѣстѣхъ прекормленіе промыслити и душевную трапезу всегда уготовити, нивы лѣторослыя съ трудами распахивати, да и терновидныя нравы со многими поты истерзати, одеждами въ нищихъ мѣстѣхъ одѣяти и общежительными св. отецъ обычаи не навыкшихъ людей украсити, горы своевольныя поравняти, чащи міролюбныхъ обычаевъ искорепяти сѣно съ огнемъ раздѣлити, воды страстныя застановити, возгорѣнія похотныя угасити.»

Эти выписки изъ слова Андрея кажется не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно того, что̀ такое хотѣлъ устроить Андрей Денисовъ на берегахъ Выга. «Монастырь» нужно было устроить Андрею по многимъ побужденіямъ. Вопервыхъ, большая часть приходившихъ къ нему «съ великою вѣрой» приходили именно ради иноческаго благочестнаго житія. Исторія воспитала въ русскомъ человѣкѣ особенное уваженіе и склонность къ монашескому житію; выше мы имѣли случай замѣтить, до какой степени, вслѣдствіе многихъ мѣстныхъ историческихъ причинъ, распространено было это уваженіе къ иночеству и стремленіе постригаться въ по-

морскомъ краѣ. Это стремленіе нашло себѣ полный исходъ въ расколѣ, гдѣ для того, чтобы сдѣлаться «инокомъ,» не нужно было ни проходить искуса, ни ожидать разрѣшенія духовной власти, — тамъ постригали охотно всякаго (*), приходившаго съ великою вѣрой; многіе даже сами постригали себя. Преслѣдованія усилили мистическое чувство въ раскольникахъ: ожидая близкаго конца міра, они пришли къ убѣжденію, что жить семейною жизнію грѣшно,— грѣшно думать объ удобствахъ и радостяхъ жизни, когда настоитъ день Христовъ и когда нужно ежеминутно быть готовымъ предстать на судъ Божій. Такимъ образомъ, устрояя монастырь, Андрей въ этомъ случаѣ волей-неволей удовлетворялъ лишь общему требованію; онъ долженъ былъ непремѣнно это сдѣлать, если хотѣлъ стоять во главѣ общины и не хотѣлъ лишиться своего выгоднаго положенія. Но и самъ онъ не только не имѣлъ никакой причины идти противъ общаго настроенія, напротивъ съ своей стороны имѣлъ всѣ побужденія, чтобы завести и поддерживать мнимо-монастырское устройство общины. Братья Денисовы, какъ увидимъ, особенно старались увѣрить простыхъ людей. что церковь, т. е. ихъ разсѣянное раскольническое общество, хотя и страждетъ отъ антихриста, но не лишена, къ утѣшенію своихъ вѣрныхъ чадъ, подобающаго ей благолѣпія и красоты. Въ этой мнимой церкви были всѣхъ родовъ святые: преподобные, мученики, Христа ради юродивые, прозорливцы, владѣвшіе даромъ предвѣдѣнія,— въ ней даже совершались чудеса и притомъ въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ количествѣ, въ какихъ давно уже не совершались они въ мірѣ, — съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, какъ объ этомъ весьма правдоподобно и убѣдительно повѣствуется у Семена Денисова въ «Винограде Россійскомъ» и въ исторіи объ отцахъ соловецкихъ, а отчасти

(*) Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ на соборѣ 1681 г. говорилъ: «многіе монахи, не хотя быть у настоятелей подъ послушаніемъ, отходятъ отъ монастырей и начинаютъ жить въ лѣсахъ и потомъ прибираютъ къ себѣ такихъ же непослушныхъ» и пр. Акт. Истор., т. V, № 75, стр. 117.

и у Андрея въ надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву, особенно же въ надгробномъ словѣ Исаакію на Лексѣ; по словамъ Любопытнаго, Андрей здѣсь утверждаетъ, что «всѣ пострадавшіе отъ никоніанъ есть святы и въ равной степени древнимъ» (*). Отчего же не быть въ этой «церкви» и монастырю, на подобіе тѣхъ, какими искони славился православный востокъ, или, еще ближе, какими издревле славилась церковь русская? Такою-то богоспасаемою обителію иночествующихъ, киновіею, хотѣлъ Андрей представить свое выголексинское общежительство, и не только представить въ словѣ, но и по возможности на дѣлѣ осуществить. И вотъ въ 1731 г. авторъ житія инока Корнилія (въ описаніи нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій Александра Б., этотъ авторъ—Семенъ Денисовъ) считалъ себя въ правѣ сказать: «кто не вѣсть, или кто не слыша, о россійстіи древлеотеческаго церквосодержанія подражателіе, Выгорѣціи, иже близь окіяна Бѣлаго.... тако Выгорѣція во всей Россіи прослы, яко не точію подражателямъ благочестія древняго, но и самѣмъ водимого цвѣтущимъ императоромъ всероссійстимъ слышати,—и толико Выгорѣція возрасте и пріумножися, яко двѣ великіи обители на Выгорѣцѣ Богоявленская, въ ней же мужескій полъ, и на Лексѣ крестная, въ ней же женскій полъ; и скиты великіе килейныхъ жителей по Выгу рѣцѣ и по другимъ рѣкамъ и езерамъ, въ нихъ же тако въ обителѣхъ, яко во скитѣхъ храмы молитвенные во славу Божію чудно водружени свѣтлѣются, и вседневными службами сіятельствуютъ, и всенародными торжествы украшаются, о кіихъ годствуетъ рещи, яко *добри доми твои Іакове и кущи твои Израилю....* (**).

Желая пропагандировать расколъ повсемѣстно, Андрей не могъ придумать лучшаго средства для этой цѣли, какъ основать монастырскую корпорацію, своего рода орденъ,

---

(*) Кат. Любоп. № 75, стр. 35.

(**) Житіе ин. Корнилія, гл. 1; ркп. Спб. Дух. Акад. № 33.

съ крѣпкою организаціей, съ спеціальнымъ назначеніемъ быть средоточіемъ и опорою раскола. Благодаря только этому своему мнимо-монастырскому устройству, Выговская община и пріобрѣла то огромное нравственное значеніе, какое имѣла она въ исторіи раскола, и скопила тѣ богатства, какими скоро послѣ своего основанія стала обладать: эти богатства образовались главнымъ образомъ изъ вкладовъ, какіе благочестивые раскольники жертвовали на благоустроеніе обители, по вѣрѣ въ силу и дѣйственность молитвъ этихъ раскольниковъ (*).

Андрею нужно было устроить свою общину въ видѣ киновіи и для того, чтобъ избѣжать подозрѣній правительства въ политическихъ замыслахъ, въ стремленіи противиться царю. Это побужденіе ясно высказывается у Андрея, когда онъ говоритъ (въ надгробномъ словѣ П. Прокопьеву), что устрояя общежительство, они съ Даниилой между прочимъ имѣли въ виду, «да обдержаніемъ общежительства въ пустыни сей благочинное житіе утверждается, всякое же безчиніе изничтожается, да не попустится своевольнымъ злымъ людемъ мѣсто пустынное жительство быти; якоже и бысть. Ибо тогда воровскихъ людей терніе, въ лѣсахъ сихъ вкоренятися начеснешеся, благодатію Христовою обдержаніе жительства сего изничтожися мирно и благопокорно.» И вѣдомо житіе сіе тако царскому величеству, яко властемъ градодержательнымъ общежительствамъ симъ исходатайствовася: явѣ бо по Христовымъ и апостольскимъ преданіямъ, повелѣвающимъ Бога боятись и царя почитати, Божіе Богови и Кесарева Кесареви отдаяти. Сія вся Богу помогающу, благое отъ Божіихъ писаній и благопокорное разсужденіе общежительство сіе источаетъ.» Кто же эти воровскіе люди, противъ которыхъ Андрей такъ вооружается? Ихъ, кажется, нельзя считать за одно съ тѣми земскими людьми, которые, по словамъ Щапова, предавались бѣгству не по причинѣ какихъ-либо сво-

(*) См. разсказы объ этомъ у А. Іоаннова, стр. 101—103.

ихъ религіозныхъ вѣрованій, а ради того тяжелаго положенія, какое выпало на ихъ долю вслѣдъ за смутною эпохой междуцарствія, отъ тѣхъ нестроеній, какія были въ царствованіе Алексѣя Михайловича и какія произвели бунтъ Разина и другіе: въ существующихъ историческихъ данныхъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ подобнаго происхожденія первоначальныхъ насельниковъ Выговской пустыни. Это, конечно, тѣ самые пустынножители, которые удалялись сюда изъ окрестныхъ волостей и даже изъ другихъ мѣстъ отъ преслѣдованія за древнее благочестіе и которые вошли потомъ въ составъ Андреевой общины. Прежде чѣмъ образовалась эта община, они пытались силой добывать себѣ свободу жизни и исповѣданія, и силой же привлекать себѣ послѣдователей: собираясь шайками, они выходили изъ лѣсовъ, нападали съ оружіемъ на мирныя православныя деревни (*), убивали и грабили не желавшихъ пристать къ расколу и удалялись опять въ свои убѣжища «въ лѣсахъ за озеромъ Онего.» Самъ Даніилъ Викулинъ, по сказанію даже исторіи Выговской пустыни, нѣкоторое время занимался подобнымъ удальствомъ (**). А особенно этимъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность родственникъ

(*) См. Акт. Истор., т. V — пудожское дѣло. Такъ же *Олонецкія Губ. Вѣдомости* 1849 г. судное дѣло о разореніи Палеостровскаго монастыря, №№ 1—14.

(**) Между пустынниками былъ нѣкто старецъ Питиримъ, оказавшій много услугъ всѣмъ скитальцамъ выговскимъ тѣмъ, что «скитаяся, *своими руками построилъ*, яко же глаголютъ, *тридесять келій множае;* тако бѣ трудолюбивъ и труждаяся не безъ ума, — *вѣдый, яко мнози жители будутъ въ пустыни.*» Этотъ-то Питиримъ, вышедъ въ волость для нуждъ своихъ, былъ схваченъ властями и отвезенъ въ село Великую Губу, откуда его должны были отвезти скованнаго въ Олонецъ. Попъ въ отпискѣ объяснялъ, что Питиримъ одинъ изъ тѣхъ выходцевъ соловецкихъ, которые, расхаживая по волостямъ, совращаютъ православныхъ. Когда дошла объ этомъ вѣсть до Данилы, — онъ въ это время скрывался у христолюбцевъ, въ Шунгскомъ погостѣ, — онъ немедленно «*собра изъ своихъ смѣлыхъ и скорыхъ ногами пять человѣкъ*» и послалъ вслѣдъ за старцемъ въ погоню. Въ Виданской волости преслѣдователи перемѣнили загнанныхъ лошадей и близь села Пряжи настигли отца Питирима и немедленно «*отъяша.*» Возвратившись въ Виданскую

Андрея, Омелька Ивановъ Второго. «Въ прошломъ 7195 году (1687 г.), жалуется въ своей челобитной палеостровскій игуменъ Кириллъ, вѣдомый воръ (*) и пущій раскольникъ Емелька Ивановъ сынъ Второго.... отступи отъ матери нашея церкви...; приходя въ Тунгскій, Толвуйскій и Челмужскій погосты со многими и изъ иныхъ мѣстъ пришлыми ворами, пришедъ въ нашъ монастырь *со всякимъ оружіемъ.... монастырскую казну пограбили....* въ церквахъ, въ самомъ святомъ алтарѣ жили ихъ жены со всякою скверностію и ругаяся святой Христовой церкве изъ алтаря въ сторону стѣну просѣкли и учинили о самую стѣну гное-скаредный нужникъ... И жили они воры шесть недѣль». Заслышавъ, что идетъ войско изъ Новгорода, Емелька, забравъ монастырскую казну и оклады отъ иконъ, выбѣжалъ «на лѣсъ, *въ свои воровскіе прежніе станы, изъ которыхъ выходилъ напередъ того*», покинувъ подговоренныхъ имъ «съ двѣ тысячи», которые и сожглись, когда пришло войско. Емелька между тѣмъ сталъ снова выходить съ своими воровскими людьми въ вышеупо-

---

волость, они сѣли на своихъ лошадей, которыя оставались здѣсь для отдыха и помчались во свояси. А оніи проводницы (то-есть служебные люди, конвоировавшіе Питирима), возвратишася въ Шунскій погостъ, взяша съ собою людей у старосты и гнашася за ними многолюдствомъ въ Кижской погостъ, а далѣе гнатися не смѣяше. Когда они донесли объ этомъ въ Олонецъ, оттуда прислали солдатъ, которые многія пакости сотворишя жителямъ, особенно тѣмъ, у которыхъ останавливались отбившіе у нихъ Питирима. Вскорѣ послѣ того Даніилъ увезъ съ Сустрецкаго завода сестру свою съ мужемъ Леонтьемъ,—за ними была погоня, но имъ удалось скрыться.

(*) Слово воръ въ древнемъ юридическомъ языкѣ означало вообще преступника законовъ государственныхъ, какимъ былъ и раскольникъ по уложенію Алексѣя Михайловича; слѣдовательно, въ этихъ словахъ упоминалось не о тѣхъ земскихъ людяхъ, которые, по Щапову, убѣгали въ пустыни отъ *гражданскихъ* нестроеній. Въ разсказѣ Ивана Филиппова это событіе имѣетъ другой колоритъ; — авторъ исторіи Выгоской пустыни и этого разбойника простодушно возводитъ во святые и влагаетъ ему въ уста молитвы... Андрей имѣлъ болѣе такта: онъ видитъ, до какой степени въ его время разсказъ, подобный разсказу Ивана Филиппова, былъ бы невѣроятенъ и наглъ и просто отрекается отъ всякой солидарности съ Емелькою.

мянутые погосты и въ Повѣнецкій рядокъ «и многія тѣхъ мѣстъ жилецкія люди ему станъ давали и у себя такому жъ воровству завестися норовили«. Спустя два года Емелька снова со многими своими воровскими товарищи нагрянулъ на Палеостровскій монастырь, взялъ его, «*игумена Пимена связавъ, держалъ въ великой неволи и мучении*, а сами въ томъ монастырѣ засѣли и укрѣпили изъ монастырскаго готовленнаго лѣсу острогъ съ немалою крѣпостью, и изъ того острога выѣзжали въ тѣ окольныя мѣста и правыхъ людей, которые съ ними ворами не въ совѣсти, пожитки грабили и самихъ тѣхъ людей мучили». Когда посланы были съ Олонца служилые люди и изъ окольныхъ мѣстъ понятые — они стрѣляли въ нихъ, многихъ убили, иныхъ ранили, между прочимъ протопопа Льва, который, исполняя волю своего архипастыря, хотѣлъ было увѣщавать ихъ. Но вѣроятно, не надѣясь на полную побѣду, они, истребивъ все, что принадлежало монастырю, сожглись и съ собою вмѣстѣ сожгли и игумена и братію, — а нѣкоторые изъ скопу вышли и поселились по погостамъ. Челобитчикъ былъ въ то время діакономъ въ монастырѣ и успѣлъ убѣжать, чтобы дать извѣстіе о случившемся въ Олонцѣ и въ Новгородѣ, гдѣ потомъ долго жилъ и наконецъ въ 1699 г. посвященъ въ настоятели разореннаго монастыря. «А освѣдомился я подлинно, продолжаетъ игуменъ Кириллъ, что отъ нашего Палеостровскаго монастыря не въ дальнемъ разстояніи на лѣсахъ въ прежнихъ воровскихъ раскольныхъ станахъ прежняго воровскаго раскольнаго ученія плевосѣятели Данилко Викулинъ, да Дениско Второго съ сыномъ Андрюшкою со многими людьми собрався, живутъ великимъ скопомъ и заводомъ и въ погосты выѣзжаютъ почасту, и всякіе припасы въ тѣхъ погостахъ промышляютъ и опасно мнѣ игумену, чтобы тѣ воры вновь монастыря не разорили (*).» Было ли это бунтомъ въ родѣ

(*) По челобитной Кирилла произведено дознаніе. При допросѣ обѣльный Козелька показалъ, что «Омелька Второго, выходя въ погосты, тамошнихъ жителей къ себѣ подговаривалъ, а иныхъ и неволею сбиралъ.»

Разина? Нѣтъ, это лишь проявленіе крайняго религіознаго фанатизма: ихъ силою принуждали къ «новой вѣрѣ», — они силою сопротивлялись и, когда имѣли возможность, силою же принуждали другихъ къ своей вѣрѣ. Доказательствомъ того, что это фанатизмъ, служитъ ихъ самосожигательство. Самъ Андрей усиливается отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ солидарности съ этими своевольными злыми людьми, хочетъ даже заставить думать своихъ слушателей, что ему правительство обязано уничтоженіемъ этихъ шаекъ: «воровскихъ людей злое терпіе обдержаніемъ общежительства

Другой изъ допрошенныхъ, Мишка, поповъ сынъ, показалъ, что дѣйствительно въ лѣсахъ за Онего въ воровскихъ раскольническихъ станахъ живетъ многое число людей подъ начальствомъ Данилы и Дениса Второго, что изъ лѣсовъ тѣ воры въ Шунгу и въ другіе погосты по праздникамъ на ярмарки и по деревнямъ ѣздятъ, и ходятъ съ опасеніемъ, съ ружьемъ, но ходятъ только тѣ, которые никому незнакомы; а тѣ, которыхъ знаютъ на погостахъ, выходя, отъ знакомаго закрываются, чтобы не узнали и пр. Про себя лично Мишка разсказалъ слѣдующее: «они съ отцемъ своимъ попомъ Маркомъ пришли въ Шунгу, 10 лѣтъ тому назадъ, въ домѣ онъ Мишка живетъ мало, для своего прокормленія онъ отъѣзжаетъ въ извозъ къ морю и на веснованье, а Сидорко Пименовъ, его тесть, нынѣшней другой жены его отецъ, ушелъ въ расколъ года съ три, отъ людей онъ слышалъ, что Сидорко съ товарищами приходилъ въ деревню Паницы, у Дениски Ѳаддѣева деревенскій участокъ насильствомъ посѣять,—и онъ Дениска съ семьею съ ружьемъ въ рукахъ отъ нихъ отбились. А жену его, Мишкину, первую, Степанову дочь, тѣ раскольники, подъѣхавъ зимою, ночью взявъ со двора изъ бани, свезли за Онего на лѣса, а по совѣту ли жены, или насильно, не вѣдаетъ. Недѣлю спустя, они пріѣзжали къ дому отца его ночью, съ ружьями, для грабежу, но попъ Маркъ убѣжалъ изъ дому вовремя задними воротами и учалъ въ колоколъ бить всполохъ,—люди прибѣжали, а они воры отъѣхали и учали изъ ружей стрѣлять Недѣли черезъ три они явились снова ночью, и тутъ попъ Маркъ уже не спасся отъ нихъ: нашедши его въ сараѣ въ соломѣ, они его обухами били и бороду выдрали, и его Мишку связали и пограбили у нихъ все въ домѣ—иконы и псалтырь новоисправленную, да пищаль и платье и всякій житейскій заводъ: и на поѣздѣ отца его въ воду хотѣли бросить, — а говорили ему: «для чего ты, попъ, на насъ извѣщаешь и сказки подаваешь», а его Мишку хотѣли свезть въ расколъ,—но онъ не пошелъ, а силой не захотѣли и связаннаго домой отпустили». Это произшествіе относится уже ко времени управленія Андрея.

мирно изничтожися». Что́ Андрей хочетъ этимъ сказать?—То ли, что какимъ-то воровскимъ людямъ въ Выговской пустынѣ неудобно, невозможно стало жить, какъ скоро поселились близъ нихъ такіе честные люди, каковы были мирные пустынножители, спасавшіеся подъ руководствомъ Андрея, или то, что эти самые своевольные люди обратились въ честныхъ пустынножителей, благодаря трудамъ и усиліямъ Андрея? Какъ бы ни поняли эти слова тѣ, для кого назначалъ ихъ Андрей, для кого онъ вставилъ въ свое слово эту тираду,— во всякомъ случаѣ, по смыслу ея, вмѣсто скопища бродягъ, бѣглецовъ, могущаго обратиться въ опасную для правительства шайку политическихъ разбойниковъ, въ Выговской пустыни является монастырское общежительство послѣдователей древняго благочестія, чуждое всякихъ политическихъ видовъ, которое слѣдуетъ евангельскому правилу: Бога бойтеся и царя чтите, — даетъ двойную подать и работаетъ на Повѣнецкихъ заводахъ (слово это говорилось 1719 г.). Проповѣдь, произнесенная къ паствѣ, не назначалась конечно для правительства, какъ напримѣръ Поморскіе отвѣты, и Андрей, еслибы хотѣлъ, могъ бы избѣжать почтительныхъ выраженій о царской власти, могъ бы не высказывать презрѣнія къ людямъ, которые были съ нимъ одного поля ягода. Андрей говорилъ это для своей паствы: очевидно онъ хотѣлъ пріучить ее къ образу рѣчи и поведенія, наиболѣе благовидному и безопасному со стороны правительства. Этотъ образъ мыслей ему нужно было распространить не потому, чтобы онъ ему особенно нравился самъ по себѣ, а потому, что былъ выгоденъ, такъ какъ избавлялъ ихъ отъ притязаній и подозрѣній правительства. Мы говорили уже, что теоретическія убѣжденія стояли для Андрея на второмъ планѣ, — а на первомъ — упроченіе внѣшняго благосостоянія общины, обособленіе ея и обезопашеніе отъ вмѣшательства властей.

Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ устройства общежитія Андрея обратимся къ болѣе безъискусствен-

ному, болѣе простодушному и искреннему разсказу Ивана Филиппова, которымъ пользовался и Щаповъ: мы увидимъ, что послѣдній, преслѣдуя свою предзанятую мысль, упустилъ изъ вниманія многое, что прямо противорѣчитъ его взгляду. Такъ, когда намѣреваясь соединиться съ Захаріею, Даніилъ и Андрей пришли къ Корнилію спросить благословенія, то онъ велѣлъ имъ, по словамъ Филиппова, прежде всего «добрѣ правити чинъ и уставъ держати по святыхъ отецъ правиломъ, по образу древнихъ монастырей». Дѣло монастырскаго устроенія трудами Андрея созидалось не вдругъ: началось оно тѣмъ, что когда собравшіеся около Даніила и Андрея поселились въ жилищѣ Захаріи Стефанова, то въ столовой на богомоленіи братія становились на одну сторону, а сестры на другую,— «а по срединѣ завѣса во всю столовую», — «братія въ столовой хлѣбъ ядаху, а сестры въ хлѣбни собирахуся на обѣды и ужины». Корнилій приходя внушалъ имъ «вѣчную нужду пустынную терпѣти и труды, меньшимъ къ большимъ покореніе имѣти и послушаніе, чистоту тѣлесную хранити...» Но все это еще не было, конечно, собственно монастырскимъ житіемъ; дѣвственное житіе было обязательно для всякаго поморца, повиновеніе старшимъ — общее правило русскаго народнаго быта, терпѣть пустынную нужду приходилось по необходимости, не по обѣту. И самъ историкъ Выговской пустыни говоритъ, что хотя они жили въ это время съ великою ревностію и усердіемъ богоугодно, но все-таки это было не болѣе, какъ житейское житіе: «житейскимъ житіемъ живяху». Но эта фраза, которую Щаповъ распространяетъ на все время существованія Выговской пустыни, относится только къ одному первому году жизни отшельниковъ на Выгѣ, когда ихъ было всего сорокъ человѣкъ. Андрей и Даніилъ не оставляли мысли завесть монастырь, но они, кажется, незнакомы были еще хорошо съ монастырскимъ уставомъ. Но вотъ что разсказываетъ выговскій историкъ дальше. «И начаша къ нимъ людіе приходити; а оные отцы Андрей и Даніилъ принимающе ихъ съ любовію..

и начаша чины церковные и монастырскіе хранити. И пріиде къ нимъ священноинокъ Пафнутій, много лѣтъ живый въ Соловецкой обители и весь чинъ церковный и монастырскій добрѣ вѣдый... и начаша общежитіе и церковную службу уставляти по чину и уставу. И поставиша Петра Прокопьева въ чинъ экклезіаршескій и къ нему пособниковъ пѣвцовъ и псаломщиковъ и конархистовъ... И потомъ пріидоша два мужа съ Москвы, вѣдущая писанія, Прокопій и Василій, иже послѣди во иноческомъ чину Варлаамъ наречеся. И съ того времени начаша праздникомъ всенощныя пѣти по чину церковному, такожде и по воскреснымъ днемъ послѣ заутрени книгу читати до молебна и часовъ, и послѣ уденья такожде книгу чтуще, и по вся дни службу церковную отправляюще на то учиненную, а въ простые дни труждающіеся братіи, отстоявъ полунощницу и на заутрени послѣ экзапсалмовъ, взявъ прощеніе у старца, отхождаху въ столовую часовъ пѣти и послѣ часовъ полагаху поклоны братскіе данные лѣстовки и по обычныхъ двухъ началахъ отхождаху по своимъ келіямъ, каждо на свои труды... И уставиша все по чину монастырскому, во вся службы монастырскія, келарей и подкелариниковъ и нарядниковъ, старостъ и надсмотрщиковъ во вся братскія службы... И въ хлѣбни хлѣбы печаху, а въ поварняхъ шти варяху и квасы дѣлаху сестры, труждающеся съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ, а отъ нихъ всякую пищу келарь съ подкелариникомъ взимаху и въ братскую столовую приношаше... А во время обѣдовъ и ужинъ на обоихъ сторонахъ у братіи и сестеръ четцы жертвенники читаху, а братія обѣдающіи со всякимъ молчаніемъ сѣдяще и чтенію внимающе, и никто ни съ кѣмъ въ то время не глаголаше, бысть въ то время веліе молчаніе, и послѣ обѣда расходящеся вси во свои кельи каждо на свои труды.... Около всего монастыря ограду построиша, а посредѣ — стѣну, а въ стѣнѣ построиша келейцу малую и окно малое на братскую сторону для приходу братіи къ своимъ сродницамъ для свиданія и иныхъ ради братскихъ нуждъ, и къ тому

дѣлу избраша изъ сестръ человѣка добраго, старицу самудругу, чтобъ всегда приходящихъ съ благословенія къ оному окну для свиданія сродницъ при себѣ пущати....» Этого достаточно, чтобы убѣдиться, что выголексинское общежительство носило названіе монастыря вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ, по словамъ Щапова, будто бы носили его новгородскіе погосты (*): здѣсь мы видимъ не названіе только монастыря, а цѣлое устройство всего внѣшняго быта — мнимомонастырское: видимъ кельи, въ которыхъ живутъ братія и настоятели, экклесіархъ, келари, подкеларники и всѣ мнимомонастырскія власти; «монастырь» обнесенъ оградою, за которую выходить безъ вѣдома настоятеля запрещалось; тутъ есть общебратская трапеза, въ которой во время обѣдовъ читаются жертвенники; старый черный попъ Пафнутій, а позже тоже старый священникъ Ѳеодосій, много терпѣвшій за древнее благочестіе, постригаютъ въ иноческій чинъ вновь приходящихъ. Братія занимается, повидимому, постоянно благочестивыми упражненіями, постоянно ходитъ на молитву въ часовню, въ кельяхъ по ночамъ творитъ келейное правило. Весь образъ жизни «иноковъ», кромѣ общихъ уставовъ общежительныхъ монастырей, принесенныхъ Пафнутіемъ изъ Соловецкой киновіи, регламентированъ во всѣхъ подробностяхъ Андреемъ Денисовымъ особыми правилами. Мы не имѣемъ подъ руками этихъ, такъ-сказать, аскетическихъ сочиненій Андрея,— а вотъ какъ описывается образъ жизни ихъ въ монастырѣ: «прихождаше вечеръ, и абіе вечернія молитвы, аки кадило благовонно Богу приношахуся; наставаше нощь, и келейное правило и частыя колѣнопреклоненія со

(*) Неволинъ, въ спеціяльномъ изслѣдованіи о пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, нигдѣ не говоритъ о томъ, чтобы погосты въ какомъ бы то ни было смыслѣ назывались монастырями. Изслѣдуя родословную Андрея, мы имѣли надобность просматривать писцовыя книги заонежскихъ погостовъ новгородской области (въ прилож. у Неволина, въ изданіи Археограф. коммисіи, въ Олонецк. Губ. Вѣдом. 1849 и 1851 г.) и нигдѣ не встрѣтили, чтобы погостъ назывался монастыремъ. Вообще — мы не знаемъ, гдѣ *монастырями* называются *погосты*.

воздыханіемъ и умиленіемъ и со источники слезными, яки главное дѣло у всякаго пустынножителя. Являшеся утро и абіе.... полунощныя молитвы и утреннее славословіе...; приближашеся время обѣда и бѣ у коегождо попеченіе воздати Господеви молитвы своя, якоже св. церковь уставила есть, въ часъ 3-й, 6-й и 9-й, дондеже воздастся славословіе Владыцѣ и потомъ пищи вкушенье приложится... Прихождаху воскресныя дни, и бяше вездѣ хваленіе Пострадавшему за насъ;... и бываше чтеніе словесъ Божіихъ, и поученіе въ законѣ Вышняго, и всѣ сладчайшія бесѣды о спасеніи;... прихождаху Владычни праздники и бѣ въ пустыни аки на небеси гласъ празднующихъ;... являхуся лѣтнія торжества Богоматери и памяти угодниковъ Божіихъ — и паки славословіе... храмовъ ли молитвенныхъ лѣтніи прихождаху праздницы, съ теплою любовію призываху скитяне общежительныхъ настоятелей и нѣкіихъ отъ клириковъ къ свѣтлому торжеству и бываше сладкая радость и красное ликованіе и ангельскія воспѣвахуся пѣсни и слово Божіе, аки многоцѣнная трапеза, премудрыми предлагашеся проповѣдники.. Аще и безчиніе каковое случашеся, не скрываетъ разсказчикъ, скоро исчезаше, зане бяху о семъ надсмотрители и надсмотрительницы; аще и грѣхъ каковой являшеся, скоро отъ хитрыхъ врачевъ усмотряшеся, и подобающимъ врачевствомъ исцѣляшеся».

На сколько эти мнимые иноки были истинными монахами, на сколько эти узаконяемые чины и уставы выполнялись на дѣлѣ,— этой другой вопросъ. Понятно, что въ этомъ лирическомъ отрывкѣ, продиктованномъ энтузіазмомъ, горячимъ сочувствіемъ къ своему кровному, родному, дѣло преувеличено, что здѣсь — больше личной благонамѣренности автора, нежели дѣйствительной подвижнической святости. Уже одно то, что Андрею *нужно* было, какъ мы видѣли, *доказывать* въ 1719 г. своей братіи, что ихъ община — монастырь, свидѣтельствуетъ, что или были люди, которые въ Выгорѣцкомъ общежительствѣ видѣли слишкомъ мало монашескаго, или,

что братія монастыря такъ вели себя, что какъ будто забыли о томъ, что живутъ въ монастырѣ и имъ нужно было напомнить объ этомъ. Такъ какъ поступленіе въ монастырь проистекало не изъ свободнаго сознанія потребности уединенія для богомыслія, не изъ дѣйствительной склонности къ монашеской жизни, а происходило или въ слѣдствіе желанія укрыться отъ преслѣдованій или и изъ слѣпаго энтузіазма; такъ какъ, далѣе, это были все люди, привыкшіе къ семейному образу жизни, къ занятіямъ сельско-хозяйственнымъ и по степени своего духовнаго развитія мало способные къ созерцательности, къ тому, что составляло сущность монашеской жизни: то, очевидно, совершенно естественно было ожидать, что они не будутъ имѣть понятія о существѣ монашеской жизни и не будутъ въ состояніи выполнять иноческіе уставы. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ гоненія на раскольниковъ ослабѣвали, а внѣшній матеріальный бытъ ихъ улучшался,— деморализація въ монастырѣ дѣлаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи. Женщины, *ихъ* прежнія жены, жили вмѣстѣ съ *ними*; какая-нибудь завѣса или стѣна, отдѣлявшая «монаховъ» отъ «монахинь», конечно, нисколько не препятствовала разврату (*). Образованіе особой женской обители въ двадцати верстахъ разстоянія имѣло причиною не одну тѣсноту монастыря Богоявленскаго. Да и это удаленіе женщинъ мало помогло. Изъ разсказа Ивана Филиппова видно, что если кто соблюлъ дѣвство живя въ монастырѣ, то это было такимъ рѣдкимъ исключительнымъ явленіемъ, за которое нужно было восхвалять, какъ за особенную добродѣтель. Съ теченіемъ времени отъ первоначальнаго энтузіазма выговцевъ осталась одна мертвая обрядность, да и ту они сокращали, исполняли лѣниво, небрежно. Когда былъ въ монастырѣ кто-либо изъ постороннихъ, богослуженіе совершалось чаще и длиннѣе, а если никого не было, исполнялось слабо. Но по крайней мѣрѣ мы

(*) См. Истор. Раскол. Макарія, стр. 257.

можемъ сказать здѣсь то, что Андрей боролся противъ этой деморализаціи на сколько было у него власти: отъ вводимой имъ дисциплины многіе бѣжали совершенно, иные, поживши въ монастырѣ, переходили въ скиты, гдѣ жизнь была гораздо свободнѣе; иногда противъ Андрея и его дисциплины были возстанія. Продолжая приведенный нами выше разсказъ, Иванъ Филипповъ говоритъ: «аще и грѣхъ каковый являшеся, скоро отъ хитрыхъ врачевъ подобающимъ врачевствомъ исцѣляшеся, зане врачеве тіи умѣяху составляти цѣлительныя пластыри и болящіи вѣдяху повиноватися врачующимъ и пріимаху врачеваніе со благодареніемъ. Аще же кіи отъ жесточайшихъ безстудіемъ противляхуся настоящимъ и благочиніе строющимъ; но настоящіи имѣяху съ собою честный соборъ добродѣтельныхъ мужей, имѣяху власть строити житіе свое по преданіямъ отеческимъ....»

Итакъ устройство Выговской пустыни, это пресловутое самоуправленіе и самосудъ, вовсе не тотъ идеалъ общиннаго гражданскаго устройства, который видитъ здѣсь Щаповъ, а просто пародія на обыкновенное монастырское устройство. Отличіе этого «монастыря» отъ монастырей православныхъ, кромѣ самозванства его и незаконности происхожденія, состояло въ томъ, что дисциплина и порядокъ, заводимые здѣсь настоятелями, не могли имѣть той прочности и твердости, какъ въ монастыряхъ, имѣющихъ законное происхожденіе. Власть настоятелей здѣсь не была какая-либо положительная, твердая власть, обезпеченная закономъ, а основывалась лишь на личномъ нравственномъ авторитетѣ Андрея и Данилы; вслѣдствіе этого пустынники могли вести жизнь самовольную; всѣ обитатели монастыря, какъ свободно сошедшіеся, имѣли возможность даже по первому же желанію оставить его; и въ исторіи Выговской пустыни мы встрѣчаемъ не разъ разсказъ о томъ, что такіе-то, «ради самовольства, изыдоша въ міръ съ своими дѣтьми,» за что и были отъ Бога наказаны тѣмъ, что или совращались въ никоніанство, или попадали въ руки мучителей и терпѣли за

старое благочестіе и пр. Впрочемъ нужно сказать, что подобныхъ случаевъ указывается немного. Жизнь въ монастырѣ была такъ устроена, что удовлетворяла потребностямъ его обитателей; она укрывала отъ преслѣдованій правительства, отъ «дапей многихъ», давала имъ хорошее матеріальное обезпеченіе. Да и настоятель, чтобы предотвратить эти побѣги, при всемъ своемъ вовсе не аскетическомъ взглядѣ на вводимую имъ дисциплину, долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на многое, чего вовсе не желалъ бы допускать въ видахъ общаго благополучія общины. Вообще эта община выговцевъ имѣла видъ общины религіозной и жизнь ихъ была руководима не политическими какими-либо стремленіями, какъ хотятъ думать «новѣйшіе» изслѣдователи раскола. Чувство свободы, какою они пользовались въ пустынѣ, вознаграждало ихъ вполнѣ за тѣ нужды, лишенія, труды, какія имъ пришлось понести... Общая бѣда, общее горе тѣснѣе сплотили ихъ, были между ними любовь и братство: пришло внѣшнее благополучіе, прекратились гоненія — и обнаружились свары и раздоры. Да и то, если мы всмотримся въ составъ общины, мы увидимъ, что въ ней господствовало отнюдь не безусловное равенство; въ ней мы увидимъ нѣсколько сословій, чинопочитаніе, распространенное до крайности. Желая возвыситься на степень самостоятельнаго, благоустроеннаго общества, стараясь сравниться съ церковью, съ государствомъ, община Андрея, очевидно, преслѣдовала не коммунистическія какія-либо идеи, а копировала тотъ общественный строй, какой видѣла въ древней Россіи.

О составѣ Андреевой общины мы отчасти можемъ судить по указаніямъ самаго Андрея. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ этотъ составъ въ словѣ на смерть Петра Прокопьева: «*старѣйшіи* возскорбѣша (о смерти Петра), говоритъ онъ, *церковніи* восплакаша, *общежители* возслезиша, *скитяне* возрыдаше, *сироты* восхлипаша». *Старѣйшіи* — монастырскія власти, *церковніи* — это клирошане, или «духовный чинъ», занимавшійся отправленіемъ богослуженія, — во главѣ ихъ

экклезіархъ Петръ, общежители — рядовая братія монастыря, *скитяне* — жившіе внѣ монастыря, пользовавшіеся большею свободою, *сироты* — это обыкновенное названіе женщинъ обитательницъ «Лексинскаго Крестнаго монастыря».

Во главѣ властей стоятъ настоятели Даніилъ и Андрей. Какъ распредѣлялась между ними настоятельская власть? Инокъ Корнилій (по разсказу историка Выговской пустыни) предъ смертію изрекъ такое пророчество: Андрей будетъ *наставникъ и учитель* древнему благочестію, древняго благочестія *проповѣдникъ*, а про Даніила — сей *собиратель* будетъ *братству*. Въ разсказѣ жизнеописателя Корниліева Пахомія это пророчество принимаетъ нѣсколько иной видъ: Корнилій умирая, назначилъ Даніила вмѣсто себя *отцемъ и наставникомъ*, Андрею же приказалъ быть *судьею и правителемъ* общежительства. Итакъ Даніилъ, какъ первоначальный «собиратель братству», иниціативѣ котораго общежительство обязано своимъ происхожденіемъ, около котораго группировались ревнители древняго благочестія, какъ около центра, былъ *отецъ* общежительства, то-есть, всѣ обязаны были чтить и уважать его, съ покорностію и смиреніемъ принимать его отеческія внушенія. Предъ нимъ самъ Андрей въ общемъ собраніи произносилъ привѣтственныя и поздравительныя рѣчи, *мудростію и витійствомъ украшенныя*, въ день его тезоименитства и въ другія высокоторжественныя дни, (*) его имени выгорѣцкіе авторы посвящали свои ученые труды,— такъ напримѣръ, Петръ Прокопьевъ для него написалъ свое изслѣдованіе о разныхъ самовольныхъ смертяхъ, что доставляютъ вѣчное спасеніе. Далѣе Даніилъ былъ не просто отецъ, а *отецъ и наставникъ*, то-есть, онъ имѣлъ право и обязанность изрекать по крайнему своему разумѣнію назидательныя сентенціи братіи и дѣлать отеческія внушенія. Ему вообще принадлежала, номинально, вся полнота настоятельской власти; — безъ его вѣдома не предпринималось ни-

(*) См. катал. Любоп. №№ 89, 108.

чего, его согласіе давало санкцію всѣмъ предпріятіямъ Андрея, всѣ распоряженія по киновіи исходили отъ имени «Данилы и Андрея». Изъ исторіи Выговской пустыни видно далѣе, что ему принадлежалъ общій, главный надзоръ надъ всѣмъ, даже и надъ начальствующими, преимущественно за чиннымъ стояніемъ въ «церкви». Но собственно весь дѣйствительный трудъ управленія обителію лежалъ на Андреѣ; онъ былъ не только «учителемъ древняго благочестія и проповѣдникомъ», но «судьею и правителемъ общежительства». И мы можемъ сказать, что вся заслуга въ устроеніи и исторіи Выговской пустыни принадлежитъ Андрею. Даніилъ, мужъ почтенный и авторитетный, не даромъ *моленьми и принужденьми* призвалъ къ себѣ въ сожитіе молодаго человѣка: онъ видѣлъ его даровитость и умственное превосходство и заставилъ трудиться Андрея, самъ наслаждаясь только покоемъ и почетомъ. Съ первой же поры по вступленіи Андрея въ общину, его принудили «не житія точію, но и попеченія и тяготы его вкусити».

Но какъ широка была дѣйствительная власть Андрея? Когда Выгорѣцкая община размножилась до того, что трудовъ одного человѣка недостаточно было для того, чтобы завѣдывать всѣмъ ходомъ дѣлъ непосредственно, около Андрея группируется извѣстное число лицъ, составляющихъ монастырскую аристократію: «Аще кіи отъ жесточайшихъ безстудіемъ противляхуся настоящимъ, — настоящіи имѣяху съ собою честный соборъ добродѣтельныхъ мужей, имѣяху власть строити житіе свое по преданіямъ отеческимъ, имѣяху вси едину ревность жити по правиломъ Василія Великаго. Аще кто за прегрѣшеніе свое наказанію подлежаше, толикому собору единъ не можаше противитися и бяше наказуемъ подобающими наказаньми и злыя своея воли исполняти не можаше, понеже не имѣяше заступника, и единъ, или два, или тріе безчиніи многимъ благочиннымъ не можаху противостояти....» Этотъ «совѣтъ» помогалъ Андрею и въ тоже время нѣкоторымъ образомъ ограничивалъ его: съ нимъ

Андрей считалъ нужнымъ совѣщаться во всѣхъ трудныхъ недоумѣнныхъ случаяхъ; но обыкновенно Андрей всегда съумѣетъ склонить этихъ совѣтниковъ своихъ къ своему мнѣнію и потомъ ихъ рѣшеніями оправдываетъ свои приговоры. Иванъ Филипповъ подробно перечисляетъ ихъ: это были все лица наиболѣе знаменитые въ общежительствѣ, большею частію первые насельники пустыни и собесѣдники Игнатія, Досиѳея, Корнилія, какъ напримѣръ Исакій Евѳимовъ, сродникъ Данилы, пришедшій въ пустыню вмѣстѣ съ Данилой, замѣчательный дѣвственникъ, которому поэтому поручено было управленіе женскимъ Лексинскимъ монастыремъ, Захарій Стефановъ, извѣстный уже намъ первопоселенецъ Выга, строитель первоначальныхъ зданій обители, Леонтій Ѳедосѣевъ, поповъ сынъ, *свѣдущъ писанія,* какъ показывалъ о немъ на допросѣ Круглый, — Трифонъ Петровъ, извѣстный начетчикъ, помогавшій Андрею въ составленіи «Поморскихъ отвѣтовъ»;—на половину ихъ были «монахи», пришедшіе изъ дальнихъ странъ и пользовавшіеся почетомъ или ради древняго постриженія въ извѣстныхъ монастыряхъ, или ради какихъ либо особенныхъ заслугъ, — каковъ былъ, напримѣръ, Прокопій Нижегородскій. Всѣ эти лица, по видимому, благоговѣли предъ мудростію Андрея; которые были не такъ стары, учились у него грамматическому и риторскому разуму, усвоили его духъ и послѣ его смерти достойно продолжали его дѣло. Андрей обыкновенно умѣлъ устроить дѣло такъ, что повидимому предоставлялъ много простору ихъ дѣятельности, но тѣмъ не менѣе они являлись безсознательно почти всегда исполнителями его желаній. У настоятелей съ избраннымъ совѣтомъ для своихъ отношеній къ рядовой братіи монастыря былъ свой, неизвѣстный толпѣ, кодексъ правилъ, своя disciplina arcana; они имѣли понятія о вещахъ иногда вовсе не тѣ, какія высказывали.

Отношенія Андрея и этого совѣта избранныхъ къ рядовой братіи, равно какъ Андрея и совѣта избранныхъ другъ къ другу весьма ясно характеризуются въ слѣдующемъ разсказѣ

автора сочиненія «О тайнѣ брака». «Бывшу ми лѣта 1728 въ поморскихъ странахъ по разнымъ церковнымъ дѣламъ на соборъ ко отцемъ 24 вопроса записати,—я, блаженной памяти отцу Андрею подахъ съ прошеньемъ, да благословитъ соборнымъ судомъ на оныя рѣшеніе подати... Тогда онъ повелѣ отъ соборнаго сужденія брату своему Симеону отвѣтствовати на кійждо вопросъ, а въ нужнѣйшихъ самъ отвѣтствовалъ». Вопросы касались предметовъ, на которые еще доселѣ не было установлено опредѣленныхъ взглядовъ. Отвѣты Андрея поэтому уклончивы и двусмысленны. Иванъ Алексѣевъ его спрашивалъ: если кто крещенъ попомъ, имѣющимъ крещеніе старое, а посвященіе новое, нужно ли такого перекрещивать? «*Андрей самъ* рече, яко *у насъ положено* у всѣхъ такихъ отнюдь не повторять крещеніе. Аще ли кто дерзнетъ повторять ихъ крещеніе, *буди на немъ судъ Божій* (Андрей пользуется правомъ изрекать своего рода анаѳему)». На вопросъ о попахъ, новое и крещеніе, и постриженіе имущихъ, — ежели они кого крестятъ, — «отвѣтствова тако, что я одинъ сей судъ не могу на второ-крещеніе подати, но какъ общій разумный судъ изволитъ». А когда дошла очередь до вопроса о бракѣ, Андрей далъ отвѣтъ, достойный Пиѳіи, до того двусмысленный, что самъ собесѣдникъ рѣшительно не понялъ и пускается въ толкованія и соображенія по поводу его словъ о новыхъ бракахъ: «кои по познаніи тако сопрягошася, какó съ ними поступати? рече: таковыхъ у насъ на низу обще подъ цѣломудренное житье въ соединеніе братства церковнаго пріимать положено». Авторъ не находитъ въ этихъ словахъ того, чтобы «отецъ» предписывалъ въ видѣ закона — мужу, живя въ одномъ домѣ съ женою, соблюдать цѣломудріе, жить какъ братъ съ сестрой. Андрей, по его мнѣнію, былъ слишкомъ разуменъ и свѣдущъ въ канонахъ церковныхъ и въ исторіи, чтобы допустить такую вопіющую несоообразность. Вопервыхъ, это прямо противорѣчило бы 30-му правилу шестаго Вселенскаго собора, и вовторыхъ, Андрей не могъ не знать того, что Григорій папа, велѣвши

іереямъ развестись съ женами и наблюдать цѣломудренное житіе, позволилъ имъ однакожъ жить вмѣстѣ съ женами: и вотъ ему, «сія заповѣдь такую бѣду принесе, яко предъ очима его 6000 главъ младенческихъ рыболовныя сѣти извлекли изъ моря во объявленіе тайныхъ дѣлъ оныхъ іереевъ». Если же Андрей и сказалъ эти слова, то не какъ общій законъ, а какъ исключеніе, «явственно есть, яко немощи ради развращеннаго народа тако внѣшнѣ присуждати, по свойству же самой вещи не тако. Но сіе нѣсть дивно: понеже и Моусей иногда снисходя къ жестокимъ іудеямъ повелѣ даяти книги распустныя, обаче Христосъ сказа сіе незаконно быти, но по жестокосердію іудейскому. Леонтій Ѳедосѣичь, отъ боку Андрея Денисовича сущій, когда его въ Малороссіи уставщикъ Яковъ Семеновъ о братѣ своемъ Петрѣ, да благоволитъ во исполненіе церковное въ новомъ бракѣ пріяти, нимало вопреки глагола, но повелѣ его пріяти просто съ женою. Здѣ разумѣти потребно внутреннее склоненіе о новыхъ бракахъ отецъ; еже тамо Андрей за грубіянство народное присуди по немощи: то Леонтій явственно крыемое показа»... Затѣмъ Иванъ Алексѣевъ продолжаетъ, обращаясь къ своимъ противникамъ бракоборцамъ: вы отецъ нашихъ не были въ секретныхъ о томъ судахъ, и вамъ церковныхъ дѣлъ правленіе не бяше предано, убо и вѣдать вамъ подлиннаго намѣренія отцевъ не можно. Вѣдаемъ же мы извѣстно въ самомъ секретѣ, вотъ что: отецъ Нифонтъ, принявшій постриженіе въ Соловецкомъ монастырѣ, жившій потомъ въ Выгорѣціи и наконецъ присланный, въ качествѣ духовника, въ ту общину, къ которой принадлежалъ авторъ, бесѣдовалъ съ нимъ на счетъ вышеупомянутыхъ 24 вопросовъ. Услышавъ, какіе отвѣты давалъ Андрей на эти вопросы, Нифонтъ замѣтилъ: «а мнѣ-де о томъ иначе приказъ былъ отъ отцевъ. О чемъ я его больше не вопросилъ, вѣдая, яко ко *мнѣ* отцы *рекоша сіе*, чтобы обществу было не подъ раздоръ, Нифонту же, яко духовнику, *рекли другое*, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ одно было отъ Бога сказано Моусею, а другое старцамъ; и

къ апостоламъ Христосъ сказалъ: вамъ дано есть вѣдати тайна царствія, онѣмъ же не дано».

Еще опредѣленнѣе и интереснѣе характеризуетъ отношенія Андрея къ выговской аристократіи и къ рядовой братіи— біографъ его. Андрей «весьма бяше кротокъ и благопокоренъ ко всѣмъ; аще же времене зовущу, то острѣ гнѣвливъ и страшенъ показавашеся, и во всемъ тако учительски поступаше, какъ быти настоящему учителю. Онъ заботился о томъ, чтобы въ мирномъ и полезномъ съ прочими совѣтѣ пребывати, покаряяся писанію, глаголющу: «во мнозѣ совѣтѣ спасеніе бываетъ», не имѣя отнюдь о себѣ вышемѣрнаго мнѣнія, аще и весьма бысть премудръ, но всегда мнѣнія своя въ общебратскихъ дѣлахъ прочимъ предъявляше. Аще же когда бываше въ соборномъ разсужденіи дѣло, то толико во ономъ истину изобрѣташе, и притомъ и братію требованьемъ отъ всѣхъ совѣта всесмиренно утѣшаше, яко и до самыхъ послѣднихъ и подлыхъ вопрошеніями дохождаше и отъ нихъ разсужденія воспріимати не стыдяшеся, помня слова Дамаскина (?), «что учителемъ не найдется, то ученикомъ открыся», и слѣдуя примѣру Моисея, который какъ ни былъ премудръ, а не устыдился принять и исполнить совѣтъ своего тестя «непросвѣщеннаго варвара»—въ чинорасположеніи Израильскихъ людей.... Всѣхъ совѣты воспріимше и изъ нихъ истину взявши и оную благоразсужденіямъ украсивши, предложи обществу и сіе, яко оная истина, за благое ли ими въ дѣлѣ почитатися будетъ... Тогда вси согласно ему изрицаху: тако да будетъ, якоже изволилъ еси разсудити ... И того ради при его началопастырствѣ отъ сего во общихъ дѣлахъ у всѣхъ согласіе и любовь бяше».

Въ дѣлахъ, касавшихся соблюденія дисциплины монастырской, Андрей обнаруживалъ не менѣе терпимости и снисхожденія, какъ и въ вопросахъ догматическихъ: «милостивъ бѣ до кающихся и вельми разсудителенъ». Въ каталогѣ «Любопытнаго» исчисляется цѣлый рядъ сочиненій Андрея, имѣющихъ нарочитою цѣлію монастырское благоустроеніе общи-

ны: объ образѣ моленія по Давидовымъ псалмамъ въ небытіи церковнаго чина и пр. (*). Мы не имѣемъ подъ руками этихъ сочиненій и можемъ судить о дальнѣйшихъ подробностяхъ этого устройства по фактамъ, разсказаннымъ въ исторіи Выговской пустыни. Вотъ къ чему обязывали Андрей и Данило желавшихъ поступить въ число членовъ ихъ общины: 1) древле-церковное благочестіе хранити, крестное знаменіе на лицахъ истово творити двѣма персты, поклоны добрѣ полагати, службу церковную по вся дни исправляти, данные посты сохранити; 2) чины монастырскіе, данные на писмѣ, хранити со всякимъ опасеніемъ, всякую нужду пустынную терпѣти и труды, трапезное благочиніе добрѣ имѣти; во время обѣдовъ и ужиновъ жертвенники читати, а братіямъ въ молчаніи сидѣть и внимать читаемому, особьяденія отнюдь не имѣть, а имѣть все общее, по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ книги читати братіи, послѣ заутрени и уденья, часа по полтора; правило, данное отъ отецъ духовныхъ исполняти и о своемъ спасеніи всячески тщатися; 3) младшимъ къ большимъ имѣти покореніе и послушаніе, къ старостамъ покореніе безъ всякаго прекословія и роптанія, безъ благословенія старостъ ничего не дѣлати и никуда не шататися, между собою миръ и любовь имѣти братскую, всѣмъ другъ друга къ полезному понуждати и другъ съ другомъ вражды и ссоры не имѣти никогда же, — а когда у кого съ кѣмъ случится, миромъ и прощеніемъ скоро разрушати. 4) Женщинамъ и мущинамъ не сходиться другъ съ другомъ нигдѣ и никогда, кромѣ опредѣленныхъ на то случаевъ, — чтобы по вечерни между молодыми людьми сходовъ и говоровъ и бесѣдъ не было и въ другіе предѣлы не указнымъ никому не дерзати ходити подъ великимъ запрещеніемъ.» Единственное исключеніе изъ этого правила было сдѣлано въ пользу самихъ настоятелей съ нѣкоторыми старѣйшими, которые имѣли право ходить къ друго-предѣльнымъ, т. е. на

(*) См. Катал. Любоп. №№ 19, 20, 22, 24, 40, 45.

Лексу, во всякое время по ихъ настоятельскому усмотрѣнію Біографъ замѣчаетъ даже, что Андрей «любляше» Лексинской монастырь предпочтительно предъ Выгорѣцкимъ—«ово за безмолвіе», которое онъ тутъ находилъ и которое такъ необходимо ему было для ученыхъ занятій,—«ово же за попеченіе о немъ, — и часто тамо пребываше, тамо и отвѣты писаше противъ Неофита».

За исполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ должны были «надсматривати крѣпко» избранные настоятелями старосты, — не хранящихъ сіе вышеписанное наказовати по правиламъ и *по даннымъ имъ письмамъ*, кто чего достоинъ, — овыхъ поклонами на трапезѣ, а овыхъ отъ трапезъ отлученіемъ. Покоряющихся и прощающихся прощати съ милосердіемъ, а противящихся и не покоряющихся и *тѣлеснымъ наказаніемъ наказовати*, или въ монастырь къ наказанію отсылати и никому не попущати въ томъ своемъ непокорствѣ пребывати. Въ монастырѣхъ обоихъ всѣмъ соборнымъ, келаремъ, казначеемъ, городничимъ и надсмотрикамъ и сторожамъ всѣмъ крѣпко данныя имъ службы отправляти, чтобы все было *по чину монастырскому непремѣнно всегда.*» Таковы были правила для монастырей. Эти же правила были обязательны и для скитовъ,— хотя они, вообще говоря, находились въ меньшей зависимости отъ «настоятелей.» Начало «особо скитскому монастырю» положилъ старецъ Сергій, пришедшій въ пустыню еще прежде Андрея: въ то время, какъ Андрей съ Даниломъ полагали начало монастырю, этотъ Сергій устроилъ своего рода конкурренцію Андрею: «многіе изъ приходившихъ въ пустыню со старцемъ Сергіемъ совокупишася.» Корнилій, почему-то благоволившій больше къ Андрею, не смотря на то, что Сергій оказалъ ему весьма много услугъ, «возбраняше Сергію братство собирати, не точію не благословляше, но и запрещаше зѣло:» вновь приходившимъ онъ совѣтовалъ или присоединяться къ Андрею, или же вселятися, гдѣ кто изволяше по ихъ желанію и прошенію,» только не у Сергія. Но Сергій не слушался: съ нимъ жилъ нѣ-

кто Діонисій, иже грамотѣ знаяше и весь чинъ церковный вѣдяше (самъ Сергій не знаяше грамотѣ, точію мужъ великаго и жестокаго житія бяше);—благодаря ученой репутаціи этого Діонисія, Сергію удалось собрать въ свой скитъ до 70 человѣкъ, — «которыхъ Сергій правяше по волѣ своей.» Подобнымъ образомъ основалось еще нѣсколько скитовъ (*), бывшихъ сначала вполнѣ независимыми отъ монастыря. Внѣшній видъ ихъ былъ тотъ же, какой имѣлъ и монастырь до отдѣленія женщинъ на Лексу: то-есть, нѣсколько зданій съ особою часовнею окружены были «стѣною,» — женщины жили на одной половинѣ, мущины на другой: «старецъ съ сыновьями живяше въ своей келіи, а жена его бывшая съ дочерьми въ своей.» Большею частію у нихъ не доставало своихъ учителей, свѣдущихъ писанія: пока живъ былъ Корнилій, они обращались за духовными поученіями къ нему. Но Корнилій умеръ и они должны были «прибѣгать къ выгорѣцкому общежительству, къ вышеписаннымъ отцемъ и отъ нихъ уже наслаждаться книжнаго поученія и утверждатися.» По мѣрѣ того, какъ росла репутація Андрея—и власть его надъ скитами росла все больше и больше. Но всегда оставалось въ скитахъ неприкосновеннымъ одно право—не раздѣляться съ женщинами, прежними своими женами, а теперь сестрами. Мы видѣли, что когда Андрей пришелъ въ пустыню, здѣсь было два рода людей: одни пришли по мнимому влеченію къ иноческой жизни и приняли постриженіе, —другіе же бѣжали сюда съ единственною цѣлію укрыться отъ преслѣдованій. Эти послѣдніе жили зѣло нуждымъ житіемъ, но жили цѣлыми семействами,— и если повидимому отказывались отъ супружескаго сожитія, то единственно въ томъ убѣжденіи, что теперь, когда воцарился антихристъ, когда съ часу на часъ нужно ждать кончины міра и страшнаго суда,—не до того, чтобы думать объ удовольствіяхъ супру-

(*) Болѣе обстоятельное описаніе скитовъ см. въ раскольн. дѣлахъ XVIII ст. по описанію Самарина, 533—553; также исторію Выговской пустыни, стр. 122—124.

жескаго сожитія. Но не считая себя монахами, они не считали себя обязанными разставаться съ близкими сердцу родными; предаваясь главнымъ образомъ благочестивымъ упражненіямъ, они заводили вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенное хозяйство, въ которомъ женщины, по характеру русскаго народнаго быта, такъ много значатъ. Когда гоненія утихли, мистическая экзальтація ослабѣла, — догматъ о наступленіи царства антихристова и объ обязательности безбрачія хотя и остался, но — только въ теоріи. Потребность семейной жизни въ этихъ простыхъ людяхъ стала сказываться съ обычною силой. Но то, что прежде для нихъ было законнымъ, теперь стало грѣхомъ, который нужно было очищать эпитиміею, поклонами, — которые «особоскитскіе обитатели» должны были «нести точно также, какъ и монахи,» принявшіе постриженіе и жившіе съ Андреемъ. Здѣсь точка соприкосновенія ихъ съ Андреемъ и поводъ для его вмѣшательства въ ихъ внутреннюю жизнь. Будучи законодавцемъ, установителемъ догматовъ для всѣхъ поморскихъ раскольниковъ, случайное безбрачіе первыхъ насельниковъ Выговской пустыни возведши въ теорію, въ общеобязательную доктрину для всѣхъ членовъ своей общины, Андрей считалъ себя обязаннымъ наблюдать за выполненіемъ этого ученія и въ скитахъ, — тѣмъ болѣе, что скитники жили не отдѣльно отъ женщинъ, какъ «монастырскіе,» а потому въ распутствѣ превосходили послѣднихъ. Андрей «ѣздяше по скитамъ и по часовнямъ, празднованіе и торжествоваше праздники добрѣ и учаше съ моленіемъ всѣхъ скитскихъ жителей добродѣтельному житію, чины и уставы соборно имъ уставляя; въ мирѣ и любви уча пребывати, межсобныя вражды миромъ разрушая, зазорное житіе отсѣкая, съ зазорными лицы жити возбраняя, выборныхъ духовныхъ надсмотриковъ поставляя съ письменнымъ укрѣпленіемъ, чтобы въ одножитныхъ келіяхъ не жити и на пашнѣхъ собственные станы имѣти» и пр. Этимъ надсмотрикамъ также какъ и монастырскимъ позволено было подвергать виновныхъ даже тѣлесному наказанію.

Предписавши на изложенныя выше правила для своей паствы, имѣлъ ли Андрей на столько силы и власти надъ своей общиной, чтобы заставить строго и точно выполнять ихъ? И хотѣлъ ли даже Андрей, имѣлъ ли серьезную заботу о томъ, чтобъ они были соблюдены? Выговская община составилась изъ людей, свободно сошедшихся, которые потому также свободно могли, въ случаѣ недовольства, оставить ее; и хотя подобные случаи были весьма рѣдки, тѣмъ не менѣе Андрей, не имѣя надъ своей общиной никакой положительной, твердой власти, по необходимости долженъ былъ иногда казаться «отцемъ милосерднѣйшимъ.» Но собственно говоря, заботиться слишкомъ много объ исполненіи изданныхъ имъ правилъ, Андрей не имѣлъ большой нужды. Ригоризмъ былъ не въ его характерѣ; человѣкъ, который сознавалъ за собою кой-какія слабости (*), не могъ быть слишкомъ строгъ и къ другимъ. Сообразно съ тѣми цѣлями, какія онъ предположилъ себѣ относительно раскола вообще и своей общины въ частности, Андрей заботился преимущественно о томъ, чтобы соблюдена была внѣшняя благовидность въ монастырѣ,—чтобы монастырь не потерялъ ав-

(*) Выше мы имѣли случай замѣтить, что отдѣляя женщинъ въ особый монастырь на Лексѣ, настоятели оставили за собой право посѣщать этотъ монастырь, когда имъ заблагоразсудится. Андрей имѣлъ въ немъ особыя кельи и часто удалялся туда, «чтобы отдыхать отъ настоятельскихъ трудовъ и заниматься ученостью.» Изъ разсказовъ біографа Андрея видно, что монастырскіе братія подозрительно смотрѣли на это пребываніе настоятеля среди женщинъ, а нѣкоторые «продерзостливые» открыто упрекали Андрея «въ зазорномъ житіи.» *Григорій Яковлевъ* (1748) жившій долго въ монастырѣ Андрея, а потомъ обратившійся въ православіе, въ одномъ изъ своихъ сочиненій разсказываетъ, что Андрей, проповѣдуя общежитіе, собиралъ однакожъ для себя деньги, серебро, подъ именемъ келейныхъ, «жилъ довольно весело.» Одна изъ трехъ сожительницъ его выпроводила его на тотъ свѣтъ изъ ревности, давъ ему выпрошенное у колдуна снадобье.» (Обзоръ Р. Дух. Л—ры пр. Филарета, кн. 2, стр. 34). Смерть Андрея, какъ она описана въ исторіи Выговской пустыни, была, дѣйствительно, скоропостижная; симптомы его болѣзни дѣйствительно заставляютъ подозрѣвать, что онъ былъ отравленъ.

горитета въ раскольничьемъ мірѣ и вытекающихъ отсюда матеріальныхъ выгодъ, чтобы оглаской какихъ-либо беззаконныхъ дѣлъ не навлечь на обитель преслѣдованій со стороны закона и никоніанскихъ властей, которыя если и оставляли ее въ покоѣ, благодаря трудамъ Андрея, то единственно въ томъ убѣжденіи, что выговскіе отшельники уединились въ пустыню единственно ради безпрепятственнаго содержанія древняго благочестія,—а все прочее обстоитъ тамъ какъ нельзя лучше. Итакъ Андрей вообще снисходилъ къ немощамъ своей паствы, «яко отецъ милосерднѣйшій,» какъ выражается И. Филипповъ,—хотя повидимому далекъ былъ отъ того, чтобъ открыто потакать разврату, провозглашать принципы въ родѣ тѣхъ, какіе высказывалъ позже Ковылинъ, говоря, что «позволяется утолять похоть,—тайно содѣянное, тайнѣ и судится.» Онъ умѣлъ вóвремя показаться отцемъ милосерднѣйшимъ и вовремя погорячиться, — быть «тако жестокимъ, яко и гнѣватися и отъ церкви отлучати....»

Чтобы сильнѣе побудить пустынножителей къ исполненію введенной имъ дисциплины, Андрей пускалъ въ ходъ, или по крайней мѣрѣ не препятствовалъ распространяться разнымъ легендамъ въ смыслѣ этихъ правилъ,—такихъ легендъ довольно много можно найдти въ исторіи Выговской пустыни и въ «житіи Андрея;» эти легенды довольно хорошо знакомятъ насъ съ дальнѣйшими, болѣе частными чертами внутренняго быта и «благочестныхъ обычаевъ» выговцевъ. Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ намъ И. Филипповъ: «нѣкій человѣкъ бысть нѣкое время внѣ ума и въ этомъ состояніи имѣлъ бесѣду съ бѣсами. «Егда сей калугеръ, говорили ему бѣсы объ одномъ старцѣ — Павлѣ Торопскомъ, жилъ одинъ на островѣ, толико бѣ золъ до насъ, яко николиже не токмо въ келію, но ниже на островъ могохомъ пріити.... Егда же привезе и посестрію свою (т. е. бывшую жену) и дѣтей, то посестрія зѣло люта бяше до насъ, — но дѣти ихъ, понеже млади бяху, безстрашни живяху и бѣ житіе ихъ угодно намъ: старецъ наказоваше все творити съ благословеніемъ

и съ молитвою, двери и окна съ молитвою затворяти, — они же просто дѣлаху.... Человѣкъ той, егда уцѣломудрися, сказа сія оному Павлу: Павелъ же нача дѣтей своихъ жестоко учити и наказовати, и научи ихъ грамотѣ и постриже во иноческій образъ.... Дщери Павла спрашивали бѣсовъ: ходите ли въ пустынѣ сей ко инымъ въ келіи? Они отвѣчали: «мало есть келій, въ кіи намъ входу нѣтъ.... въ тѣхъ келіяхъ, еже хощемъ, то и творимъ: поучаемъ всѣхъ злое творити, въ лѣности жити и другъ другу въ непокореніи; аще гдѣ безъ молитвы пищу полагаютъ, или втай, то мы взимаемъ. И того ради не могутъ ничимъ наполнить недостатковъ своихъ.... Аще сосудъ обрящемъ съ пищею непокровенъ, или безъ благословенія поставленъ, а взяти изъ него не можемъ, то издалеча наплюемъ, и кто ту пищу снѣстъ или безъ благословенія тайно ястъ, то ему изъ нея раждаются скорби и болѣзни, лѣность и непокореніе къ большимъ и начнутъ своевольная безъ благословенія творити и бываютъ человѣцы непослушны и непокорны, тайно ясти и вражды между собою клеветы начнутъ творити и на общія трапезы не станутъ ходити и не молитися, и на дѣло немощни бываютъ, сластолюбцы и тайноядцы и похотолюбцы, къ посту невоздержніи, и ненавистницы другъ къ другу, и крадливіи и своевольницы и всякаго злаго творители, и о спасеніи душъ своихъ не пекущеся, и отцемъ духовнымъ истинно не каются, и умножится въ нихъ беззаконіе и своеволіе и безчиніе. Сія старець слышахъ, азъ же грѣшный слышахъ отъ него и написахъ сія на пользу читающимъ», заключаетъ авторъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ разсказѣ И. Филипповъ безсознательно или съ умысломъ рисуетъ картину нравовъ своей общины «на пользу читающимъ.» Въ этомъ разсказѣ больше всего говорится о непослушаніи и самовольствѣ, потомъ объ особьяденіи и наконецъ о нечистотѣ тѣлесной. Что касается до своевольства, то отъ него много приходилось терпѣть настоятелямъ. Андрей въ надгробномъ словѣ И. Прокопьеву жестоко жалуется на это. «О, колики и каковы про-

тивности и злодыхательныя рати на братство сіе быша и суть, говоритъ онъ, — отъ діавольскаго злорыканія, отъ бѣсовскія зависти, отъ гонителей, отъ раздорниковъ лукавствія, отъ іудоподражательныхъ злодыхательствъ, отъ безчинныхъ свирѣпства, отъ своевольныхъ шатанія, отъ злообычныхъ роптанія, отъ внѣ и отъ внутрь, отъ невѣжества и отъ предпріятія... «Чрезъ своевольства и ропоты діаволъ тщится вся поколебати и весь чинъ святыхъ разрушити.» Особьяденіе также, неизвѣстно почему, подвергалось особенному преслѣдованію со стороны настоятелей. Для того, чтобы лучше искоренить его, распространена была легенда о томъ, что бѣсы пріобрѣтаютъ особенную власть надъ тайноядущими. Изъ-за него на первыхъ порахъ происходили серьезныя ссоры между настоятелями и братіей. «Въ обители насталъ голодъ. Матери, якоже есть естественно чадолюбивіи, начаша дѣтей своихъ кормити тайно, яко немощнѣйшая нѣкая часть, малодушіемъ прабабы Евы поболѣвше приносимая имъ отъ сродникъ аще и малая и убогая пирогощи, обаче чрезъ отеческое завѣщаніе не дающе на братскую трапезу. Діаволъ же, принимая видъ сродниковъ, сталъ являться къ женщинамъ и прельщать ихъ — вкушать приносимую имъ пищу при чемъ запрещалъ говорить объ этомъ кому-либо: если скажете, то отнимутъ на общую трапезу, тогда ни вамъ будетъ, ни имъ, — а намъ нельзя всю киновію накормить такими лакомствами.» Оказалось, что бѣсы приносили имъ падаль — «всѣхъ пропащихъ телятъ съ волостей собрали.» Наѣвшись такого лакомства, постницы не интересовались общею трапезой. Когда ихъ спросили настоятели, почему они не ѣдятъ за общебратскимъ столомъ, тѣ отвѣчали, что хоть и умереть, «а не станутъ ѣсть скоту данныя травы»: между прочимъ проговорились, что имъ «приносятъ сердоболи обычную пищу. Тогда уразумѣли настоятели діаволю прелесть, — не видяху бо никого же къ нимъ входяща и исходяща и начаша ихъ съ прещеніемъ вопрошати; тіи же, духомъ прелести укрѣпляеми, не глаголаху имъ ничто же, принуждени

убо бывше, связанніи союзомъ любве отцы и братія связаша ихъ узами желѣзными, яко да не могутъ приносимаго брашна тайно ясти.. Связаннымъ же бывшимъ имъ, діаволъ чрезъ оное наипаче возъимѣ силу, еже и мучити ихъ, яко и пѣнамъ изъ устъ тещи... при чемъ они нелѣпыми гласы вопіяху: о. лютѣ намъ, яко лестію насъ сіи прелестницы (нарицающе оо. Даніила и Андрея) созвавше убити насъ... лучше бы намъ не родитися... дадите намъ ножъ, да себѣ заколемъ... да тако угонземъ сихъ лютыхъ прелагатаевъ... Симъ убо бѣднымъ тако мучимымъ, — что не хотяше творит прекроткая и чадолюбивая утроба, Даніилъ нача совершати молебствія, приводяще страждущихъ ко св. Евангелію, аще и не хотящихъ; обаче за преступленіе положенныя отеческія заповѣди попустися имъ тако страдати долгое время...» Когда происходило это возмутительное насиліе, тщетно прикрываемое не менѣе возмутительнымъ кощунствомъ, Андрея не было дома, — онъ отъѣзжалъ на Москву за подаяніями. Сдѣлавши свое дѣло, онъ «духомъ святымъ подвизаемъ» вознамѣрился возвратиться въ киновію. Сіе почуявъ лукавіи дуси, сущіи въ страждущихъ дѣвахъ, вопіяху: «о лютѣ намъ! злодѣйственный бо нашъ врагъ Андрей съ Москвы домой поѣха, и аще постигнетъ насъ здѣ, то вельми насъ мучити имать. И тако спѣшно другъ друга отъ страждущихъ зовуще; день отъ дне изчезаху, дондеже всѣ безъ вѣсти быша...» По разсказу И. Филипова исцѣленіе это произошло нѣсколько иначе: это было въ день Пасхи: нѣкая жена, въ болѣзни сущи, не пошла въ часовню, а смотрѣла на нее, вышедши на переходъ, и увидѣла такое чудо: безчисленное множество всякихъ бѣсовъ силилось проникнуть въ часовню чрезъ окна, чрезъ дверь... Много разъ повторяли они свое покушеніе, но каждый разъ возвращались со стыдомъ назадъ, потому что на встрѣчу имъ изъ дверей показывался пламень попаляющій. Видѣніе свое богобоязливая жена разсказала настоятелямъ: тѣ отслужили благодарственный молебенъ, при чемъ одинъ изъ нихъ, Андрей, «отъ образа Бо-

жіей Матери слыша гласъ: нынѣ услыша Господь молитвы ваша... И отъ того часа вси бѣснующіися исцѣлѣша.»

Изъ этого разсказа видно, какими способами старался дѣйствовать на свою паству Андрей. Онъ поддерживаетъ въ ней суевѣріе, старается морочить ее вымышленными чудесами. Побужденія для такого образа дѣйствій не трудно понять: съ одной стороны онъ хотѣлъ поселить въ ней отрадную для нея увѣренность, что надъ нею видимо почиваетъ милость Божія, являющаяся въ этихъ чудесахъ; затѣмъ чрезъ это увеличивался личный авторитетъ Андрея, такъ какъ мнимыя чудеса большею частію соединены были съ его личностію и проявлялись въ успѣхѣ его предпріятій: такимъ образомъ, чѣмъ суевѣрнѣе была его паства, тѣмъ удобнѣе онъ могъ на нее дѣйствовать. Другимъ средствомъ дѣйствованія на паству было проповѣдничество. «Тако сладостно бѣ ученіе его, яко вси послушающіи вниманіе прилежно... Ими же всякъ умъ жестокій, всякую нечувственную и каменную душу къ Богу возводя... воспоминаше въ правоученіяхъ своихъ вся страсти человѣческія и учаше, како подобаетъ праздновати и каковыми быти христіанами, яко не именемъ именоватися точію достоитъ, но и житіемъ украшатися добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалятися, покаяніемъ же себе очищати, блуда бѣгати, скверпъ плотскихъ удалятися,— и тако ученіемъ своимъ всѣхъ слушающихъ въ плачь приводя и во умиленіе влагая на покаяніе согрѣшающія понуждая». И дѣйствительно, нужно сказать, что тѣ изъ проповѣдей Андрея, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ увѣщанія и обличенія — лучшія изъ всѣхъ его проповѣдей;— онѣ отличаются болѣе старательною отдѣлкою, въ нихъ меньше риторики и по мѣстамъ слышится какъ будто сердечная искренность, задушевность. Въ нихъ онъ опять возстаетъ больше всего противъ непослушанія и своевольства, а затѣмъ противъ «нечистоты тѣлесной». Но уже изъ отзыва Ивана Филиппова (*) видно, что въ большей части случаевъ

(*) См. у Есипова т. I, 300.

дѣло ограничивалось тѣмъ, что слушатели дивились краснорѣчію оратора, занимались его внѣшними пріемами, его искусствомъ, услаждались мыслію, что имѣютъ у себя такого премудраго оратора, изъ устъ котораго льются «златоструйныя словеса, хитрориторски преизобильно украшенныя». Вымышленныя чудеса и проповѣдничество были такъ сказать нравственными способами дѣйствованія Андрея на Выговскихъ пустынножителей. Къ его сожалѣнію, это были, кажется единственныя средства, какими онъ могъ пользоваться. До какой степени Андрей владѣлъ искусствомъ дѣйствовать на паству убѣжденіемъ, показываетъ слѣдующій разсказъ біографа. *Одинъ отъ братіи,* діаволомъ поущаемъ, раскрамолися съ прочимъ братомъ и пріидоша на судъ къ Андрею. Онъ же разсуди праведно и онаго яростнаго осуди быти виновнымъ. Тойже не точію не устыдѣся суда того, но и на праведнаго судію острояростныя и зѣло досадительныя нача словеса испущати, толико неприличныя настоятельству его, что приближенные стали просить Андрея: благослови отче намъ его, яко весьма безчиннаго, безчинно вытолкати. Онъ же кротко имъ воспрети. Крамольный же не престаяше, но нашего отца безчестяше; толико учинися печально прочимъ братіямъ, яко уже и сами съ яростію начаша благословенія у отца просити, еже бы его съ достойнымъ наказаніемъ вонъ изринути. Терпѣливѣйшій же отецъ устремительнѣ съ яростію къ нимъ возглагола: аще вамъ его желается изринути вонъ, то прежде мене изрините... И тогда умолкоша... Егда же острожелчный хулитель, довольно осрамотивши Андрея, восхотѣ абіе разлучитися, то Андрей, яко сущій философъ, философски въ великодушномъ терпѣніи философственну душу показа: и нача толь прехитро внутреннюю его ярость своими словами укрощати, яко вскорѣ сей въ зѣло кроткаго агнца претворися. Егда же узрѣ его во смиреніи суща, другимъ образомъ нѣкако премудро нача его въ раскаяніе оной злобы приводити; и елико сей умиляшеся, толико онъ словесно и съ яростію наказовати того

видяшеся и тако его хитро, жестоко изостренными словесы бивъ, яко онъ и со слезами приношаше прощеніе и часто падаше къ ногамъ его. Отецъ же яко болѣе ярящеся и его въ безстудіи и продерзости къ настоятелемъ укоряше. Келейные стали ходатайствовать за виновнаго. Но отецъ не умягчашеся, при ономъ и сихъ ходатаевъ нача хитроскоровратными порицати и предѣловъ постоянства и мужества незнающими... И всѣхъ своевольниками называше, и сими глаголы всѣхъ приведе въ плачь и отъ всѣхъ силъ своихъ прощатися... Тогда запретивъ, дабы паки не разгнѣвалъ себе непотребными словесы (т. е. чтобы не говорилъ ничего дурнаго про Андрея) и отпустилъ съ миромъ. Потомъ къ братіи сказалъ рѣчь. «Зѣло потребно, бр., блюстися яростнаго и самомнѣннаго бѣса, дабы насъ онъ не обладалъ продерзостію, самомнѣніемъ и непослушаніемъ, ибо отъ высокоумія раждается сіе, еже помышляти и творити свое, а не повелѣнное, яко же и вы учинили есте. Егда азъ смиряхся, тогда вы напустились, ярящеся на озлобляющаго мя; егда же азъ яростію праведною возъярихся нань, зря премѣненіе его, вы напротивъ мене поступисте».

V.

Событія до 1710 года: заботы Андрея о матеріальномъ благополучіи своей общины; поѣздка въ Кіевъ для ученія; отношенія его къ православнымъ, къ ѳедосѣевщинѣ, къ поповщинѣ; написаніе «Діаконовыхъ отвѣтовъ».

Познакомившись съ устройствомъ Выговской общины, будемъ продолжать прерванный разсказъ о подвигахъ Андрея. Какъ скоро Андрею удалось собрать около себя паству, первымъ дѣломъ его было обезпечить матеріальный бытъ общины. На первыхъ порахъ пустынножители не имѣли иногда способовъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Запасы добродушнаго Захаріи Стефанова истощились скоро, а число членовъ общины расло со дня на день. Пашня, устроенная ими «подъ гарью», обманула ихъ надежды. —

открылись частыя зябели, а затѣмъ гладъ и хлѣбный недородъ; на первый разъ братія благодушно встрѣтили это несчастіе: «и начаша солому ржаную сѣщи и толочь на муку и хлѣбы соломенные ясти, точію растворъ ржаный, а замѣсъ весь соломенной муки (*); хлѣбы въ кучи не держалися, помяломъ изъ печи нахали. И такова скудость бысть тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что, — многажды и безъ ужина жили». Андрей показывалъ всѣмъ примѣръ благодушія, ободрялъ братію словами Писанія, сочинялъ даже чудеса, стараясь подѣйствовать на ихъ суевѣріе (**). Но этого, конечно, было недостаточно. Потому, отобравъ у всѣхъ «въ братствѣ», что́ у кого съ собою было принесено изъ міра, — деньги, серебряныя монисты, Андрей самъ отправился на Волгу, гдѣ хлѣбъ былъ вельми дешевъ, и частію купивъ, частію въ милостыню выпросивъ у христолюбцевъ нужное количество его, Андрей въ непродолжительномъ времени доставилъ его въ Пигматку — такъ называлась принадлежавшая выговцамъ пристань на Онежскомъ озерѣ,—а изъ Пигматки начаша оный хлѣбъ на себѣ въ крошняхъ носити въ монастырь. Андрей былъ первый между «носаками», — это съ удовольствіемъ замѣчено было братіей... (***) Первая бѣда прошла благополучно; но хлѣбные недороды и зябели, а вмѣстѣ съ ними и голодъ стали повторяться чаще, нѣсколь-

(*) Впрочемъ такая пища есть общій удѣлъ большей части крестьянъ олонецкой губ., — гдѣ болотистая почва крайне неудобна для земледѣлія, и гдѣ крестьяне и доселѣ ѣдятъ древесную кору съ примѣсью малаго количества муки. См. Описаніе олон. губ. Дашкова, Бегштрессера, Пушкарева, Штукенберга.

(**) См. Ист. Выгов. пуст. стр. 112: «въ то время единъ мужъ изъ настоятелей, Андрей, на моленіи стоящь, слыша гласъ отъ образа Пресв. Богородицы, къ нему глаголющь: нынѣ услыша Господь моленіе и слезы ваша....»

(***) Ист. Выг. пуст. стр. 89—90. «Не премолкнутъ нивы и горы труды его возвѣщати: ово въ сѣченіи лѣсовъ, ово въ собираніи и пожиганіи древія,—не помолчатъ дебри и блата кроменъ и кережъ хлѣбовъ пощенія его въ нужныя времена, да братство пропитается; явитъ трапеза братская нужныхъ самосмѣсныхъ хлѣбовъ благодарное ихъ съ утѣшеніемъ прочихъ яденіе....»

ко лѣтъ сряду; паства Андрея начала роптать; многіе стали уходить изъ обители въ болѣе хлѣбныя мѣста; дѣло доходило до того, что община едва не распалась,—и только благодаря твердости Андрея и его находчивости, выговцы избѣжали грозившей имъ бѣды. Біографъ томомъ Патерика разсказываетъ о великодушіи «преславнаго отца» и знакомитъ насъ съ тѣми пріемами, какіе употреблялъ Андрей въ сношеніяхъ съ своею паствой... Андрей поучалъ свою паству, «еже не малодушествовати: насаждей ухо не слышитъ ли, создавый око не смотряетъ ли? Ей, не отринетъ Господь людей своихъ и достоянія своего не оставитъ». Но не смотря на эти увѣщанія, многи изыдоша въ друзіи веси. Голодъ увеличивался; самыя мужественныя сердца начали колебаться и приходить въ смущеніе; каждый помышлялъ о выходѣ изъ общежитія въ хлѣбородныя страны. Самъ Михаилъ Ивановичъ Выташинъ, одно изъ самыхъ почтенныхъ лицъ въ монастырѣ, скрылся изъ него (*). Случалось такъ, что непосредственно за поученіями Андрея являлись къ нему братія, «прося благословенія на исхожденіе». Особенно просьбы стали часто повторяться, когда увидѣли, что и для будущаго года посѣянный хлѣбъ померзъ на нивахъ, что слѣдовательно и на будущій годъ они «не имутъ видѣти представленнаго ястія на трапезѣ». Андрею не хотѣлось распустить собранное стадо «по своевольнымъ холмамъ». Наконецъ дошло до того, что «бысть на увѣщающаго отца роптаніе веліе, почто не даетъ всеобщаго распустительнаго благословенія». Андрей отправился въ Москву у христолюбцевъ просить подаянія.—Подобные разъѣзды Андрей повторялъ весьма часто, направляя ихъ то въ Новгородъ и Псковъ, то въ Нижній. Но и во время своихъ разъѣздовъ Андрей, какъ теперь, такъ и въ послѣдствіи не переставалъ управлять монастыремъ, заочно. Послѣ разъѣздовъ, онъ былъ встрѣчаемъ въ киновіи съ непритворною радостью. Казалось, будто Андрей съ тою

(*) См. о немъ въ каталогѣ Любопытнаго Чтен. Моск. Общ. Ист. 1863, кн. 1, стр. 14.

цѣлію и уѣзжалъ изъ монастыря, чтобы дать братіи почувствовать, что онъ такое для нихъ и какъ пуста была бы безъ него жизнь выговцевъ. Въ короткое время, благодаря энергіи и предпріимчивости Андрея, матеріальное благосостояніе монастыря возрасло, и онъ сталъ обладать обширнымъ хозяйствомъ. Андрей завелъ торговлю, занимая у добрыхъ людей деньги съ половины; добрые люди «видя ихъ нужду, а въ торгѣ правду», охотно снабжали ихъ деньгами. Выговцы завели свои суда, на которыхъ переправляли «въ Питеръ» хлѣбъ, закупаемый въ низовыхъ городахъ; у нихъ были свои пристани на рѣкахъ и озерахъ, свои постоялые дворы и своихъ людей «держаша для торгу и пріѣзду всѣхъ». Но напрасно думаютъ (Щаповъ), будто община имѣла мірское, житейски-хозяйственное устройство: выговцы въ этомъ случаѣ отнюдь не хотѣли стать въ противорѣчіе съ монастырскимъ уставомъ. Они думали подражать обыкновенному быту общежительныхъ монастырей, въ которыхъ (наприм. въ Соловецкомъ, который выговцы считали своей митрополіей) дѣйствительно имѣлось иногда полное хозяйство,—и рыбныя ловли, и пастбища и луга, — а монастырскіе крестьяне занимались продажей рыбы и иными торгами. Всѣ работы, какія предпринимались братіей «монастыря», разъѣзды для торга и пр., были, по мнѣнію выговцевъ, не чѣмъ инымъ, какъ монастырскими послушаніями, на подобіе того, какъ это дѣлалось въ общежительныхъ монастыряхъ, при исполненіи которыхъ братія не освобождались отъ обязанностей инока, а должны были исполнять и келейное правило и пр. Вотъ что разсказываетъ на этотъ разъ біографъ Андрея. Однажды «отецъ» келейно разглагольствовалъ съ братіею, пришедшею съ трудовъ изъ дальнихъ мѣстъ. Андрей спросилъ ихъ, исполняли ли они «въ отдаленныхъ своихъ службахъ и въ хожденіи по дорогамъ церковное и келейное правило». Тѣ сознались, что «ово отъ трудовъ, ово за немощь тѣлесную, ово же отъ лѣности презирается ими таковое душеспасительное неоцѣненное дѣло. Онъ же тяжцѣ вздохнувъ сказалъ имъ: о братіе, воистину вы сущее остависте дѣло, воз-

любисте же едино подѣланіе... На послѣдокъ же, аки бы со великимъ нехотѣніемъ, но отъ ревности понуждаемъ, всесмиренно самъ о себѣ объяви сице: азъ, братіе, грѣшный человѣкъ, многажды бывахъ въ дальнихъ путешествіяхъ и въ другихъ, мнящихся къ молитвѣ неудобныхъ, случаяхъ, но николиже презрѣхъ таковаго молитвеннаго и келейнаго правила. По исполненіи же того упражняхся и въ прочихъ разумѣніихъ», и по собственному опыту знаю, что «никакія никогда пользы ни въ чемъ не обрѣтохъ, аще когда оставя молитву, за иное поторопясь для лучшаго имѣтельства. Нѣсть бо ни во умѣ, ни въ прочихъ чувствіихъ таковаго всепріятнаго преимѣтельства, якоже бываетъ прозрачность и благоустроеніе по исполненіи святой молитвы; самъ Господь тогда спомоществуетъ во всѣхъ нашихъ умныхъ и тѣлесныхъ дѣйствахъ».

Впрочемъ заботы о матеріальномъ обезпеченіи общины были непосредственнымъ занятіемъ Андрея только на первой порѣ. Когда община устроилась, организовалась, — о Выговскомъ монастырѣ прошелъ слухъ «изъ конца въ конецъ по всей Русіи», — монастырь сталъ собирать богатыя подаянія, получать большія суммы по завѣщаніямъ умирающихъ, въ уплату за иконы, рукописи, за причастіе, принесенное изъ Соловецкаго монастыря Авраамієм (*) и пр: — тогда богатство монастыря такъ возрасло, что мнимые иноки могли свободно предаваться праздности и всему, что изъ нея проистекаетъ. Андрей между тѣмъ принялся за другое дѣло, за ученые труды, за проповѣдничество. Разъѣзжая для закупки и собиранія хлѣба, онъ достигалъ и другой цѣли. «П промышляше книги и осматриваше, овыя покупаше, овыя списываше, испытуя, како въ древлеотеческомъ благочестіи утверждатися. Такожде досматриваше по церквамъ и по монастыремъ кресты и чудотворныя иконы, како благословящая рука у Спасителя; великое усердіе показываше, день и нощь тщашеся...» Изъ

(*) См. Анд. Іоанн. стр. 101. Объ этомъ впрочемъ не упоминаютъ ни Иванъ Филипповъ, ни біографъ Андрея.

разныхъ библіотекъ церковныхъ Андрей собралъ множество древнихъ книгъ, изъ которыхъ многія скрѣплены были подписью древнихъ благочестивыхъ князей и архипастырей (*). Такъ, устрояя монастырское хозяйство, Андрей въ то же время занимался раскольнической ученостію, читалъ собранныя имъ рукописи и книги, обдумывалъ свои догматы. Въ то же время на Андреѣ лежало дѣло начальственнаго надзора надъ братіей и суда надъ виновными: «самъ ѣздяше по всѣмъ службамъ, осматривая и уставляя надсмотрщиковъ и келарей въ обоихъ предѣлахъ, чтобъ было житіе ихъ особь въ своихъ оградѣхъ».—Чиня судъ и расправу, Андрей имѣлъ случай явить свою отеческую снисходительность и терпимость къ согрѣшающимъ, за которую особенно любили его братія. Въ этотъ же періодъ времени, до 1710 года, благолѣпіе монастырской службы и часовни доведено было до невиданной дотолѣ степени совершенства: во время «свидѣтельства душъ», т. е. первой ревизіи, прибыли въ монастырь два замѣчательныхъ человѣка — вязниковецъ Алексѣй Гавриловъ «вельми хитрый въ дѣлѣ иконнаго писанія» и съ Москвы Иванъ Ивановъ «ученъ церковному пѣнію и по знаменію и по помѣтѣ древлецерковныхъ книгъ». Дотолѣ хорошо пѣть знали только трое: о. Даниил, Петръ Прокопьевъ и Леонтій Ѳедосѣевъ. Теперь Андрей, собравъ лучшихъ грамотниковъ и самъ съ ними нача учитися пѣнію и многіе изъ нихъ научишася добрѣ, — составился такимъ образомъ хоръ, приводившій въ изумленіе и умиленіе посѣтителей выговской часовни. Не довольствуясь этимъ, Андрей, пришедъ скоро послѣ ученія на Лексу, въ сиротскую дѣвическую обитель, и собра грамотницъ и нача ихъ самъ учити пѣнію; овыя изъ молодыхъ скоро навыкаху и научишася добрѣ. О. Андрей и самъ

(*) См. Преосв. Мак. стр. 260; Андр. Іоанн. 101. О томъ, какъ обширна была библіотека, собранная Андреемъ, можно судить по количеству и разнообразію цитатъ въ его сочиненіяхъ, напр. въ «Поморскихъ отвѣтахъ».

поняше съ ними и научая ихъ, яко отецъ чада своя. Въ то же время основана школа писцовъ для распространенія въ народѣ раскольничьихъ сочиненій, — та школа, произведенія которой, писанныя уставнымъ почеркомъ, и доселѣ встрѣчаются повсюду. Училище грамотности для малолѣтнихъ, основанное въ самомъ началѣ, теперь было расширено, и было въ числѣ предметовъ особенной заботливости Андрея.

Мы не имѣемъ на столько матеріаловъ, чтобы слѣдить за подвигами Андрея изъ года въ годъ. Мы разскажемъ нѣкоторые наиболѣе замѣчательные случаи изъ его жизни, на которыхъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются его біографы и которые характеризуютъ Андрея въ различныхъ отношеніяхъ.

Такова, вопервыхъ, его поѣздка въ Кіевъ. Прежде всего представляется непонятнымъ, какъ рѣшился глава раскола обратиться за ученіемъ въ Кіевъ, въ самый центръ «вражескаго стана?» Развѣ не проклинали первые расколоучители всѣми проклятіями кіевскую ученость и ея представителей въ Москвѣ—Никоновскихъ справщиковъ? «Діакона Ѳеодора митрополитъ иконійскій Аѳанасій призвавъ, различные аргументы, различныя истязанія о старомъ благочестіи предлагаше: грамматическаго художества искусъ воспріялъ ли еси? Разумѣваю отчасти грамматики, отвѣчалъ Ѳеодоръ, яко ни о вѣрѣ, ниже о догматахъ научаетъ.... Платона и Аристотеля мудрохудожныя читалъ ли еси книги? продолжалъ митрополитъ; на сія возглашаше дивный Ѳеодоръ: кое мнѣ согласіе или часть человѣку христіанину еллинскими баснословными водитися науками, ихъ же св. отцы нарекоша— ниже читати, ниже проникати въ оныя» (*). Такъ смотрѣли на ученость вообще первые расколоучители: прочитавъ «книгъ словенскихъ десятка три,» они уже считали себя са-

(*) См. «Виногр. Рос.» статья о діаконѣ Ѳеодорѣ, также сборникъ, печатанный въ Почаевѣ, начинающійся исторіею объ отцѣхъ, — въ концѣ — собесѣдованіе Ѳеодора съ митроп. Икон. Аѳанасіемъ.

мыми учеными людьми въ мірѣ.... (*). Дѣйствительно, поѣздка Андрея въ Кіевъ представляется непослѣдовательною. Но это обстоятельство весьма характеризуетъ Андрея, какъ новатора, какъ прогрессиста въ расколѣ: онъ хочетъ поразить врага его же оружіемъ — ученостію; онъ, «какъ пчела, люботруднѣ облеталъ всѣ вертограды, изъ которыхъ могъ извлещи источникъ премудрости, да готовъ будетъ къ отвѣту всякому, вопрошающему о его упованіи,» — сихъ ради великихъ благословныхъ винъ, онъ не усумнился отправиться къ Кіевъ. Во время первыхъ своихъ разъѣздовъ собравъ большое множество разныхъ книгъ, Андрей, при природныхъ своихъ способностяхъ, скоро сталъ обладать большею начитанностію. Но онъ чувствовалъ, что ему не достаетъ школьнаго образованія. Занимаясь изученіемъ св. отцевъ, говоритъ біографъ, Андрей встрѣчалъ у нихъ много терминовъ, не зная которыхъ, онъ затруднялся въ пониманіи отеческихъ твореній. Это навело Андрея на мысль изучить всѣ тѣ правила, кои отверзаютъ пространный вѣдѣнія входъ во Св. Писаніе, — чтобы умѣть «существительныя опредѣленія и естество-словныя изыскивать вины, справедливо разсуждать разньство случаевъ,— что есть существо и случай, — различить существо отъ существа, ангела отъ человѣка, животное отъ нечувственнаго.» И хотя Андрей уже давно, во время первыхъ своихъ разъѣздовъ, отъ «нѣкіихъ ученыхъ мужей» отчасти наученъ былъ «грамматики, яже есть начало и конецъ всякому любомудрію, отъ нея же всяко естество творится и естествословится;» но желая пріобрѣсть въ вѣдѣніи непостыдное совершенство, онъ сталъ искать болѣе искуснаго учителя. Услышавъ, что въ Кіевѣ «въ тамошнемъ богословскомъ училищѣ» есть нѣкій нарочитый учитель, онъ рѣшился отправиться туда (**),

(*) Такъ смотрѣлъ на себя тотъ же Ѳеодоръ. См. «Прав. Соб.» 1859 года, 2, стр. 450 и слѣд.

(**) Пр. Филаретъ въ обзорѣ Р. Д. Л — ры (кн. 2, стр. 86) говоритъ, что Андрей слушалъ «уроки Вавилы, ученика Капитонова, ловкаго въ логикѣ, философіи и богословіи.» Въ матеріалахъ, которые мы имѣли подъ руками, мы не нашли никакихъ указаній на подобныя отношенія Андрея къ Вавилѣ.

тѣмъ больше, что давно уже имѣлъ намѣреніе собрать тамъ отъ мощей и изъ древнихъ книгъ свидѣтельства въ пользу «древняго благочестія.»

Андрей отправился въ Кіевъ съ нѣсколькими купцами, имѣя при себѣ одного только ученика-послушника Мануила «великодушнаго.» На пути случилось слѣдующее происшествіе. Въ степи большой и безводной, въ жаркій день августа, путешественники остановились на отдыхъ. Купцы раскинули палатку; мало не доѣхавъ до нихъ, расположился и Андрей. «И се скоро на конѣ бѣжаше борзоходецъ.» Томимый жаждою и жаромъ, онъ попросилъ у купцовъ пить. Тѣ не зная, старой ли онъ вѣры, или просто пренебрегая имъ, отказали. Видя же бѣду его, всеразсудительный Андрей, поминая слова апостола: аще имамъ вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ.... повелѣ Мануилу въ чашицу, изъ нея же сами піяху воды, везомыя ими, изъ делвы нацѣдити и уксусу прилити и подати тому пити. Вельми благодаривъ, борзоходецъ отправился въ путь. Мануилъ пришелъ въ недоумѣніе отъ такого поступка Андрея и не зналъ, какъ поступить съ чашей, изъ которой пилъ борзоходецъ: упразднити ли ю себѣ на потребу, или въ презрѣніе повергнути? Андрей повелѣ ему ону чашицу водою измыти и потомъ нацѣдити во ону воды, паки пріимь и перекрестився испи воду изъ тоя чаши и повелѣ изъ нея ясти и пити. И тако великимъ своимъ разсужденіемъ остави будущему роду творити сицевый образъ,» замѣчаетъ біографъ. Андрей показалъ, что онъ чуждъ того узкаго и мелочнаго фанатизма, какимъ отличается рядовая раскольническая братія, — воздерживался отъ высокомѣрія и мелочныхъ оскорбленій, которыя только раздражаютъ враговъ, не принося существенной пользы. Въ глубинѣ сердца у него таилась, конечно, не меньшая ненависть и презрѣніе къ православному люду, какъ и у другихъ раскольниковъ, но чѣмъ сильнѣе были эти чувства, тѣмъ глубже пряталъ ихъ этотъ осторожный расколоучитель.

Прибывъ въ Кіевъ, Андрей прежде всего обозрѣлъ св.

мощи, иконы и кресты, ища подтвержденія раскольническому перстосложенію. Потомъ — приходитъ сокровенно къ незнаемому учителю чрезъ прочихъ знакомство, и своимъ благоговѣйнымъ, любомудрымъ видомъ и кроткими, учтивыми бесѣдами входитъ къ учителю въ любовное пріятственное свойство и безъ всякой опасности о всемъ съ нимъ разглательствуетъ: бѣ бо наименованьемъ купеческимъ. Когда Андрей довольно засвидѣтельствовалъ предъ нимъ свои таланты, учитель велитъ ему написать слово, на какой ему угодно текстъ. Андрей выбралъ «ѳемою» слова Соломона: «сотове медовніи словеса добра» и написалъ въ короткое время слово, всякому ученому и неученому пріятно, еще же и отъ страсти празднословія цѣлительно, — и принесе къ учителю. Тотъ прочиталъ это слово въ собраніи всѣхъ учениковъ и спросилъ ихъ: какъ думаютъ они, кто авторъ этого слова? Ученики нашли, что оно, конечно, принадлежитъ кому-либо изъ древнихъ знаменитыхъ учителей церкви Златоусту или Амвросію и переведено съ греческаго или съ латинскаго языка... Послѣ такого тріумфа, Андрей паипаче присно къ тому учителю отверстый входъ себѣ получи и о всемъ риторскомъ, философскомъ и ѳеологическомъ ученіи съ веліимъ прилежаніемъ вопрошаше. Учитель охотно удовлетворялъ любознательнаго ученика: къ этому побуждала его «рекомендація нѣкая изъ Москвы о отцѣ Андреѣ,» а отчасти и дары, почасту приносимые учителю Андреемъ.

Къ сожалѣнію, біографъ Андрея не говоритъ, въ которомъ году былъ Андрей въ Кіевѣ и нельзя положительно сказать, кто былъ тотъ нарочитый учитель, о которомъ дошли слухи въ Выговскую пустыню, и который волею или неволею оказалъ такую услугу расколу. Въ «житіи» разсказъ о поѣздкѣ Андрея въ Кіевъ помѣщенъ непосредственно предъ разсказомъ о поимкѣ Семена въ Новгородѣ, которая случилась въ 1710 году и послѣ разсказа объ устройствѣ женскаго монастыря на Лексѣ. Трудно предполагать, чтобы Андрей предпринялъ дальнюю поѣздку въ Кіевъ прежде этого событія,—

прежде, чѣмъ окончательно организовалъ свою общину и обезпечилъ ее матеріально. Отдѣленіе женщинъ въ особый монастырь послѣдовало въ концѣ 1706 года. Нужно думать, что Андрей прибылъ въ Кіевъ около 1708 года. Дальше разсказъ о поѣздкѣ Андрея въ Кіевъ біографъ заключаетъ такимъ замѣчаніемъ: Андрея превозносили, говоритъ онъ, «дивные префекты, пречудніи академіи ректоры, преславные авторы и первѣйшій въ славѣ словесъ, иже послѣди словесы своими великимъ персонамъ Андрея возносяше....» Андрей Іоанновъ опредѣленно говоритъ, что въ Кіевѣ Андрей подбился «къ ректору» академіи. На основаніи этихъ соображеній мы предполагаемъ, что этотъ учитель Андрея былъ никто другой, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ былъ въ академіи префектомъ и профессоромъ философіи съ 1708 по 1711 г., — а съ 1711 до 1715 г. ректоромъ и профессоромъ богословія. Онъ же и до префектства, будучи простымъ наставникомъ, по словамъ митр. Евгенія и преосв. Макарія, извѣстенъ былъ своею ученостію и краснорѣчіемъ далеко внѣ Кіева (*); онъ же въ послѣдствіи, будучи въ Петербургѣ, сообразуясь съ духомъ Петра, высказывалъ въ Синодѣ относительно широкіе взгляды на расколъ и способенъ былъ отдать честь дарованіямъ Андрея, — похвалить его предъ великими персонами, — какъ объ этомъ и есть прямое свидѣтельство у біографа въ другомъ мѣстѣ.

Пробывъ въ Кіевѣ болѣе года и собравъ здѣсь все нужное къ подкрѣпленію «древняго благочестія,» Андрей возвратился въ свой «Богоявленскій монастырь.» «И бяше всѣмъ обитателемъ, общежительнымъ же и скитскимъ, неисповѣдимая радость, и шедъ въ часовню съ отцы и братіею, прежде Богу благодареніе, потомъ же взаимное поздравленіе отдаша.»

Поѣздка Андрея въ Кіевъ довольно характеризуетъ его отношенія къ православнымъ. Какъ относился Андрей къ

(*) См. Истор. словарь о писателяхъ дух. чина митр. Евгенія; преосв. Макарія Истор. кіевск. акад. стр. 158, 160, описаніе кіевософ. собора 228 — 229.

разнорѣчивымъ съ нимъ раскольничьимъ толкамъ? Здѣсь Андрей обнаруживалъ живѣйшее желаніе мира; онъ понималъ, какъ много обезсиливаютъ расколъ эти междоусобныя распри, — какъ хорошо было бы соединиться всѣмъ вмѣстѣ, чтобы стать соединенными силами противъ общаго врага. Онъ обнаруживалъ самую великодушную снисходительность и самую полную терпимость въ отношеніи къ «заблуждающимся братіямъ.» Не ограничиваясь этими отрицательными мѣрами, Андрей входилъ въ сношенія со всѣми мѣстностями, гдѣ жили раскольники и вездѣ достигъ, если не примиренія, то во всякомъ случаѣ уничтоженія той вражды, какою характеризуются нынѣшнія отношенія поповщины къ безпоповщинѣ. Андрей вездѣ былъ извѣстенъ и уважаемъ, какъ знаменитѣйшій учитель. Всего меньше имѣлъ Андрей успѣха въ сношеніяхъ съ ѳедосѣевцами, которые, на его глазахъ, въ самомъ началѣ его администраторской дѣятельности, отдѣлились отъ поморянъ. Не соглашаясь отказаться отъ своихъ понятій о спорныхъ предметахъ, Андрей, однакожъ, полемику противъ нихъ велъ самую кроткую, — не столько полемику, сколько апологію, какъ выражается Любопытный (*): «Трактаты на ѳедосіянъ» писаны «витійственно и Христовою любовію.» Желая склонить ѳедосѣевцевъ къ миру, Андрей отправилъ къ нимъ нѣсколько посланій, которыя всѣ имѣютъ характеръ увѣщаній. Такъ, въ письмѣ къ Ѳеодосію Васильеву онъ горько жалуется, что ѳедосѣевцы, «попирая любовь и страхъ Божій, нарушаютъ единство Христовой церкви, раздирая тѣло Христово на части, не зная, бѣдные, что дѣлаютъ, и что злобствуютъ на церковь, искупленную божественною кровію. «Единъ Богъ, иже православными, древними догматы проповѣдуемый и славимый, а не еретическими новинами, и едина вѣра древняя православная, каѳолическая, иже изъ ребръ Распятаго на трисоставнѣмъ, певга, кедра и кипариса, крестѣ Владыки Іисуса Христа истекшая и еди-

(*) Каталогъ Любопытнаго, №№ 13—18.

нымъ трисоставнымъ крестомъ утвержденная, и на лицѣ своемъ единымъ истиннымъ знаменіемъ исповѣдуемая» (*), такъ начинаетъ Андрей свое посланіе къ Евстрату Ѳедосѣевичу, въ которомъ опять убѣждаетъ, «дабы онъ съ поморскою церковію не враждовалъ и единства Христовой церкви не нарушалъ: сего грѣха и мученическая смерть загладить не можетъ» (**). Тоже самое говорилъ онъ послѣ всѣмъ ѳедосѣевцамъ—дабы они попрали вражду съ Христовою церковію (***). Но Андрей не ограничивался посланіями: онъ не разъ отправлялъ отъ себя къ ѳедосѣевщинѣ для устныхъ собесѣдованій наиболѣе ученыхъ изъ своихъ приближенныхъ: такъ Леонтій Ѳедосѣевъ, поповъ сынъ, «отъ ребра его сущій», свѣдущъ писанія, ѣздилъ по порученію Андрея въ Новгородъ и поразилъ соперниковъ такъ, что тѣ самые, къ которымъ ѣздилъ прежде Ѳеодосій, присоединились къ поморянамъ (****). Авторъ «Сказанія о началѣ раздора между ѳедосѣевами и поморянами» разсказываетъ, что во время самыхъ жаркихъ преній о титлѣ, когда съ обѣихъ сторонъ сердца пламенемъ раздорнымъ пылали и ѳедосѣевцы обнаружили самую жестокую ненависть къ поморянамъ, ревнуя по всекрѣпкомъ четверобуквеннаго надписанія догматѣ», Андрей напротивъ явилъ «веліе снисхожденіе», — онъ не запретилъ одному изъ поморцевъ, купцу Кавурову, сообщаться съ Евстратомъ Ѳедосѣевымъ. Противополагая Андрея современнымъ себѣ учителямъ, авторъ «Сказанія» говоритъ: «не яко же нынѣшнихъ многочинствующихъ раздорниковъ скорое во вражду и не мирное преложеніе, не точію въ какихъ преданіихъ, но и

(*) См. этотъ отрывокъ въ сочин.: «О причинахъ раздѣленія поповщины и безпоповщины на мелкія секты,» стр. 14 и слѣд.

(**) Кат. Любопытнаго, № 17.

(***) Отрывки изъ этого посланія см. у Андрея Іоаннова, изд. 1795, ч. II, стр. 19—20.

(****) Преосвящ. Макарія «Исторія раскола.» стр. 268.

въ паутинныхъ сѣткахъ могущія брань воздвигнути» (*). Хотя поздно, Андрею удалось таки (ок. 1725 г.) достигнуть мира съ Ѳедосѣевцами. Объ этомъ мы находимъ прямое свидѣтельство у Ѳедора Зенкова (1779 г.) (**): въ письмѣ къ Василію Емельянову, основателю Покровской часовни, сказавши о томъ, что изъ-за титлы на крестѣ Ѳедосѣй не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить вмѣстѣ съ поморянами, онъ продолжаетъ: «и сіе раздѣленіе не по правиломъ съ поморскими отцы отецъ Ѳедосѣй сотвори; въ томъ и скончася. По семъ настоятель Игнатій Трофимовъ съ Андреемъ Денисовымъ миръ положи до обысканія титлы на животворящемъ крестѣ. И по семъ время шло немало. [2] Уже по смерти Андрея московскіе поморяне стали говорить тамошнимъ ѳедосѣевцамъ: долго ли вамъ держать съ титлами кресты и пр. (***).

Къ поповщинѣ Андрей имѣлъ болѣе миролюбивыя и болѣе близкія отношенія. Съ одной стороны, въ то время еще не установилось такое строгое различіе между поповщиной и безпоповщиной, какъ въ послѣдствіи, — Андрей далеко не былъ такимъ безпоповцемъ, какъ современные намъ: у него въ монастырѣ были священники стараго постриженія, которые и совершали всѣ таинства, какъ напр.: «древній старый священникъ Ѳеодосій»; съ нижегородскими поповцами Андрей былъ въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ: изъ нижегородскихъ лѣсовъ многіе пріѣзжали и поселялись въ Выговской обители, и на оборотъ. Во время хлѣбныхъ недородовъ и зябелей, многіе, выходя изъ Выговской пустыни, отправлялись не въ другое мѣсто, а въ нижегородскія пустыни. Для закупки хлѣба самъ Андрей отправлялся не въ иное какое мѣсто, а «въ Нижній» (****),такъ какъ надѣялся найти тамъ —

(*) «О прич. раздѣленія поповщины и безпоповщины на мелкія секты;» также у Щапова, стр. 383.

(**) См. о немъ у Любопытнаго, стр. 142.

(***) См. рукоп. импер. публ. библіот. № 25 и пр.

(****) »Ист. Выговской пустыни, стр. 87, 128, 129, 123, 137.

и дѣйствительно нашелъ — наибольшее число христолюбцевъ, людей безразличныхъ къ поповщинѣ и безпоповщинѣ, здѣсь же Андрей конечно не оставилъ посѣтить и прочіе скиты. Но самымъ яснымъ свидѣтельствомъ дружелюбія Андрея къ поповцамъ служатъ написанные имъ для обитателей керженскихъ лѣсовъ «Діаконовскіе отвѣты». Мы думаемъ, что эти отвѣты написаны Андреемъ. Они не могли быть написаны никѣмъ изъ среды діаконовцевъ. Обитатели керженскихъ лѣсовъ не имѣли въ своей средѣ сколько нибудь даровитаго человѣка, который бы могъ обнаружить въ себѣ такую ученость (*). Во главѣ тамошнихъ раскольниковъ стоялъ діаконъ Александръ. Мельниковъ очень высокаго мнѣнія объ этомъ человѣкѣ, — онъ считаетъ его авторомъ «Разбора соборнаго дѣянія на Мартина еретика», разбора, который, по его словамъ, сдѣлалъ бы честь любому русскому ученому палеографу. Исторія совращенія Александра, разсказанная имъ самимъ, показываетъ, что это былъ человѣкъ простодушный, недалекій, безъ всякихъ свѣдѣній, но искренній и до того воспріимчивый, что даже незатѣйливая рѣчь бабы о томъ, что «истинная вѣра обрѣтается нынѣ въ сокровенномъ мѣстѣ, въ лѣсу», произвела на него сильное впечатлѣніе (**). Авторитетъ его между керженцами основывался вовсе не на умѣ или учености, а на его діаконскомъ санѣ и на простодушной искренности его незатѣйливыхъ убѣжденій. Но особенно надо принять во вниманіе то, что біографъ прямо приписываетъ Андрею «Діаконовы отвѣты» и подробно разсказываетъ исторію написанія ихъ. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ въ Москву Андрей спознался тамъ съ единымъ весьма добрымъ человѣкомъ изъ согласія, именуемаго поповщина. Когда пришла нужда велія нижегородскимъ старовѣрамъ отвѣщати письменно противъ злодыхающаго на всѣхъ

(*) См. Есипова, II т. «Керженскіе раскольники въ царствованіе Петра».
(**) См. Есипова, т. I, стр. 123—652.

христіанъ злолютаго Питирима, тогда они вси, яко къ могущему зѣло своему благодѣтелю, оному отца Андрея другу учиниша извѣстіе. Этотъ мужъ, зная общую ихъ нужду въ письменномъ руководствѣ, и яко ко оному составленію непремѣнно быть надлежитъ грамматическому и риторскому искусству и непогрѣшенію въ вѣдѣніи превысочайшей богословіи, — сего же въ своихъ обрѣсти никако же можаше, и зная между тѣмъ, какъ ученъ Андрей, нача его умиленно просити, давая ему все нужное къ написанію отвѣтовъ. Андрей сначала весьма отрицахся, являя аки бы свою немощь, притомъ же и несогласіе съ ихъ мнѣніями, кое можетъ нѣкакое навести на него подозрѣніе. Но послѣ разсудилъ, что если онъ не поможетъ, то и ему въ приспыхъ его нуждахъ не будутъ помогать; что предъ своими онъ можетъ оправдаться тѣмъ, что этимъ дѣломъ онъ совершилъ подвигъ благотворенія, — что, наконецъ, въ Св. Писаніи всякаго скота предписывается миловать, тѣмъ болѣе оныя словесныя существа, которыя притомъ явили столько ревности противъ новолюбителей. Такъ онъ и «соорудилъ оныя чиноотвѣтствія», за что великое отъ всего ихъ согласія получилъ благодареніе и «нѣсколько на скудость пустынную пѣнязей награжденія» (сто тогдашнихъ рублей, по устному преданію, существующему у раскольниковъ). Особенно большую пользу принесли ему эти занятія для его будущихъ трудовъ, — ибо противъ Неофита онъ выступилъ уже, «яко зѣло обученный воинъ.» Въ самыхъ «Діаконскихъ отвѣтахъ» біографъ указываетъ несомнѣнное доказательство того, что они принадлежатъ Андрею. Въ одномъ изъ отвѣтовъ высказывается мысль, что «древніе священники паки приходящихъ изъ россійскія церкви подъ новымъ крещеніемъ совершенно крещаху, — и аще сіе согласію ихъ поповскому и діаконовскому и попыпѣ не весьма мило: обаче изъ оной весьма пріятной имъ книги выпути не могутъ, и симъ запечатлѣно есть крѣпко, яко нашъ, а не ихъ всепремудрый учитель имѣлъ труды въ толь великомъ для всѣхъ старовѣрцевъ дѣлѣ».

VI.

Отношенія Андрея къ правительству.

Вопросъ о сношеніяхъ Андрея съ царевною Софіей. — Взглядъ Петра Великаго на расколъ въ первой и второй половинѣ его царствованія.— Благосклонность Петра В. къ выговскимъ раскольникамъ.—Тактика Андрея. — Отношенія Андрея къ олонецкимъ властямъ: ландратъ де-Генингъ. — Злополучія Выговской общины въ царствованіе Петра.

Начало дѣятельности братьевъ Денисовыхъ относится ко времени правленія царевны Софіи. Существуетъ мнѣніе, будто бы Софія находилась въ близкихъ отношеніяхъ къ Андрею. Пр. Журавлевъ говоритъ: «Андрей былъ знакомъ царевнѣ Софіи. Поморяне хвалятся, что у нихъ въ монастырѣ есть къ Андрею собственноручныя письма ея, кои-де и нынѣ въ цѣлости хранятся... Они говорятъ, что Андрей нерѣдкую переписку съ царевной имѣлъ». Что царевна Софія, стремясь къ осуществленію своихъ властолюбивыхъ замысловъ, искала для себя опоры между прочимъ и въ расколѣ, это не подлежитъ сомнѣнію. Сильныя мѣры противъ раскола въ царствованіе благочестиваго Ѳеодора Алексѣевича многихъ раскольниковъ заставили бѣжать въ лѣса; несмотря на то, расколъ еще не терялъ безразсудной надежды, что его требованія будутъ удовлетворены, и въ то время, какъ Софія предпринимала свои домогательства, много ихъ было въ самой Москвѣ, зорко слѣдившихъ за ходомъ вещей и готовыхъ энергически заявить свои претензіи при первомъ удобномъ случаѣ. Этотъ удобный случай открылся теперь, въ годину небывалаго на Руси междоусобія; оказалось, что особенно много раскольниковъ было между стрѣльцами. Когда царевна вступила въ сношенія съ стрѣлецкимъ войскомъ,

она неизбѣжно встрѣтилась здѣсь съ раскольниками (*). Естественно, что умная Софія, имѣя противъ себя большую часть боярства и мнѣніе всего народа, должна была предпринимать возможныя мѣры для обезпеченія своего успѣха и всего ближе могла найдти себѣ союзниковъ въ раскольникахъ. Правда, нигдѣ не замѣтно прямаго участія раскольниковъ въ переворотахъ, предавшихъ власть въ руки царевны, — но ей не было нужды приводить въ движеніе всю эту фанатическую массу, для нея достаточно было, если вожди раскола изъявили сочувствіе ея предпріятію и благословили на оное покорныхъ ей стрѣльцовъ. Только отсюда можетъ быть объяснено необычайное возвышеніе Хованскаго, не имѣвшаго репутаціи ни воинской, ни административной, которому однакожь помимо многихъ знаменитѣйшихъ боярскихъ и княжескихъ родовъ предоставлена была важная должность начальника стрѣлецкаго приказа. Будучи долго воеводою въ Псковѣ,— гдѣ, какъ и во всѣхъ пограничныхъ областяхъ, сильнѣе гнѣздился расколъ, Хованскій сталъ его послѣдователемъ; а такъ какъ его имя, богатство и связи должны были давать ему видное мѣсто между врагами православія, то Софія, возвышая его, льстила всей массѣ его единомышленниковъ и пріобрѣтала ихъ расположеніе. Этимъ объясняется и то, что Софія допустила состояться собору въ Грановитой палатѣ. «Того не бойтеся, яко будутъ васъ по прежнему мучити и озлобляти, говорилъ Хованскій раскольничьимъ предводителямъ, опасавшимся идти на соборъ,—положитеся на мою грѣшную душу: цѣлую въ томъ крестъ

(*) Между этими раскольниками-стрѣльцами были раскольники поморскіе: намекъ на это можно видѣть въ «Челобитной стряпчаго Ульяна Копытова, 1674 г.» (см. Олон. Губ. Вѣд. 1856 г. № 6—7), гдѣ говорится, что въ стрѣлецкій полкъ *Хованскаго* — начальника стрѣлецкаго приказа—набирали изъ крестьянъ поморскихъ и новгородскихъ монастырей, между прочимъ Вяжицкаго монастыря (которому принадлежали жители Повѣнецкаго рядку), съ 15-ти дворовъ по одному человѣку.

Христовъ и клянуся тѣломъ и кровію Христовою, яко никоего зла не будетъ вамъ». Могъ ли бы Хованскій говорить такъ рѣшительно, еслибы не былъ обнадеженъ Софіею? (*) На болѣе прямую и дѣятельную помощь расколу со стороны Софіи нѣтъ нигдѣ указанія, ни у Саввы Романова, ни у историковъ православныхъ (Медвѣдевъ, Матвѣевъ и пр.) (**). Но и того было довольно: она раздула пожаръ и пламя стало грозить ей самой. Почувствовавъ свою политическую силу, раскольники не затруднились заявить и свои религіозныя убѣжденія, если только стóятъ названія убѣжденій тѣ смутныя и невѣжественныя представленія о предметахъ вѣры, какія имѣлись въ нетрезвыхъ головахъ стрѣльцовъ и посадскихъ людей, явившихся въ Грановитую палату подъ предводительствомъ Никиты. Политическую интригу, для успѣха которой нужно было ихъ случайное торжество, они приняли за первый шагъ къ полной побѣдѣ, за первый ударъ владычеству «антихриста». И разыгралась та ужасная драма, которая такъ не по сердцу была самой царевнѣ: это — извѣстное преніе пьяныхъ сумасбродовъ съ знаменитыми и достойнѣйшими архипастырями церкви. Дѣло приняло такой оборотъ, что сама Софія должна была всю энергію направить противъ своихъ прежнихъ друзей.

Какое имѣлъ отношеніе ко всѣмъ этимъ событіямъ Андрей Денисовъ? Относить къ этому времени сношенія Андрея съ Софіей, — если только они существовали, — нельзя: Софія въ это время была не на столько слаба, чтобы искать себѣ помощи такъ далеко въ Поморіи: помощи московскихъ стрѣльцовъ-раскольниковъ для нея было слишкомъ довольно, такъ что она не знала тогда, какъ отдѣлаться отъ своихъ помощниковъ. Самая симпатія московскихъ стрѣльцовъ, едва возникшая подъ вліяніемъ первона-

(*) См. три челобитныя, изд. Кожанчиковымъ, стр. 81, 117.
(**) См. въ Сказаніяхъ русскаго народа, Сахарова.

чальной милости къ нимъ Софіи, выразившейся въ возвышеніи Хованскаго и въ униженіи патріарха, поставленнаго на одну доску съ нетрезвыми и буйными раскольниками въ Грановитой палатѣ,— эта симпатія скоро должна была исчезнуть, когда Софія на томъ же соборѣ, понявъ, что буйная дерзость раскольниковъ равно оскорбительна и для власти гражданской, которой она была представительницею, обнаружила свой истинный взглядъ на эту буйную толпу, въ услугахъ которой она уже не нуждалась. Когда Никита «отведе мало рукою» холмогорскаго епископа Аѳанасія, сознаніе своего достоинства заговорило въ Софіи: она «разгнѣвася вскочи съ престола и нача со слезами глаголати»; и во все продолженіе собора одна она даетъ сколько-нибудь сильный и энергическій отпоръ раскольникамъ, она горячится и плачетъ; она поняла, однимъ словомъ, что поступила слишкомъ опрометчиво, допустивъ соборъ. Тогда и раскольники, «видя ея таковую неправду, глаголаша ей: давно государыня, время вамъ въ монастырь идти; полно въ царствѣ смущенія творити, здравы бы намъ были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ...» А весь разсказъ объ этомъ (*) заключается такъ: «7107 года изліяся фіалъ гнѣва Божія отмстительный на царевну Софію.... въ великихъ печалѣхъ и скорбѣхъ, злою болѣзнію объята бывши, въ палатѣ заключена, неисходно житія лишися». Въ виду этихъ словъ непонятно, какъ издателю трехъ челобитныхъ могло показаться поведеніе Со-

---

(*) Разсказъ объ этомъ въ «трехъ челобитныхъ» не есть подлинный разсказъ Саввы Романова, а передѣланный кѣмъ-либо. Разсказъ Саввы Романова видимо побывалъ въ рукахъ кого-либо изъ школы Денисовыхъ и получилъ въ этихъ рукахъ то мнимо-литературное изложеніе, какимъ отличаются творенія Денисовыхъ и при какомъ онъ неизбѣжно подвергся искаженіямъ, сообразнымъ съ тенденціями двухъ знаменитыхъ братьевъ. Можетъ-быть, это былъ Семенъ Денисовъ, — присяжный историкъ-панегиристъ раскола: въ такомъ случаѣ это обстоятельство еще болѣе проясняетъ намъ отношенія Денисовыхъ къ Софьѣ. См. объ этомъ статью г. Субботина въ *Русск. Вѣст.* за 1862 г.

фіи на соборѣ двусмысленнымъ (*). Всего менѣе могъ сочувствовать расколъ Софьѣ въ остальное время ея правленія. Обязанная своею властію старорусской партіи, она жестоко обманула ея ожиданія и явилась въ свое время почти тѣмъ же, чѣмъ для послѣдующаго поколѣнія былъ Петръ В. Софія обнаружила небывалую дотолѣ въ Россіи терпимость въ отношеніи къ иновѣрцамъ. Въ то время, какъ Людовикъ XIV объявилъ жестокое религіозное гоненіе на иновѣрцевъ и толпы протестантовъ должны были оставить Францію, Россія объявила, что она готова дать пріютъ этимъ несчастнымъ изгнанникамъ (**), и другимъ иновѣрцамъ: Софія разрѣшила имъ свободное отправленіе богослуженія и запретила русскому духовенству пропаганду между ними (***); объявлено было имъ, что обращеніе въ православіе не спасаетъ отъ наказаній за нарушеніе закона и что предъ закономъ совершенно равны и православные, и протестанты. Въ Нѣмецкую слободу въ Москвѣ переселилось множество протестантовъ, просвѣщеніемъ которыхъ, конечно, воспользовался потомъ Петръ; къ концу правленія Софіи въ Москвѣ было пять иновѣрческихъ церквей. Такая терпимость едвали могла нравиться раскольникамъ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ Софія далеко не была такъ милостива, какъ къ заграничнымъ выходцамъ: 7 апрѣля 1685 г. она издала извѣстныя 12 статей противъ раскола (****), которыя нигдѣ, кажется, не были съ такою строгостію приводимы въ исполненіе, какъ въ Поморьѣ: самыя плачевныя страницы исторіи Выговской пустыни относятся къ этому времени отъ 1685 до 1692 г.

Но главная причина, по которой, вопреки Щебальскому, сношенія Андрея съ царевной Софіей не могутъ быть отнесены къ тому времени, когда Софія держала въ рукахъ сво-

---

(*) Три челобитныя, стр. 65.
(**) Полн. Собр. Зак. т. III, № 1331.
(***) Тамъ же, т. II, № 1117.
(****) Полн. Собр. Зак № 1112; Акт. Археограф. Экспед. VI, 284.

ихъ правленіе, состоитъ въ томъ, что когда Софья заключена уже была въ монастырь (въ 1689 г.), Андрею было всего 14 лѣтъ (онъ родился въ 1764 г.). Въ это время только немногіе ревнители древняго благочестія разсѣянно скитались въ пустыняхъ выговскихъ, живя «зѣло нуждным житіемъ» и не смѣя собраться вмѣстѣ «страха ради гонительнаго». Только удаленіе Софіи отъ правленія повело за собою нѣкоторое послабленіе со стороны властей въ отношеніи къ расколу и дало возможность основаться выгорѣцкому общежительству.

Но Софіѣ пришлось нѣсколько иначе взглянуть на дѣло, когда ей нужно было бороться не съ Нарышкиными уже, а съ самимъ возмужавшимъ Петромъ, когда власть неожиданно была отнята отъ нея и сама она заключена въ монастырь. Стрѣльцы оказались безсильными помочь ея несчастію, а община поморская къ послѣднимъ годамъ ея узнической монастырской жизни (она умерла 1704 г. въ іюлѣ) трудами Андрея организовалась и устроилась такъ, что дѣйствительно могла представляться значительной силою. Въ это время Софья, готовая на все для своего освобожденія, могла вспомнить и о расколѣ. И расколъ въ это время, въ свою очередь, могъ вспомнить о ней: въ виду преобразованій Петра, рекрутчины, подушнаго оклада и подобныхъ вещей, которыя такъ не нравятся расколу, время Софіи представлялось расколу временемъ благодатнымъ, а гонимая новаторомъ Софія въ глазахъ любителей старины легко могла казаться страдалицей за древнюю Русь и привлечь сочувствіе тѣхъ, кто ненавидѣлъ Петра. Голиковъ разсказываетъ, какъ въ это время Софія сносилась съ своими приверженцами посредствомъ нищей старухи, которая относила и приносила письма запеченныя въ хлѣбѣ (*). Между этими приверженцами ея были нѣкоторые изъ князей Мышетскихъ: между прибли-

(*) Дѣян. Петра В т. 1, стр. 328; т. 3, стр. 32—33.

женными князя В. В. Голицина, самаго близкаго къ ней человѣка, дѣлившаго съ нею и радость и горе, въ крымскомъ походѣ находился воевода князь Борисъ Ѳеимычъ Мышетскій (*): въ 1689 г. незадолго до своего заключенія Софія отправила посломъ во Францію и Испанію для заключенія мирныхъ переговоровъ вмѣстѣ съ княземъ Я. Ѳ. Долгоруковымъ и стольника князя Мышетскаго. Можетъ быть, это были родственники Андрея (**). Итакъ, если царевна Софія имѣла сношенія съ Андреемъ, то неиначе, какъ развѣ въ послѣдніе годы своей жизни. Не даромъ образовалось въ расколѣ убѣжденіе, что Софія принадлежала къ сектѣ капитоновъ и что она поощряла старообрядцевъ во всемъ на нее полагаться (***). А Голиковъ, въ слѣдъ за кн. Щербатовымъ говоритъ, что подобное же убѣжденіе существовало въ народѣ относительно перваго министра Софіи и ея фаворита кн. В. В. Голицина (****), хотя по общему мнѣнію нашихъ историковъ это былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени (*****). Авторъ новѣйшей раскольнической «церковной исторіи» не находитъ Софіи честолюбивою интриганкой и вѣритъ отъ всей души въ ея древне-церковное благочестіе (******).

(*) См. Росс. родосл. книг. княз. П. Долгорукова, стр. 32.

(**) Собр. Государ. грам. и догов. т. 2, № 191. Вообще, частію на государственной службѣ, частію при дворѣ, было много князей Мышетскихъ. Въ 1667 г. князь Д. М. Мышетскій былъ воеводою въ Устюгѣ (Акт. Ист. т. V, стр. 37). Въ концѣ царствованія Алексѣя Мих. князь Д. Е. Мышетскій ходилъ посломъ въ Литву для заключенія мира; при второй свадьбѣ Алексѣя Мих. въ процессіи шли съ фонарями — князь Борисъ, да князь Данило Мышетскіе (Полн. Собр. Лѣтоп. т. V, стр. 338); послѣдній былъ потомъ воеводою въ Вильнѣ и геройски защищался противъ литовцевъ, за что дѣти по его смерти были взысканы милостію царя (Соловьевъ, Ист. Россіи. т. XI стр. 162, 1862 г.)

(***) «Три челоб», изд. Кожанч., стр. 65.

(****) См. «Дѣян. Петра В.», т. I.

(*****) Щебальскій, Иловайскій, Соловьевъ.

(******) «По Адріанѣ патріархѣ — мѣстоблюститель Стефанъ, при кото-

Казалось бы отъ Петра В. расколъ всего меньше могъ ждать для себя чего-либо хорошаго: стремленія раскольниковъ совсѣмъ не согласовались съ намѣреніями и цѣлями преобразователя. Но вышло иначе. Начало царствованія Петра сами братья Денисовы отмѣтили, какъ начало новой эры въ исторіи раскола. «Гоненія и бури утишишася, Великому Петру монаршескую пріемлющу область, всюду гоненія и муки о староцерковнѣмъ благочестіи преставаху царскимъ милосердіемъ»: вотъ отзывъ, которымъ начинается въ «Виноградѣ Россійскомъ» біографія Ѳедора Токмачева (**). А Андрей Денисовъ написалъ даже панегирикъ, въ десяти резонахъ витійственно изражающій высоту, отличіе въ россійскихъ вѣнценосцахъ перваго императора Петра Алексѣевича и особенное его покровительство старовѣрческихъ церквей (***). Мы уже указывали на нѣкоторыя обстоятельства, имѣвшія вліяніе на такія отношенія Петра къ расколу. Сначала Петру было нѣкогда заниматься расколомъ среди его великихъ предпріятій; онъ не зналъ числа раскольниковъ и далекъ былъ отъ того, чтобы ждать съ ихъ стороны какой-либо опасности для своей власти. Затѣмъ онъ не хотѣлъ преслѣдовать раскольниковъ потому, что разорвавши всякую связь съ преданіями старорусской жизни, не хотѣлъ подражать своимъ предшественникамъ и въ томъ, что дотолѣ считалось одною изъ существенныхъ обязанностей царской власти, въ преслѣдованіи раскольниковъ. Наконецъ и главнымъ образомъ здѣсь имѣла значеніе его склонность къ вѣротерпимости, получившая начало подъ вліяніемъ его домашнихъ частныхъ отношеній къ Лефорту, семейству Монсовъ и вообще къ Нѣ-

---

ромъ учрежденъ Синодъ... а все то содѣйствовалъ духъ Петра новолюбца и духъ таковый, который даже еще имѣвшихъ искру памятовать о священной древности церковной, какъ то сестру его ц Софію... заключилъ въ обитель.»

(*) См. «Виногр. Р.», гл. 2, ст. 14.

(**) «Катал. Любоп.», № 107.

мецкой слободѣ, — съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ заграничныхъ впечатлѣній и собственнаго образованія Петра развившаяся въ немъ до степени теоріи. «Съ противниками церкви, говорилъ Петръ еще въ 1715 г., нужно съ кротостію и разумомъ поступать, а не такъ, какъ нынѣ — жестокими словами и отчужденіемъ» (*). Нужно принять еще во вниманіе одну черту въ характерѣ Петра. Великій государь одного только не могъ простить никому — отказа трудиться на пользу отечества, праздности, тунеядства. Но онъ былъ милостивъ ко всякому, кто не уклонялся отъ возлагаемыхъ на него волею государя обязанностей общественныхъ и гражданскихъ, каковы бы ни были его убѣжденія. Онъ издѣвался, правда, надъ старорусскими обычаями бояръ, потому что они отстаивали эти обычаи большею частію въ силу одной лишь пустой привычки и еще потому, что Петру невыносимо было видѣть невѣжество и тупоумную апатію ко всякимъ предпріятіямъ въ лицахъ передоваго сословія: но онъ былъ на столько мудръ, что понималъ несправедливость жестокаго преслѣдованія и невозможность искорененія нелюбимыхъ имъ обычаевъ тамъ, гдѣ они имѣли болѣе невинный и искренній характеръ, гдѣ они находились въ неразрывной связи съ религіозными вѣрованіями. Съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ Петръ и на расколъ. «Однажды, разсказываетъ Голиковъ, государь увидѣлъ на биржѣ между иностранными и русскими купцами калужскихъ торговцевъ въ раскольничьемъ костюмѣ и съ удивленьемъ спросилъ: «каковы купцы изъ раскольниковъ? Честны ли, прилежны ли и можно ли имъ вѣрить въ торгу?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ со стороны начальника таможни, Петръ сказалъ: «если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ: когда нельзя обратить ихъ отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособятъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками быть за глупость, ни

(*) «Раскол. Дѣла», XVIII ст. т. II, стр. 218.

они той чести не достойны, ни государство отъ того пользы имѣть не будетъ» (*). Во время нашествія на Россію Карла XII стародубскіе раскольники, по словамъ пр. Журавлева, явили примѣръ вѣрности государю и геройской любви къ отечеству: это вызвало большія льготы имъ со стороны Петра и утвердило его въ той терпимости, какую онъ обнаруживалъ дотолѣ къ расколу вообще.

Итакъ расколу стоило только успокоить государя относительно своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ, чтобы получить отъ него свободу исповѣданія. Андрей Денисовъ съ товарищами вполнѣ понималъ это, и отсюда-то объясняется тотъ образъ дѣйствій, какой онъ предпринялъ для того, чтобъ отстоять самобытное существованіе своей общины. Зная терпимость Петра въ дѣлахъ вѣры, но зная также и его политическую подозрительность, Андрей старается представить дѣло своей общины дѣломъ исключительно религіознымъ, себя «съ товарищи» — людьми, «удалившимися въ Выговскую пустынь по своему обѣщанію отъ мірскихъ суетъ и мятежей» (**); съ этою цѣлію, между прочимъ, онъ далъ своей общинѣ мнимо-монастырское устройство; съ этою цѣлію, — не столько для домашней нужды своей общины, сколько для правительства, — онъ положилъ такъ много труда для написанія своихъ «Поморскихъ отвѣтовъ»: при чтеніи этой книги, при видѣ необыкновенной начитанности и учености ея автора, читателю не приходитъ на мысль, что это интриганъ, скрывающій подъ личиною религіозныхъ убѣжденій иныя цѣли. Далѣе, — какъ въ «Поморскихъ отвѣтахъ», такъ и въ другихъ сочиненіяхъ, назначенныхъ имъ для правительства, Андрей прямо взываетъ къ его вѣротерпимости: «аще убо, говоритъ Андрей въ заключеніе своего сочиненія, изъявленіе, чесо ради не пріемлемъ новодѣйствуемаго нынѣ креще-

---

(*) «Дѣян. Петра В.», т. III, стр. 156—157; т. VIII, стр. 152.

(**) Челобитная Андрея съ товарищи, «Рукп. Сбор. Соф. Библ.» № 1543.

нія, аще убо различни различнихъ вѣръ многочисленніи народи во всеславнѣй Россійстѣй имперіи обитающія, своя дѣйства и тайнотворенія со всякою свободой и безобидно совершаютъ, не токмо христіанскія секты, но и сами безбожніи языцы, яко калмыки, мордовяне... иже своя дѣйства аще и безбожныя кромѣ всякія обиды и препятствія совершаютъ; колико паче намъ, древлецерковнаго благочестія чадомъ... по отеческимъ св. книгамъ надлежащая дѣйства и нуждотворенія во свое спасеніе всемолительно просимъ милостивно уступити, да не паче прочихъ безбожныхъ языковъ обидеми явимся, но елико въ древлеотеческомъ благочестіи свободно пребывати оставляемся, толико во св. древнихъ чиноположеніихъ и тайнодѣйствіихъ необидими покорно оставимся быти, славословяще единаго и всещедраго Бога» (*). Затѣмъ Андрей умѣлъ понять и отношенія Петра къ церковной власти; жалуясь Петру на митрополита новгородскаго Іова по дѣлу о Семенѣ, своемъ братѣ, онъ указываетъ именно на то, что «они намъ творятъ безъ твоего великаго государя указа и безъ вѣдома градоначальствующихъ» (**); въ «Поморскихъ отвѣтахъ» говоря какъ нельзя болѣе уважительно и благоговѣйно о «пресвѣтлѣйшемъ импер. величествѣ», восхваляя его милосердіе и доброту, онъ дозволяетъ себѣ довольно двусмысленныхъ фразъ, ироніи и желчи относительно церковныхъ властей: онъ не дозволилъ бы себѣ этихъ дерзостей, еслибы не былъ увѣренъ, что Петръ не обидится дерзостію противъ церковной власти. Но болѣе всего доставило выговцамъ милостей Петра ихъ мнимое усердіе къ государственнымъ интересамъ, въ которомъ удалось убѣдить государя Андрею при помощи его благопріятелей — олонецкихъ властей. Первое знакомство Петра съ выгорѣцкими раскольниками относится къ 1702 г. Будучи въ Архангельскѣ, Петръ

---

*) См. «Рукоп. Сбор. Имп. Публ. Библ.» № 345 in-4.

(**) См. «Раск. Дѣла», т. I, стр. 306. Это прошеніе вообще написано такъ ловко, какъ будто Андрей читалъ въ мысляхъ Петра. Снес. Есип. т. 2, стр. 128.

вздумалъ оттуда напасть неожиданно на принадлежащій шведамъ Орѣшекъ. Чрезъ непроходимые лѣса и болота съ 4000 войска онъ направилъ свой путь отъ Нюхчи (деревня на берегу моря) на Повѣнецъ. Узнавъ объ этомъ, выговцы до того перепугались, что стали готовить смолу и солому у часовни, чтобы въ случаѣ нужды «огнемъ скончатися»; другіе собирались бѣжать въ глубь лѣсовъ. Андрей одинъ сохранилъ присутствіе духа: назначивъ общій постъ и молитву, онъ убѣдилъ всѣхъ «возложить упованіе на Господа» При переправѣ черезъ р. Выгъ государю доложили, что вверху по рѣкѣ верстъ за сорокъ живутъ старовѣрцы. «Пускай живутъ, отвѣчалъ Петръ, махнувъ рукой и проѣхалъ смирно», разсказываетъ выговскій исторіографъ. Преосвященный Игнатій, въ сочиненіи о «пришествіяхъ Петра В. въ олонецкій край», въ дополненіе къ этому сообщаетъ, что при этомъ представители скита вышли для встрѣчи царя на дорогу и подали ему «униженнѣйшую просьбу съ изъясненіемъ, что готовы служить его величеству, гдѣ и какъ повелитъ» (*). Государь не замедлилъ указать имъ родъ службы: чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ Повѣнецъ Меньшиковъ—«заводы ставити.» Въ Выговскую пустыню явился посланный съ указомъ: «слышно его импер. величеству, что живутъ для старовѣрства разныхъ городовъ собравшіеся въ Выговской пустынѣ,— а нынѣ его величеству для шведской войны и для умноженія оружія ставити два желѣзныхъ завода (**), а одинъ близъ ихъ Выговской пустыни, и чтобъ оныя въ работѣ повѣнецкимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе по возможности своей и за то имп. величество даетъ имъ свободу жити въ той пустынѣ и по старопечатнымъ кни-

(*) Соч. преосв. Игнатія «О пришествіяхъ Петра В. въ олонецкій край», сначала напечатанное въ *Олон. Губ. Вѣдом.* 1848 г., потомъ издано отдѣльною книгой, Спб. 1849.

(**) Точныя истор. свѣдѣнія объ этихъ заводахъ со всѣми подробностями можно читать въ статьѣ «Государственное хозяйство при Петрѣ». Современникъ, 1847 г., ч. VII, стр. 31

гамъ службы свои къ Богу отправляти... И съ того времени Выговская пустынь быти нача подъ игомъ работы его император. величеству», замѣчаетъ недовольный Иванъ Филипповъ. Но если взять во вниманіе, что за это иго раскольники получали свободу «жити въ той пустыни и по старопечатнымъ книгамъ службы отправляти», то это иго окажется льготой, какой не имѣли раскольники другихъ мѣстъ; притомъ самая принадлежность ихъ къ заводамъ не могла быть слишкомъ тяжела уже и потому, что для работъ на заводахъ требовалось немного людей: въ самую цвѣтущую пору на заводахъ было рабочихъ—22 мастера, 33 подмастерья и 219 учениковъ и работниковъ. При такомъ положеніи дѣла собственно монастырь Выговскій и скиты, занимавшіеся богомоленіемъ и подвигами, были свободны отъ этихъ работъ. Что это была льгота, а не иго, доказывается уже и тѣмъ, что «начаша людіе съ разныхъ городовъ староверства ради отъ гоненія собиратися въ Выговской пустыни» и ея окрестностяхъ. На повѣнецкихъ и другихъ заводахъ выговскіе раскольники оказались самыми лучшими работниками; по крайней мѣрѣ такого мнѣнія былъ объ нихъ и такъ доносилъ Петру начальникъ заводовъ де-Геннингъ. «Работники здѣсь не такіе, какъ олонецкіе, писалъ онъ изъ Екатеринбурга» (*). Но особенно распространялся онъ въ защиту раскола по дѣлу о Семенѣ, какъ увидимъ ниже. Нужно знать, чѣмъ была для Петра горнозаводская промышленность вообще и петровскіе заводы въ особенности, чѣмъ былъ де-Геннингъ для Петра, чтобы понять, какія способенъ былъ государь оказать милости людямъ, о которыхъ данъ былъ такой отзывъ. Горные заводы, по смыслу указовъ Петра, были мѣстами привеллигированными, своего рода городами убѣжища: Петръ предписывалъ, чтобы заводскихъ учениковъ и работниковъ, гдѣ бы они ни были, «хотя бы и бѣглые, съ фабрикъ никому не отдавать, даже отданныхъ опять нужно было воз-

(*) См. «Бертана начертаніе горнозавод. дѣла въ Россіи», стр. 42 и д.

вращать на заводы» (*). Петровскіе заводы были единственнымъ мѣстомъ, которое снабжало Петра пушками, ружьями и всѣми военными снарядами во время его борьбы съ Карломъ (**). Что касается до Генинга, то это былъ одинъ изъ ближайшихъ любимцевъ Петра, пользовавшійся необыкновеннымъ уваженіемъ государя, какъ человѣкъ, «своими талантами и необыкновенными трудами доведшій горные заводы въ Россіи до возможной въ то время степени совершенства» (***), какъ человѣкъ, безгранично преданный благу Россіи, понявшій Петра и понятый имъ въ свою очередь, — человѣкъ, который отваживался противорѣчить Петру и говорить ему всегда правду въ глаза (****).

(*) «Пол. Соб Зак.» Т. VI, №№ 3817 и 4057. Этотъ указъ оставался долго дѣйствующимъ и по смерти Петра и, кажется, способствовалъ чрезвычайному умноженію населенія выгорѣцкаго края.

(**) См. «Государств. хозяйство при Петрѣ», «Современникъ» 1847 г. № 7, стр. 31.

(***) См. Татищевъ и его время» Н. Попова. М. 1862 г. стр. 41—45. Памятн. книжка олонец. губ. на 1860 г. (стр. 158) называетъ его отцемъ русской горнозаводской промышленности, замѣчательнѣйшимъ и незабвеннымъ дѣятелемъ русской исторіи.

(****) См. «Жизнеопис. Генинга въ Горномъ журналѣ» 1826 г. №№ 1—,5, 9. 1827 г. №№ 1, 2, 5. — Но какъ смотрѣть на покровительство расколу со стороны этого человѣка? Мельниковъ (Письма о расколѣ) признаетъ это со стороны Генинга дѣломъ справедливости; «по представленію Генинга, говоритъ онъ, Петръ предоставилъ важныя льготы поморскимъ раскольникамъ, на дѣлѣ показавшимъ полезность свою для желѣзныхъ заводовъ и отыскавшимъ сверхъ того золотые рудники». Преосв. Филаретъ (Ист. Р. Ц. пер. V) рѣшительно утверждаетъ, что Генингъ былъ подкупленъ раскольниками и только потому защищалъ ихъ и хвалилъ предъ Петромъ. Мы не беремся рѣшить этотъ трудный вопросъ о нравственности Генинга, но не можемъ согласиться съ послѣднимъ предположеніемъ на томъ основаніи, что въ біографіи Генинга извѣстно много случаевъ его честности, ревности о государственныхъ интересахъ и заступничества за притѣсняемыхъ. Такой человѣкъ могъ заступиться за раскольниковъ, только какъ за хорошихъ работниковъ. Генингъ, какъ иностранецъ-протестантъ, едва ли могъ входить въ релизіозныя дѣла русскихъ, а въ теченіе небольшаго (около трехъ лѣтъ, съ конца 1713 по нач. 1717 г.) времени, которое онъ пробылъ въ томъ краѣ, при своей многосторонней и обширной оффиціальной дѣятельности, онъ и не могъ хорошо узнать расколъ. Замѣчательно, впро-

Петръ началъ строить суда новой формы и издалъ указъ, чтобы вновь старой формы судовъ никто не строилъ: выговцы, имѣвшіе уже право торговать хлѣбомъ на Вытегрѣ, первые подали примѣръ исполненія воли государя. Въ 1714 г. близъ петровскихъ заводовъ открыты были марціальныя воды. Петръ былъ такъ обрадованъ этимъ открытіемъ, что самъ составилъ правила для пользованія ими и самъ не разъ пріѣзжалъ пользоваться ими. Во время этихъ пріѣздовъ его сюда, какъ для этой цѣли, такъ и для осмотра заводовъ (*), выговцы имѣли случай заявлять свое усердіе къ особѣ государя: Андрей каждый разъ, по свидѣтельству исторіи Выговской пустыни, «по совѣту съ братіями и съ суземскимъ старостою и съ выборными» отправлялъ своихъ посланныхъ къ Петру, съ письмами и гостинцами «съ живыми и стрѣляными оленями: ово коней сѣрыхъ пару, ово быковъ большихъ подгнаша ему и являхуся и письма подаваху. Императорское величество милостиво и весело все у нихъ принимаше и письма ихъ въ слухъ читаше; хотя отъ кого со стороны и клеветы были, онъ же тому не внимаше».

Такимъ поведеніемъ выговцы снискали благосклонность правительства; 7 сентября 1705 г. на Алексѣевскихъ заводахъ по приказу губернатора А. Д. Меншикова, за подписью вицъ-коменданта Чоглокова состоялся слѣдующій замѣчательный указъ (**). «По указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича — выгорѣцкимъ жителямъ Тихону Ѳеофилову быть у всѣхъ выгорѣцкихъ жителей старостою, да съ нимъ выборному тутошнему жителю Никифору Никитину для того, что ихъ всѣ выгорѣцкіе жители выбрали къ мірскимъ дѣламъ и выборъ за руками прислали.

чемъ, что историкъ Выговской пустыни не хвалится тѣмъ, чтобы выговцы приносили много пользы для заводовъ.

(*) По свид. преосв. Игнатія всѣхъ пришествій Петра В. въ Олоноцкій край было 8.

(**) Этотъ указъ можно читать только въ «Руп. Сборн. Соф. Библ.» № 1543.

И старостѣ Тихону Ѳеофилову и выборному Никифору Никитину, будучи у выгорѣцкихъ жителей, чинить по указу великаго государя во всемъ правду и справлять по нижеписаннымъ статьямъ: 1) Обрѣвъ гдѣ пристойное мѣсто, учинить земскую избу для бытности старостѣ и выборному у управленія дѣлъ и для сходу мірскимъ людямъ, и выбрать дьячковъ и ходаковъ. 2) Великаго государя о всякихъ дѣлѣхъ и мірскихъ доношеніе имѣть учиненному отъ великаго государя первенствомъ на заводы кому отъ него повелѣно будетъ. 3) Въ выгорѣцкихъ и во всѣхъ новопоселенныхъ мѣстѣхъ жителей имѣть въ земской избѣ въ вѣдомости, кто именно, гдѣ и какими довольствы живутъ, и выбрать межь себя десятниковъ и всякому десятнику въ десяткѣ своемъ управленіе имѣть по повелѣнію старосты и выборнаго. 4) Учинить заказъ, чтобы безъ ихъ старосты и выборнаго вѣдома никто никуда не сходили жить, а какое отъ кого о томъ прошеніе будетъ, и то доносить на заводѣхъ. 5) Буде кто вновь придутъ и гдѣ поселеніе имѣть станутъ и въ томъ явиться имъ старостѣ и выборному, а имъ въ земской избѣ записывати имянно и давать для поселенія льготу. 6) Буде кто не явясь сойдетъ и о такихъ десятникомъ того жъ дня и часа, какъ сойдутъ. сказывать старостѣ и выборному, а имъ старостѣ и выборному того жъ часа догонять и сыскивать, и поймавъ держать въ крѣпи и о томъ побѣгѣ тотчасъ доносить на заводѣхъ. 7) Отъ постороннихъ всякихъ людей тѣхъ новопоселенныхъ жителей оберегать и въ обиду никому не давать и буде кто безъ указу пріѣдетъ, или какія кто безчинія творить станетъ, и тѣхъ имать и присылать на заводы. 8) Какіе имъ выгорѣцкимъ жителемъ еще для распространенія и прибавку надобны земли и угодья и иныя доволности, и то по доношенію, что можно, все дано будетъ. 9) Руды, которыя есть нынѣ найдены, въ тѣхъ выгорѣцкихъ мѣстѣхъ и по смѣтѣ на повѣнецкіе заводы въ годъ къ дѣлу всѣ надобны. и тѣ всѣ нынѣ, не упуста время, поднять и радѣніе всѣмъ показать для поспѣшенія нынѣшняго поздняго времени

безъ разбору. 10) А впредь уставить и выборному къ работамъ, чтобъ всѣ межь себя имѣли уравненіе по людемъ, по пашнѣ и по промысломъ и по животамъ безъ спору. И противъ иныхъ погостовъ льготнѣе. 11) А которые живутъ въ общежительствѣ, и о тѣхъ имѣть имъ старостѣ и выборному отъ начальныхъ надъ ними всякую вѣдомость. И на работы буде отъ нихъ поведену доведется быть: и то имѣть съ ихъ же повелѣнія, а самимъ отнюдь дерзновенія никакова надъ общежительствомъ не чинить. 12) Рудъ вновь сыскивать, и кто сыщетъ, о тѣхъ и доносить, и имъ дано будетъ государево жалованье и отъ работы будутъ свобождены. 13) Паче всего и всѣмъ о рудахъ прилежаніе имѣть, чтобъ ихъ умноженье было, дабы ради ихъ всѣ новопоселенные умѣренную работу имѣли у себя въ близости безъ отлученія и опасенія не имѣли въ томъ, что излишней тягости работной быть, и для того по доношенію старосты и выборнаго даны будутъ для вспоможенія изъ погостовъ кто надобны. 14) Нынѣ для поздняго времени велѣть вскорѣ тѣмъ потрудиться, ожидая за тѣ труды отъ Вышняго воздаянія и отъ великаго государя милости. 15) Сіи статьи на сходѣ прочесть всѣмъ и имѣть въ земской избѣ въ береженіи и чинить по нихъ непремѣнно. А какія дѣла сверхъ сего будутъ, о томъ доношеніе имѣть.»

Очевидно, что этимъ указомъ выговской раскольнической общинѣ давалась почти полная самобытность и правительство какъ бы отрекалось отъ всякаго надзора и вмѣшательства во внутреннія дѣла общины. Староста по указу, правда, обязанъ былъ доносить о всемъ на Петровскіе заводы, но онъ избирался самими выговцами: можно ли же предположить, чтобы они выбрали человѣка, который не былъ бы преданъ интересамъ раскола? А такой человѣкъ сталъ ли бы доносить «внѣшнему» начальству о чемъ либо такомъ, что не имѣло прямою цѣлію благополучія общины? Сталъ ли бы такой выборный доносить напр. о вновь прибывшихъ въ пустынь бѣглыхъ раскольникахъ, чтобы подвергнуть ихъ

если не преслѣдованію, то подати и работѣ въ ущербъ интересамъ общины? Понятно, что эти выборные были только орудіемъ въ рукамъ Андрея, которому и принадлежала въ общинѣ вся дѣйствительная власть, плохо ограничиваемая совѣтомъ выборныхъ. Очевидно, что указываемыя здѣсь обязанности старосты въ отношеніи къ властямъ внѣшнимъ отнюдь не были исполняемы такъ, какъ они исполнялись въ волостяхъ православныхъ, что все дѣло ограничивалось съ ихъ стороны формальностями, — и de facto раскольническая община имѣла почти полную независимость въ отношеніи къ гражданскому правительству. Но мало того: эта община, на сколько она имѣла отношенія къ гражданскому и общественному устройству края, пользовалась даже преимуществами предъ православными: при надѣлѣ раскольниковъ землею «имъ было противъ иныхъ погостовъ льготнѣе», — имъ обѣщалось, что «какія имъ для распространенія и прибавки земли и угодья нужны будутъ, что можно, все дано будетъ.» Общій тонъ всего указа не только благосклонный, но и какъ бы заискивающій: за труды ихъ обѣщаются не только отъ великаго государя милости, но и отъ Всевышняго воздаяніе...

Въ 1711 году Андрей Денисовъ съ товарищи били челомъ великому государю, что «когда посылаются отъ нихъ въ уѣздъ и на море и въ города ради промысловъ, для покупки и для торгу. то имъ чинятся отъ всякихъ чиновъ, а паче отъ духовнаго, обиды и въ вѣрѣ ихъ помѣшательство; также проѣзжіе всякіе люди заѣзжаютъ къ нимъ съ большихъ дорогъ въ сторону и берутъ подводы, отчего имъ чинится не малое разореніе.» По этой жалобѣ указомъ 12 мая того же года отъ имени Меншикова (непосредственному надзору котораго поручены были всѣ олонецкіе заводы и который особенно благоволилъ къ раскольникамъ и лично зналъ Андрея) объявлено: «по с.-петербургской губерніи всѣмъ вообще (въ составъ с.-петерб. губ. входила тогда и нынѣшняя олонецкая), какъ духовнаго, такъ свѣтскаго чину людемъ и кому сей указъ надлежитъ вѣдать, дабы впредь никто вышепоми-

нутымъ общежителемъ Андрею Денисову съ товарищи и посланнымъ отъ нихъ обидъ и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣшательства отнюдь не чинили подъ опасеніемъ жестокаго истязанія.» Въ началѣ 1714 г. Андрей подавалъ еще челобитную, въ которой объяснилъ, что «желаетъ онъ со иными въ Выговской пустыни жить по своему обѣщанію, удаляяся мірскихъ суетъ и мятежей, а въ пищахъ и одеждахъ отъ своихъ трудовъ въ тѣхъ пустыхъ мѣстахъ пашнею и милостынею за далекостію отъ жительствъ удоволиваться не чѣмъ,— и терпятъ нужды, а выѣхать на море и около него въ лѣсахъ, гдѣ надлежитъ, трудами жь на общежительство уловить отъ рыбъ и отъ звѣрей — такъ же, какъ пріѣзжая, и тутошніе жители кормятся, платя пошлины, — а безъ указу не смѣютъ того чинить, понеже заставные люди спрашиваютъ указу.» Просьба опять удовлетворена: Андрею позволено разсылать своихъ людей для рыбной и звѣриной ловли, куда похочетъ, и даны списки съ указа, чтобы никто не мѣшалъ имъ въ этомъ: «понеже они къ работамъ отданы къ олонецкимъ желѣзнымъ заводамъ....» (*)

Съ 1714 г. въ отношеніяхъ Петра къ расколу произошла перемѣна. Въ это время послѣдовало донесеніе преосв. Питирима изъ Нижняго, что въ городахъ нижегородской губерніи раскольниковъ до 200 тысячъ, что они государственному благополучію не радуются, а радуются несчастію; безпоповщина въ молитвахъ царя не поминаетъ, попы утаиваютъ раскольниковъ. Донесеніе это пришло къ Петру не въ добрую пору: въ то время Петръ производилъ розыски по дѣлу царевича Алексѣя, и одно изъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, нѣкто Дубровскій, на допросѣ показалъ, что «у царевича въ деревняхъ живутъ раскольники и всѣ они любятъ его» (**). Петръ обложилъ расколъ двойнымъ подушнымъ окладомъ, уклоняющихся отъ него — мірскихъ людей опре-

(*) И эти указы мы нашли только въ ркп. сборн. Соф. б—ки, № 1543.
(**) См. Устрялова, «Исторія Петра Вел.» т. 6. стр. 269.

дѣлалъ ссылать на каторгу, а монаховъ и монахинь — въ монастырь подъ начало; за тѣмъ, посылая въ 1718 г. Ржевскаго въ Нижній для содѣйствія Питириму, Петръ между прочимъ предписывалъ ему — учителей раскольническихъ, буде возможно, вину сыскавъ кромѣ раскола — съ наказаніемъ и вырѣзавъ ноздри ссылать на галеру (*) Съ этого времени начинается страшный рядъ «раскольничьихъ дѣлъ XVIII стол.» по «слову и дѣлу» въ преображенскомъ приказѣ и тайной канцеляріи.... Донесеніе преосв. Питирима въ связи съ дѣломъ царевича Алексѣя не осталось безъ вліянія и на судьбу выгорѣцкихъ раскольниковъ (**). Но, благодаря энергіи Андрея, это вліяніе было далеко не такое, какъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ Ржевскому Петръ предписывалъ наблюсти, чтобы раскольники не были избираемы въ старосты: а въ Выговской пустыни прежній порядокъ управленія остался неприкосновеннымъ; по крайней мѣрѣ въ 1723 году подъ «Поморскими отвѣтами» мы видимъ подпись не только настоятеля общежительства Данилы Викулина, но и выборнаго старосты Ипата Ефремова (***). Изъ послѣдующей

(*) «Раскол. дѣл.» XVIII ст., т. II, стр 221

(**) Семенъ Денисовъ, схваченный въ Новгородѣ, защищался тѣмъ, что онъ пріѣхалъ туда «по приказу Александра Васильевича Кикина, съ даннымъ отъ него пашпортомъ.» Этотъ Кикинъ, одинъ изъ начальниковъ на заводахъ, очень можетъ-быть, былъ родственникъ того Кикина, который игралъ такую видную роль между приверженцами царев. Алексѣя, былъ самымъ близкимъ лицемъ къ царевичу и имѣлъ такое дурное вліяніе на развитіе его характера и на его судьбу. См. «изслѣд. по дѣлу цар. Алексѣя, Погодина, Чтенія М. О. Ист. и Древн.» 1860.

(***) Онъ въ тоже время былъ учителемъ Сергіева скита, какъ показываетъ Круглый (См. ст. И. А. Чистовича, «Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн.» 1859 г. кн. 3; Есип. т. I, стр 377). Эту подпись можно видѣть лишь на одномъ экземплярѣ «Поморскихъ отвѣтовъ,» принадлежащемъ Соф. б — кѣ; онъ скрѣпленъ по листамъ собственноручною подписью этихъ двухъ лицъ, Данилы и Ипата; едва ли это не автографъ; можетъ быть, одинъ изъ тѣхъ двухъ экземпляровъ, которые выговскіе выборные принесли въ избу, въ которой препирались съ Неофитомъ и изъ которыхъ одинъ вручили прилучившемуся тутъ оберъ-гофмейстеру Олсуфьеву, «иже возжела вопросоотвѣты видѣти....» по повелѣнію ландрата «вопросоотвѣты въ книзѣ написанные и руками подкрѣпленные ему Олсуфье-

исторіи Выговской пустыни не видно, чтобы и послѣ это устройство было отмѣнено. Далѣе: указъ о двойномъ подушномъ окладѣ, изданный первоначально въ 1714 г., подтвержденный въ 1716 и въ 1718 окончательно приведенный въ исполненіе повсюду, достигъ въ Выговскую пустынь не раньше 1724 г. Въ сентябрѣ 1723 г. указомъ адмиралтействъ-коллегіи предписано было ландрату Муравьеву «въ оную коллегію прислать извѣстіе — въ Выговской пустыни раскольниковъ колпкое число при заводѣхъ и у извѣстной ломки при работѣ, и пашенные или какіе промыслы они имѣютъ ли, и сборы какіе съ нихъ положены ль, или за тѣ сборы заработываютъ, и съ другими работными равно ль, или въ тѣхъ работахъ имъ есть какая отмѣна» (*). За тѣмъ уже въ февралѣ 1724 г. присланъ былъ указъ сената, чтобы выгорѣцкихъ раскольниковъ обложить двойнымъ окладомъ по примѣру того, какъ по представленію преосв. Питирима сдѣлано въ нижегородской губерніи, — сдѣлавъ предварительно опись всѣмъ раскольникамъ. Но въ началѣ 1725 г. выговцы подали челобитную, чтобъ ихъ уволили отъ двойнаго платежа и позволили быть по прежнему при заводской работѣ — и просьба ихъ была удовлетворена (**). Преосв. Питиримъ, какъ извѣстно, поставилъ на видъ государю (***), что ссылка раскольниковъ, уклоняющихся отъ платежа двойнаго оклада, въ Сибирь только содѣйствуетъ усиленію тамъ раскола, потому что сами охотники сбѣгались туда. И вотъ 8 февраля 1724 г. Петръ пишетъ собственноручный указъ сенату: «есть вѣдомость, что раскольники, которые живутъ близъ Повѣнца намѣрились уйдти въ Сибирь (конечно, подъ вліяніемъ но-

---

ву подана, и молвила, да свезетъ оные Петру». Въ экземплярѣ Соф. б — ки отвѣты писаны уставомъ, а по листамъ скрѣплены подписью скорописною: к симъ — общесоборнымъ — выгопустыннымъ — отвѣтомъ — .... Даніилъ Викулинъ руку приложилъ. И подъ нимъ: к симъ — и пр. — выборный староста — руку и пр.

(*) См. ркп. «Сб. Соф б — ки, № 1543.

(**) См «Собр. правит. постан. по раск.,» кн. I, указъ 1725 г. апрѣля 25.

(***) См. «Исторію нижегородскихъ іерарх.» Архим. Макарія, стр. 94.

выхъ мѣръ Петра) и нѣкоторые уже и поѣхали.... по моему мнѣнію мочно къ нимъ явный указъ послать: ежели такъ станутъ дѣлать, то какъ бѣглецы будутъ казнены, понеже имъ всякая свобода есть.... а тамъ ихъ и такъ много» (*). Вслѣдствіе этого изъ сената послѣдовалъ указъ ландрату Муравьеву: «Онымъ раскольникамъ объявить, чтобъ оные.... никуда не сбѣгали, а въ томъ ихъ обязать другъ въ другѣ порукою.... а буде куда побѣгутъ, за то казнены будутъ и пр.» (**).

Близкія отношенія Андрея къ мѣстнымъ властямъ были причиною того, что не смотря на всѣ эти указы Выговская община продолжала благоденствовать. А до какой степени близокъ былъ Андрей съ этими властями, это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа біографа Андрея. Случилось Андрею за общебратскими нуждами быть въ Каргополѣ и ѣхалъ онъ ночью по посаду. Вдругъ на встрѣчу попались «весьма борзо ѣдущіе» и закричали: что за люди? Возница смѣло и самоувѣренно отвѣчалъ: выговляне! «Они же, діаволомъ научени, крикнуша: о, тотъ-то намъ и надобенъ,—и устремились, какъ лютые звѣри, на блаженнаго отца, никогда никакой досады имъ не учинившаго. Помилуйте, добрые люди, чужестраннаго человѣка! возопилъ Андрей. Но они никакой милости надъ нимъ не учиниша, и толико озлобиша его, яко еле жива оставиша.... и убѣгоша. Воевода и прочіи знаеміи ему первоначальніи града, услышавъ сіе, весьма соболѣзноваша, и догадками намекаше ему на оныхъ злодѣевъ, и совѣтоваше, чтобы подалъ на нихъ челобитную, и они бы скоро отыскали ихъ и учинили наказаніе. Но Андрей никако къ сему совѣту преклонися: аще попустившему ихъ Создателю моему тако мя за грѣхи наказати, то кто азъ есмь — земля и пепелъ,—говорилъ будто бы Андрей,—противитися святѣй Его волѣ, благодѣтелей толикихъ, духовно мя обла-

(*) См. «Раск. дѣл. XVIII ст., т. II, стр. 307.
(**) «Рки. сб. Соф. б — ки», № 1543.

годѣтельствовавшихъ, буду озлобляти?» Въ другомъ мѣстѣ тотъ же біографъ разсказываетъ: «въ политическихъ и гражданскихъ случайно бываемыхъ разговорахъ весьма чиновнымъ господамъ превожделѣненъ показовашеся;» такъ Андрей разглагольствовалъ однажды о нѣкіихъ политическихъ дѣлахъ съ господами петрозаводскими ландратами. Своею бесѣдою онъ ихъ въ толикое любленіе себе привлекъ, что одинъ изъ нихъ нача въ жалость преклонятися, еже таковый многоумный мужъ темною пустынею обладанъ бысть и сказалъ: «о, еслибы ты, А. Діонисьевичъ, въ нашихъ дѣлахъ былъ безпрепятствуемъ пустынею, то бы надежно быть тебѣ между нами высокимъ господиномъ». Другой ландратъ въ другое время сказалъ ему: «еслибы ты, А. Д—чъ, былъ согласенъ съ великороссійскою церковію, то бы надежно быть тебѣ у насъ патріархомъ». Когда Андрей умеръ, то два знатныхъ мужа разсуждали о немъ и обратились къ прилучившемуся тутъ общежителю Андреевой пустыни съ такою рѣчью: «еще ли остался у васъ другой Андрей? и сами другъ къ другу отглаголаша: негдѣ взять и не сыскать во всѣхъ старовѣрцахъ, и нѣтъ и впредь не будетъ»!

Но знакомства Андрея не ограничивались одними олонецкими властями. Многіе великіе и именитые особы въ Петербургѣ и Москвѣ не гнушались приношеніями Андрея Денисьевича и имѣли даже будто бы съ нимъ переписку. Въ каталогѣ Любопытнаго Андрею приписывается не только посланіе къ г. Геону (Геннингу) на Петровскіе заводы, въ которомъ проситъ его о защитѣ отъ притѣсненій гражданскаго начальства, а паче отъ насилій іер. Неофита... (*), но также благодарственное и похвальное слово графу, бывшему при дворѣ царя, также благодарственное и просительное о

(*) Любопытный здѣсь спутываетъ дѣло. Неофитъ пріѣзжалъ на заводы въ 1722 г. при ландратѣ Муравьевѣ. Генингъ былъ здѣсь начальникомъ съ 1713 по 1717 г. и послѣ на два мѣсяца въ 1720 г.: въ этомъ году онъ перемѣщенъ въ Екатеринбургъ. См. «біографію его въ горномъ журналѣ» 1826—1828 г.

церковной пользѣ посланіе къ высокопревосходительному господину (*). Это были лица, державшіе въ рукахъ высшее государственное управленіе,—Ушаковъ, Макаровъ, Ягужинскій и самъ А. Д. Меншиковъ. Можетъ быть, Андрей пользовался услугами своихъ родственниковъ, князей Мышетскихъ, которыхъ было довольно много при дворѣ Петра: одиннадцать князей Мышетскихъ владѣли въ 1699 г, разными населенными имѣніями, четверо были стольниками при дворѣ Петра—Иванъ Данилычъ, Иванъ Тимоѳѣичъ, Григорій Богданычъ и Мартиньянъ Семенычъ (**).

При такихъ связяхъ Андрея, немногія непріятности, случавшіяся при жизни его, были лишь частными непредвидѣнными случаями, а не слѣдствіемъ какого-либо систематическаго гоненія на выговцевъ. Они напугали выговцевъ, но не имѣли никакихъ серіозныхъ послѣдствій для общины, между тѣмъ обнаружили въ полной силѣ энергію Андрея и его могущество. Такими приключеніями были четырехлѣтнія «узы» Семена въ Новгородѣ и кратковременное заключеніе Данилы Викулина на Петровскихъ заводахъ. Разсказъ біографа Андрея объ узахъ Семена весьма характеристиченъ. Отправившись въ Новгородъ «для исполненія потребныхъ ему дѣлъ» (испросить позволеніе перенести монастырь на болѣе людное и хлѣбородное мѣсто на р. Чаженкѣ), «а паче для достиженія великихъ четіихъ-миней Макарьевскихъ», Семенъ былъ здѣсь схваченъ по приказу митрополита Іова, вслѣдствіе доноса Леонтія Лыскова, враждовавшаго противъ выговцевъ за учиненное ему въ монастырѣ наказаніе. Семенъ подъ пыткою могъ выдать тайны монастыря и надѣлать выговцамъ много затрудненій и хлопотъ. Поэтому поимка его, по разсказу біографа Андреева, подняла на ноги весь монастырь. Въ обители и по всѣмъ скитонаселеньямъ заповѣданъ былъ постъ, назначено было каждому дѣлать по 300 поклоновъ въ

(*) См. «Каталогъ Любопытнаго,» №№ 101—108.

(**) См. «Росс. родосл. кн. княз. Долгор.», стр. 33.

день кромѣ келейныхъ, предоставленныхъ на волю каждаго. Андрей между тѣмъ хлопоталъ въ это время въ Петербургѣ «о милости у великихъ господъ»: и «толикую милость обрѣте, яко для освобожденія узника самъ пресвѣтлѣйшій Меншиковъ подвижеся въ Новгородъ». Но даже и его ходатайство будто бы не имѣло успѣха. Не болѣе имѣли успѣха и письма другихъ знатныхъ особъ къ митрополиту Іову. Умилостивленный Андреемъ, ландрихтеръ Корсаковъ придумалъ слѣдующій способъ для освобожденія Семена. Онъ убѣдилъ Іова подъ какимъ-то предлогомъ вмѣстѣ съ узникомъ отправиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ устроилъ для царя обѣдъ, чтобы царское величество къ веселію склонить, на который пригласилъ и Іова. Когда царю нужно было идти на пиръ, Семенъ поставленъ былъ въ преддверіи. «Кто ты и откуду?» спросилъ его Петръ. Семенъ «аще и краткою бесѣдою, но многимъ разумомъ вся о себѣ исповѣда и крестнымъ двуперстнымъ знаменіемъ показа себе быти древняго благочестія ревнителя непреклонна». Самодержецъ, похваливъ крестное знаменіе, рече: добрѣ крестишися. Нынѣ вы содержите седмь просфоръ, а я обрѣтохъ зѣло древнюю книгу, въ которой предписывается только пять. Семенъ отвѣчалъ: доколѣ за ваше царское величество особливая просфора приносима бяше, дотолѣ литургія на седми просфорахъ совершалась непремѣнно». Дѣло кончилось тѣмъ, что царь не велѣлъ казнить Семена, но предоставилъ Іову убѣждать его: царь не хотѣлъ оскорбить знаменитаго іерарха, извѣстнаго ему своими просвѣщенными и человѣколюбивыми трудами (*), рѣшительнымъ освобожденіемъ Семена, — онъ снова отвезенъ въ Новгородъ. Тогда Андрей рѣшился обратиться къ государю съ формальною просьбою отъ лица всей выговской общины. Андрей написалъ замѣчательное прошеніе, въ которомъ упоминалъ о данныхъ Петромъ правахъ выговскому общежительству, о трудахъ и заслугахъ его на

(*) См. статью о немъ въ «Странникѣ» 1860 г. И. А. Чистовича.

заводахъ, затѣмъ ссылался на примѣръ Іисуса Христа, апостоловъ и св. отцевъ, которые не принуждали къ вѣрѣ насиліемъ. «Царь Константинъ также запретилъ народу, да не гонитъ вѣры ради одинъ другаго, не хощетъ бо Богъ нашъ, да кто неволею и нуждею убѣжденъ къ Нему приходитъ, — яко и ваше богохранимое царское величество отъ мучительства за старыя книги умилостиви насъ своя раби.... Древле и св. архіереи надъ еретиками не творили мученій, яко же познавается по исторіямъ». Андрей указываетъ на 92 правило карѳагенскаго собора, на Златоуста, который ограничился въ отношеніи къ еретикамъ тѣмъ, что просилъ царя, чтобы они церкви не имѣли внутрь Царьграда. «Мы же убозіи догматовъ и ересей никакихъ не нововведохомъ, ниже градскія церкви обладаемъ, ниже ихъ, духовныхъ, доходы себѣ отлучихомъ, но въ пустыхъ мѣстѣхъ... о вашей милосердой державѣ Господа молимъ, и страждемъ паче всѣхъ вѣръ на земли, и се они творятъ намъ безъ твоего, великій государь, указа и безъ вѣдома градоначальствующихъ... Ей, владыко самодержце, ей, всемилостивый монарше, помилуй насъ бѣдныхъ.... Аще прочимъ иновѣрцамъ изливаются потоки твоего милосердія, аще татарамъ и инымъ безбожнымъ заря твоего милосердія свѣтитъ, да возсіяетъ и намъ пресладкія свободы свѣтъ». Это прошеніе, подписанное Даниломъ съ товарищи, Геннигъ взялся доставить государю: онъ отправилъ его съ своимъ письмомъ, въ которомъ объяснилъ, что «новгородскій архіерей не своимъ разсмотрѣніемъ управляетъ, а вѣритъ бездѣльникамъ», что «Семенъ Денисовъ, который сидитъ у него въ тюрьмѣ, въ сыску руды былъ годенъ и предъ другими радѣтеленъ въ заводской работѣ: пожалуй, прикажи архіерею его освободить изъ караула, а отъ твоихъ государевыхъ дѣлъ не трогать и не ловить...» Послѣ того, какъ первое прошеніе осталось безъ дѣйствія, Андрей пишетъ второе: здѣсь Андрей пускается на выдумки, — будто Семенъ знаетъ «руду златую и серебряную» и хотѣлъ открыть ее государю; но такъ какъ въ

жестокомъ заключеніи не свободно доносить, а наипаче нынѣ на смертное томленіе осуждается ни за какую вину, то да повелитъ самодержавство твое рабовъ твоихъ Семена и Евпла освободить отъ онаго томленія и взять въ адмиралтейство, да донесетъ вашему императорскому величеству, да не како.... тыя дражайшія матеріи въ земли безъизвѣстны останутся». Но и это прошеніе осталось безъ дѣйствія. «Такъ исполнилось пророческое слово, замѣчаетъ біографъ, повелѣвающее не надѣяться на князи и на сыны человѣческіе....» Но Семенъ обратилъ въ расколъ своего караульнаго солдата Тукачева и вмѣстѣ съ нимъ прибѣжалъ въ Выговскую пустынь. Тукачевъ въ награду за свою услугу былъ сдѣланъ настоятелемъ часовни близъ Сергіева скита (*).

Не успѣла окончиться одна бѣда, какъ случилась другая. Одинъ изъ общежителей, недовольный монастырскими уставами, бѣжалъ съ Выга на Волгу и попался тамъ въ грабежъ. Избывая смерти, онъ сказалъ «слово и дѣло» и привезенный въ Преображенскій приказъ, объявилъ о старовѣрствѣ выговцевъ. Немедленно послано было на Петровскіе заводы приказаніе схватить Данилу съ товарищи... Заступничество Генинга спасло Данилу. Онъ написалъ Петру письмо въ защиту выговцевъ и отправилъ его въ Петербургъ съ своимъ деньщикомъ. Въ то время Петръ былъ занятъ судомъ надъ своимъ сыномъ и былъ постоянно не въ духѣ. Вельможи и приближенные Петра благопріятствовали выговцамъ, но боялись, чтобы неблаговременной подачей письма Генинга не раздражить противъ нихъ государя. Однако письмо было подано Петру Ушаковымъ. Бывши въ Новгородѣ, государь послалъ оттуда нарочитаго съ приказаніемъ освободить Данилу. При этомъ онъ вспомнилъ о Семенѣ Денисьевѣ: все ли еще сидитъ онъ въ тюрьмѣ? и узнавъ, что Семенъ бѣжалъ казалъ: Богъ съ нимъ!

(*) Есип. т. I, стр. 310—378.

VII.

Миссія Неофита; причина ея неуспѣха. — Мѣры, проэктированныя св. Синодомъ къ искорененію раскола въ Поморьѣ. — Настоятельство Семена; доносы Халтурина и Круглаго.

Въ концѣ 1722 г. спокойствіе выговцевъ было нарушено прибытіемъ къ нимъ іером. Неофита (*). Успѣхъ дѣйствій преосв. Питирима на Керженцѣ подалъ Петру В. мысль (**) отправить миссіонера и къ раскольникамъ выгорѣцкимъ. Но замѣчательно, что инструкція (***), данная Неофиту, какъ бы въ соотвѣтствіе прежнимъ милостивымъ отношеніямъ Петра къ выговцамъ, существенно разнится отъ тѣхъ правилъ, какихъ находилъ нужнымъ держаться въ своихъ дѣйствіяхъ противъ раскольниковъ преосв. Питиримъ, и отъ тѣхъ наставленій, какія государь сдѣлалъ ему отъ себя лично, посылая къ нему на помощь Ржевскаго (****). «Св. Синодъ не

(*) Разсказъ о миссіи Неофита по подлиннымъ офиціальнымъ документамъ см. въ статьѣ И. А. Чистовича — «Чт. М. О. Ист. и Древн.» 1859. кн. 3. Разсказъ о томъ же съ раскольнической точки зрѣнія — въ особомъ сочиненіи Андрея Денисова — «исторія краткая о отвѣтахъ сихъ», которое находится въ приложеніи къ нѣкоторымъ экземплярамъ Поморскихъ отвѣтовъ; отдѣльно оно есть въ «Имп. Публ. Библ.» № 102 in 4 o. Такъ какъ въ существующихъ сочиненіяхъ по исторіи раскола это событіе излагается съ подробностями, то мы не будемъ разсказывать фактическихъ подробностей дѣла и ограничимся общими замѣчаніями.

(**) Что начинаніе этого дѣла принадлежитъ Петру, это видно изъ относящихся сюда указовъ. Воля государя объявлена была въ Синодѣ Ѳеодосіемъ, архіеп. новгородскимъ. Указы можно читать отчасти въ «Соб. Соф. Библ.» № 1543, отчасти въ «Рукоп. Сборн. Имп. Публ. Библ.» № 401 in 4-o; именные указы Государя, сената и Синода можно читать въ рук. «Собр. прав. постан. по расколу». т. I; здѣсь же и инструкція Неофиту.

(***) Такая же инструкція дана была и іером. Іосафу Рѣшилову, посланному въ черниговскіе скиты. См. «Собр. правит. постан. по расколу», т. I.

(****) См. Есипова, т. II, въ статьѣ «Керженцы». Ландратъ Муравьевъ только одинъ разъ угрожалъ градскимъ судомъ и казнію однимъ главнымъ учителямъ выгорѣцкимъ и то лишь за ослушаніе высочайшей власти, когда они не хотѣли рѣшительно явиться на заводъ для состя-

намѣренъ, говорится въ инструкціи, никакимъ образомъ оныхъ (раскольниковъ) удерживать и озлоблять, но со усердіемъ требуетъ свободнаго о противности съ ними разглагольствія». Затѣмъ инструкція устраняетъ всякое содѣйствіе принудительныхъ мѣръ со стороны гражданской власти: Неофиту предписывается пригласить «на разглагольство ландрата и прочихъ знатныхъ персонъ», но «не для иныхъ какихъ способовъ, а единственно достовѣрнаго ради свидѣтельства, котораго бъ никто пороковать не могъ»; — велѣно было раскольниковъ «къ скорому и неосмотрительному отвѣту не принуждать, а дать справиться съ книгами; съ упорными и непокорными никакой жестокости не употреблять и свободы ихъ не пресѣкать».

Миссія Неофита не имѣла успѣха Неофитъ былъ не лучшій изъ миссіонеровъ, имѣвшихся тогда «при св. Синодѣ у раскольническихъ дѣлъ». Самъ св. Синодъ предполагалъ сначала отправить въ Поморье (*) іеромонаха Филарета, «обратившагося отъ раскольнической противности», который въ 1721 г. вызываемъ былъ въ Синодъ для состязанія съ раскольниками (**), которыхъ св. Синодъ приглашалъ безбоязненно приходить къ нему за рѣшеніемъ своихъ недоразумѣній (***); но «преосв. Питиримъ просилъ оставить Филарета для нуждъ нижегородской епархіи и на мѣсто его рекомендовалъ Неофита, представляя, что «онъ имѣетъ къ разглагольствію съ раскольниками неусыпную охоту и вѣдѣніе Писанія не точію не менѣе Филарета, но и вящше». Между прочимъ самъ же Питиримъ, нѣсколько раньше, испрашивая у св. Синода разрѣшенія перевести въ новооснованный Керженьмятскій монастырь монаховъ Спасораевской пустыни,

---

заній. «Указъ Е. И. В. изъ канцеляріи Петровскихъ заводовъ выгорѣцкимъ жителямъ Данилу Викулину, да Андрею Денисову съ товарищи» можно читать только въ «Рукоп. Сборн. Имп. Публ. Библ.», № 401, in 4-o.

(*) См. ст. И. А. Чистовича, стр. 162.

(**) «Собр. пост. по раск.» кн. 1. Указъ на имя преосв. Питирима 1721 г.

(***) «Полное Собр. Зак., т. VI, № 3925.

изъ числа которыхъ былъ Неофитъ, такъ отзывался объ нихъ: «есть въ балахнинскомъ уѣздѣ Раевская пустынь и въ той пустыни монаховъ всего 15 человѣкъ, но и тѣ самые простѣйшіе и весьма неученые» и пр. (*). Въ «объявленіи, како преосв. Питиримъ размѣнялся отвѣтами съ діакономъ Александромъ», Неофитъ подписался послѣднимъ изъ присутствовавшихъ тутъ духовныхъ лицъ: «Благовѣщенскаго монастыря старецъ Неофитъ» (**). Липранди, извѣстный предсѣдатель коммиссіи о сконцахъ, перечитавшій, по его словамъ, десятки тысячъ раскольническихъ дѣлъ и, по видимому, знатокъ раскола, говоритъ, что Неофитъ не имѣлъ надлежащихъ познаній и не могъ хорошо выполнить возложеннаго на него порученія (***). Изъ инструкціи Неофиту видно, что посылая его къ выговцамъ, не ожидали, что онъ встрѣтитъ въ олонецкихъ лѣсахъ такого сильнаго противника, какимъ оказался Денисовъ. И самъ Неофитъ, по примѣру Питирима, давая выговцамъ 106 вопросовъ, думалъ, конечно, поставить ихъ въ то затрудненіе, въ какомъ въ свое время находились діаконъ Александръ съ товарищи, но оказалось, что на сколько самъ Неофитъ былъ слабѣе Питирима, на столько Андрей съ своею школой былъ сильнѣе діакона Александра съ братіей. Большую часть жизни своей, употребивъ на изыскиваніе «доказательствъ» своего ученія, Андрей теперь напрягалъ всѣ свои силы; независимо отъ опасности, которая грозила всей общинѣ, дѣло касалось личнаго самолюбія и достоинства самаго Андрея. Въ инструкціи, данной Неофиту къ раскольнической толпѣ, провозглашалось, что ея учители «не свѣдуще Писанія, ни силы Божіей, лживымъ своимъ ученіемъ прельщаютъ простой народъ и предъ таковыми прельщенными показуютъ себе быти мудрыми, весьма невѣжды суще, должнаго же ради

(*) «Истор. Нижегор. іерарх. архим. Макарія», стр. 50.

(**) См. «Рукоп. Имп. Публ. Библ.», № 82, 1, 1, по катал. Эрмитажа. Также: въ «Росс. Вивліоѳ.», т. XV, въ концѣ.

(***) «Кельс.», вып. 2, стр. 148.

разглагольствія себе не представляютъ, отговариваяся лживо, яко бы за страхъ удержанія и тѣлеснаго наказанія, что̀ явно есть отбывательство и хотящаго имъ обличенія избѣжаніе». Это говорилось въ инструкціи Неофиту, которая представлена имъ была въ правленіе олонецкихъ заводовъ, гдѣ каждый желающій могъ ее прочитать (*), и при вниманіи къ дѣлу могъ найдти такое показаніе очень правдоподобнымъ.

Написавъ свои отвѣты, Андрей не вручилъ ихъ самъ и не отправился лично препираться съ Неофитомъ: «се есть нѣчто не просто», доносилъ Неофитъ. Причиной этого было съ одной стороны нежеланіе подтвердить въ глазахъ всѣхъ, что онъ «главный учитель», какъ называлъ его Неофитъ, доказывая, что Андрей обманываетъ народъ, а съ другой—опасеніе быть схваченнымъ и отвезеннымъ въ Петербургъ на подобіе діакона Александра (**). Отправивъ для пренія съ Неофитомъ своего наперстника Мануила Петрова съ нѣсколькими другими, Андрей велѣлъ имъ уклоняться отъ устныхъ преній и болѣе ссылаться на книгу принесенныхъ ими отвѣтовъ. «О семъ во отвѣтѣхъ написано, благоволи отвѣты наши чести и тамо о сихъ засвидѣтельствуется», говорили выговцы, «и моляху г. ландрата, да чинное будетъ разглагольство, да прежде прочтется вопросъ, и на той—отвѣтство наше, на отвѣтство же, яко же хощетъ учитель, возотвѣтствуетъ. Сице г. ландратъ присуждаше, тако и прилучившіеся офицеры приглашаху, сице прочіи народи желаху». Но съ діалектикой и эрудиціей автора Поморскихъ отвѣтовъ, безъ предварительнаго изученія ихъ, трудно было справиться такому человѣку «самому простѣйшему и неученому», какъ называлъ преосв. Питиримъ Неофита. Давая вопросы свои выговцамъ, по примѣру Питирима, Неофитъ упустилъ изъ вниманія, что преосв. Питиримъ, при-

(*) У раскольниковъ эта инструкція распространилась во множествѣ списковъ.

(**) Казнь діакона только что послѣдовала передъ тѣмъ 13 февр. 1729 года. См. «Собр. Зак.», т. VI, № 3522.

ступая къ собесѣдованію съ керженцами, предварительно размѣнялся съ ними вопросами и отвѣтами, что, слѣдовательно, во время преній онъ имѣлъ возможность не только предлагать имъ свои доказательства, но и рѣшать ихъ возраженія, съ которыми познакомился заранѣе. Но главная причина безуспѣшности миссіи Неофита заключалась въ тогдашнемъ положеніи поморскаго раскола. Слово убѣжденія могло бы еще имѣть на выговлянъ нѣкоторое дѣйствіе, еслибы только они хоть сколько-нибудь чувствовали слабость своего положенія, имѣли хоть сколько-нибудь того желанія препираться «объ истинѣ», какимъ характеризуется періодъ челобитныхъ, еслибъ они смотрѣли на церковь безъ крайнихъ предубѣжденій и опасеній. Но среди того матеріальнаго благосостоянія, которое доставилъ Андрей своею энергіей Выговской общинѣ, раскольники вполнѣ удовлетворялись тѣмъ ученіемъ, тѣми мнимо-церковными порядками, какіе далъ имъ Андрей. При видѣ богатства и благолѣпія ихъ «храмовъ», при видѣ торжественныхъ празднествъ и свѣтлыхъ ликованій, отправлявшихся въ монастырѣ и въ скитахъ, съ богослуженіемъ и краснорѣчивыми проповѣдями Андрея,— въ общинѣ укрѣпилось самодовольство и рѣшительное нежеланіе искать мира и единенія съ церковію; они заботились не о томъ, чтобы найдти истину, а чтобъ оградить себя отъ всякихъ попытокъ со стороны церкви обратить ихъ на путь истины. При такомъ положеніи вещей едва ли можно было что-либо сдѣлать путемъ убѣжденія. А Неофитъ пріѣхалъ лишь препираться, онъ не имѣлъ за собою содѣйствія Ржевскаго,— всѣ мѣстныя власти, задобренныя раскольниками, склонны были скорѣе содѣйствовать имъ, нежели Неофиту.

Не обративъ къ церкви ни одного раскольника, Неофитъ за то сообщилъ рядомъ донесеній и отчетовъ въ св. Синодъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о поморскомъ расколѣ, которыми были вызваны нѣкоторыя распоряженія правительства. Такъ, въ 1725 г. преосв. Ѳеофилактъ предлагалъ св.

Синоду, по соглашенія съ сенатомъ, употребить въ дѣйствіе болѣе надежную мѣру, состоящую въ томъ, чтобы, на основаніи высочайшихъ указовъ (1721, февр. 19 и др.) о возвращеніи бѣглыхъ людей, крестьянъ и бобылей на ихъ прежнія жилища, уничтожить самое гнѣздо выгорѣцкаго раскола, раздѣливъ по разнымъ мѣстамъ его жителей, большею частію бѣжавшихъ изъ разныхъ городовъ и селеній. Этою мѣрой, съ одной стороны, расколъ лишался главной поддержки, заключавшейся, при большемъ числѣ раскольниковъ, въ его сосредоточенности на одномъ мѣстѣ, и долженъ былъ ослабѣть отъ собственнаго раздѣленія; съ другой стороны, раскольники, бывъ раздѣлены по разнымъ мѣстамъ, гдѣ они жили прежде, могли бы всегда находиться подъ надзоромъ священниковъ и начальства, чѣмъ, по меньшей мѣрѣ, должно бы пресѣкаться распространеніе раскола. Мѣра эта въ показанное время могла быть употреблена въ дѣйствіе тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что по недавности заселенія и устройства раскольническихъ пустыней легко было бы отдѣлить туземцевъ отъ пришлыхъ. Св. Синодъ принялъ это предложеніе, сообщилъ о немъ сенату вѣдѣніемъ, но дѣло это не имѣло дальнѣйшаго хода» (*). Въ 1727 году 2 августа, (не прежде, какъ уже по смерти Екатерины I), св. Синодъ, по выслушаніи выписки изъ дѣла о Неофитѣ, опредѣлилъ сообщить сенату вѣдѣніемъ, чтобъ «у оныхъ раскольниковъ противныя благочестію книги, по которымъ они приводятъ двоеперстное сложеніе и двоекратное аллилуія, обравъ, прислать, также и главныхъ расколоучителей Данилу Викулина и Андрея Денисова и иныхъ, которые, не посвящени суще, церковная дѣйства дерзаютъ чинить, свадьбы вѣнчаютъ, перекрещиваютъ, умершихъ отпѣваютъ и тѣмъ простой народъ прельщаютъ, для исправленія ихъ выслать въ Синодъ, въ

(*) И. А. Чистовичъ въ «Чт. М. О. Ист. и Древн.» 1859 г., кн. 3, стр. 136.

Петербургъ» (*). Это вѣдѣніе также осталось безъ послѣдствій.

При жизни Петра В., когда ничего не дѣлалось безъ личнаго усмотрѣнія государя, особенно же въ послѣдніе годы его жизни, когда Петръ былъ такъ много озабоченъ расколомъ, «высокоименитые господа», покровители Денисовыхъ, все еще затруднялись открыто помогать расколу. Смерть Петра В. и вступленіе на престолъ Екатерины I. открыли имъ полный просторъ: во главѣ приближенныхъ Екатерины стоялъ Меншиковъ, давній благопріятель раскола; затѣмъ слѣдовали или нѣмцы, безразличные къ дѣламъ вѣры, или продажные подъячіе, въ родѣ Волкова и Макарова. Еще въ 1723 г., когда въ силу Высочайшаго указа 1721 г., св. Синодъ требовалъ изъ военной конторы для дѣйствія противъ раскольниковъ оберъ-офицера съ капральствомъ солдатъ, синодальный дворянинъ Рагозинъ въ сказкѣ объявилъ, что «секретарь военной коллегіи Макаровъ съ товарищи сего указа не принялъ и посему

(*) См. «Собр. постан. по раск.», т. I, стр. 195. Изъ этого указа, равно какъ и изъ предыдущаго (см. «Собр. пост.», т. I, стр. 137) видно, какъ несправедливо смотритъ на Неофита прот. Іоанновъ, который, не довольствуясь обвиненіемъ Неофита въ ограниченности и неспособности, подозрѣваетъ его въ подкупѣ и взяточничествѣ (см. «Полное историч. извѣстіе», стр. 94—100), основываясь на свидѣтельствѣ раскольниковъ, подтвержденіе котораго видитъ въ томъ, будто Неофитъ не донесъ св. Синоду о безпорядкахъ и преступленіяхъ въ Выговской пустыни, которыхъ не могъ не знать: перекрещиваньи и т. п. «золотомъ-де глаза у него засланы были». Мы и прежде (наприм. въ его разсказѣ объ отношеніяхъ Андрея къ Софьѣ) не разъ видѣли его чрезмѣрную довѣрчивость къ разсказамъ раскольниковъ, которые въ его время (при Екатеринѣ II) могли хвастать чѣмъ угодно.... Изъ этого указа видно, далѣе, что опасеніе Андрея, по которому онъ не пошелъ лично препираться съ Неофитомъ, имѣло основаніе. Въ сочин. преосв. Ѳеофилакта и особенно въ дополненіи къ нему — Арсенія Маціевича («Рукоп. Имп. Публ. Библ.») сообщается весьма много подробностей о жизни выговцевъ, которыя могли быть почерпнуты только изъ донесеній Неофита. Такъ эти писатели обличаютъ выговцевъ въ томъ, что «они живутъ прелюбодѣйно и младенцамъ, отъ прелюбодѣянія раждающимся, чинятъ убійство»,—что выговцы имѣютъ денегъ не малую сумму, всегда готовыхъ къ злому ихъ намѣренію и пр.

признавается, что та коллегія посылаемыхъ изъ Синода указовъ слушать не хочетъ и какъ Е. И. В. имянной указъ 1721 г., такъ и синодальное правительство въ уничиженіи быть значится, а въ изысканіи раскольниковъ учинилось немалое препятствіе».

Въ 1725 г. іюля 7, лишь только умеръ Петръ, эти «высокоименитые господа», не довольствуясь тѣмъ, что по просьбѣ выговцевъ освободили ихъ отъ двойнаго подушнаго оклада и замѣнили его прежнею, ничего не стоившею выговцамъ повинностію — «работами на повѣнецкихъ заводахъ», хотѣли было завѣдываніе раскольническими дѣлами и сборъ двойнаго подушнаго оклада, назначеннаго на содержаніе миссіонеровъ обратить въ собственность гражданскаго вѣдомства. Св. Синодъ нашелъ нужнымъ вѣдѣніемъ сообщить сенату, что 1) «какъ раскольническимъ дѣламъ по духовному регламенту, такъ и сбору съ раскольниковъ по силѣ именнаго указа 1721 г. должно быть подъ синодскимъ вѣдомствомъ, дабы содержаніе миссіонеровъ не пресѣклося: ежели же оный сборъ будетъ не подъ синодскимъ вѣдомствомъ, то ни прежде опредѣленныхъ къ раскольническому увѣщанію персонъ содержать, и впредь, кого надлежитъ, послать будетъ нечѣмъ; наипаче же по оному съ раскольниковъ сбору будутъ духовные свѣтскимъ подчинены; а раскольникамъ, когда увидятъ себя отъ духовной власти отрѣшенныхъ и подъ свѣтскимъ вѣдомствомъ содержащихся, подастся къ духовнымъ презрѣніе; а ежели непремѣнно оный сборъ подъ свѣтскою оставить командой, то ради выше показанныхъ резоновъ надлежитъ отъ всего раскольническаго дѣла духовенство весьма отрѣшить и къ тому дѣлу приличные регламента, собственною Его Импер. Величества рукой написанные, пункты отставить, о чемъ Ея Императорскому Величеству отъ Синода и докладъ поданъ; 2) перемѣною двойнаго оклада на заработки (такъ было поступлено съ выговцами въ уваженіе ихъ прошенія) великая будетъ раскольникамъ льгота, ибо хотя они вмѣсто платежа денегъ и работать будутъ, но не такъ имъ то будетъ важно, какъ пла-

тежъ денегъ, что во многомъ числѣ при работѣ имѣющихся людей можетъ всякій сыскать себѣ способъ легкости, отчего паки ихъ будетъ множиться». Затѣмъ вѣдѣніе представляетъ на видъ сенату вышеизложенныя соображенія преосв. Ѳеофилакта о разсылкѣ собравшихся въ выговскихъ лѣсахъ раскольниковъ на прежнія мѣста ихъ жительства и между прочимъ говоритъ: «по именнымъ указамъ государя Петра Великаго, по всему государству, кромѣ малой Россіи, монастырьки и пустыньки малобратственные, хотя и православные велѣно упразднить, дабы чего противнаго церкви и благочестію тамъ не возымѣлось, а вышеозначенные премерзскіе раскольничьи скиты, самовольно ими построенные, не токмо не упразднены, но ни откуда имъ запрещенія не имѣется, а по мнѣнію св. Синода, по силѣ вышеозначенныхъ Императорскаго Величества именныхъ указовъ о упраздненіи монастырьковъ, тѣ ихъ раскольничьи скиты не токмо надлежитъ упразднить, но и до основанія должно разрушить (*). И для чего бы тѣхъ раскольничьихъ скитовъ не упразднить? Или они отъ превысочайшія россійскія державы отъ подданства, яко чужестранные, выключены?» Затѣмъ, обращаясь снова къ мысли о разселеніи выговскихъ раскольниковъ по прежнимъ мѣстамъ ихъ жительства, вѣдѣніе выставляетъ въ примѣръ нижегородскую епархію, гдѣ вслѣдствіе подобной мѣры «раскольщики день отъ дня умаляются». И это представленіе не было приведено въ исполненіе. Въ продолженіе царствованія Екатерины I и Петра II выговцы положительно благоденствовали.

Въ 1730 г. умеръ Андрей Денисовъ. Семенъ, занявшій его мѣсто, продолжалъ дѣло, начатое братомъ. Еще при жизни Андрея бывши ближайшимъ его помощникомъ, онъ вполнѣ понялъ и усвоилъ его идеи и планы и для осуществленія ихъ обнаружилъ не меньшую энергію. Отношенія его къ общинѣ

(*) Подобный законъ изданъ былъ еще царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ; см. «Акт. Истор.», т. V, № 75, стр. 117.

были такія же, какъ и отношенія Андрея: онъ «совѣтовался съ отцемъ Даніиломъ и съ прочими соборными и съ суземскими, со старостою и выборными». Дѣятельность его была такъ же многосторонняя: онъ написалъ «уставъ богослуженія, изражающій настоящее положеніе Христовой церкви непосвященныхъ мужей», «уставъ о благочиніи въ Выгорѣцкой киновіи и въ прилежащихъ къ ней скитахъ» и «чинъ исповѣди простолюдинамъ» (Люб. №№ 568 и 569); наблюдая за поддержаніемъ установленнаго порядка, употреблялъ тѣ же самые пріемы и способы, какъ и Андрей, т. е., старался дѣйствовать на братію посредствомъ проповѣдей, въ которыхъ, съ одной стороны, по временамъ льстилъ братіи, восхваляя ихъ за тѣ или иныя добродѣтели (посланіе, ублажающее всю его братію въ превосходномъ видѣ, о ихъ общихъ трудахъ и горячихъ молитвахъ, о благоустройствѣ и вожделѣнномъ мирѣ во всей Выгорѣціи» Люб. № 503), чтобы въ другой разъ имѣть возможность сказать имъ слово «о нравственности, направленное на всѣ роды ненравственности его киновіи» (Люб. № 539); указывая на тѣсныя и скорбныя обстоятельства (Люб. № 550) убѣждалъ братію къ терпѣнію, къ «твердому соблюденію православной вѣры и любви къ ближнимъ» (№ 548), къ подвигамъ поста и молитвы (№ 542), особенно распространялся о необходимости послушанія братскаго (551), «объ отверженіи міра и всѣхъ его суетъ», объ «особенномъ благоволеніи Божіемъ къ живущимъ въ киновіи и пустыняхъ» (555, 556), о упованіи небесныхъ благъ и пр.; вообще Семенъ проповѣдывалъ такъ же часто, какъ и Андрей, пользуясь всѣми къ тому случаями, преимущественно въ торжественные праздники, и имѣлъ большое вліяніе. Затѣмъ, подобно Андрею, онъ велъ полемику противъ «грубыхъ ѳедосьянъ», заботясь «о прекращеніи междоусобной ихъ вражды и скоромъ воздвиженіи ихъ мира и любви» (557, 558), писалъ опроверженія противъ православныхъ сочиненій, направленныхъ противъ раскола (531—536) и пр.

Но главная забота Семена Денисова, какъ и Андрея, была

о томъ, какъ «Императорское Величество и прочихъ высокихъ особъ къ милосердію приклоняти»; съ этою цѣлію, слѣдуя опять примѣру Андрея, онъ «посылалъ братію на море и въ дальнія мѣста звѣрей живыхъ ловити», которыхъ и отправлялъ въ Москву и Петербургъ «не только къ его Величеству Петру II, но и къ великимъ господскимъ лицамъ, и письма писалъ къ его Императорскому Величеству и къ господамъ, какъ прежде того дѣлалъ братъ его Андрей» (*).

Не смотря впрочемъ на то, что Семенъ не менѣе своего брата заботился о упроченіи мирныхъ отношеній къ «внѣшнимъ» властямъ, время его управленія было далеко не такъ благополучно, какъ время Андрея. При немъ послѣдовали на Выговцевъ два доноса, надѣлавшіе имъ много хлопотъ (**). Въ доносахъ этихъ (равно какъ и въ предшествующихъ доносахъ Лыскова, предавшаго Семена Денисова въ руки правосудія и другаго раскольника, бывшаго причиною заключенія Данилы на Петровскихъ заводахъ) замѣчательно прежде всего то обстоятельство, что всѣ они дѣланы были лицами, принадлежавшими къ Выговской общинѣ, вслѣдствіе недовольства строгою, будто бы, монастырскою дисциплиной. Всѣ эти доносчики были наказаны Андреемъ и Семеномъ и своими доносами мстили настоятелямъ за ихъ строгость. Затѣмъ эти доносы замѣчательны тѣмъ, что во всей подробности раскрыли предъ правительствомъ тѣ настроенія во внутренней жизни Выговцевъ, на которыя только отчасти указалъ Неофитъ: доносчики были изъ среды самихъ

(*) См. *Ист. Выгов. пустыни*. Къ такимъ приношеніямъ Выговцевъ до того привыкли въ Петербургѣ, что стали обращаться къ нимъ за оленями и безъ ихъ вызова. Такъ въ 1722 г. по приказу императрицы раскольники должны были представить въ Петербургъ 100 оленей. Представляя эту подать, они не упускали случая заявить о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и просить себѣ милости. *Есип.* Т. I, 308.

(**) Фактическія подробности перваго событія см. у Есипова въ 1 т, «раск. дѣла» XVIII ст, о доносѣ Круглаго—въ статьѣ И. А Чистовича. Есиповъ изъ этой статьи заимствовалъ буквально весь этотъ разсказъ, приложивъ къ нему документы изъ дѣлъ тайной канцеляріи

выговцевъ и хорошо знали жизнь ихъ. Доносы эти дали поводъ къ разслѣдованіямъ и заставили и гражданскую власть обратить болѣе серьезное вниманіе на расколъ. Доселѣ гражданское правительство оставалось въ томъ убѣжденіи, что преступность выговцевъ, на которую указывали пастыри церкви, заключалась лишь въ употребленіи старопечатныхъ книгъ при богослуженіи, какъ въ этомъ увѣрялъ ихъ Андрей Денисовъ въ своихъ прошеніяхъ, прося государя избавить отъ мучительства за старыя книги своя рабы. При такомъ понятіи о дѣлѣ, даже болѣе благонамѣренные изъ свѣтскихъ сановниковъ видѣли въ законныхъ требованіяхъ церковной власти излишнее притязаніе. Миссія Неофита обнаружила, что въ расколѣ есть многое и кромѣ старопечатныхъ книгъ. Доносы бывшихъ членовъ выговской общины, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, и изслѣдованія по этимъ доносамъ, открыли для всѣхъ истинное положеніе дѣла. Изъ доносовъ Халтурина и Круглаго гражданскія власти усмотрѣли въ расколѣ много противнаго не только церкви, но также законамъ гражданскимъ и общественному благу, усмотрѣли въ расколѣ сторону политическую. Халтуринъ и Круглый доносили, что выговцы, вопреки всѣмъ прежнимъ увѣреніямъ и заявленіямъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, «за царя Бога не молятъ, что, уводя изъ городовъ женъ и дѣвокъ, живутъ съ ними блудно», что при такомъ характерѣ раскола даже приходскіе священники не только не дѣйствуютъ противъ раскола никакими мѣрами, но мирволятъ расколу, что расколъ растетъ и множится не по днямъ, а по часамъ, такъ что православные составляютъ въ цѣломъ краѣ незначительное меньшинство и находятся отъ раскольниковъ въ угнетеніи и презрѣніи,— что въ то время, какъ расколоучители пользуются въ народѣ репутаціей «святыхъ отцевъ», православные священники, оставшіеся вѣрными своему долгу, не только не пользуются никакимъ авторитетомъ, но и безнаказанно подвергаются побоямъ (*). Понятно, что въ виду такого положенія дѣла, не

(*) См. доношеніе Водлозерскаго священника, у Есипова въ 1 томѣ.

только власти церковной нужно было употребить всѣ мѣры, если не для обращенія на путь истины упорныхъ фанатиковъ, то для предупрежденія совращенія простодушныхъ, не свѣдущихъ въ вѣрѣ православныхъ простолюдиновъ, попеченіе о которыхъ составляетъ прямую обязанность и неотъемлемое право церкви; но и власть гражданская должна была позаботиться о томъ, чтобы не распространялось такое общество, со стороны котораго оно видѣло фанатическую ненависть къ себѣ, затаенную, но тѣмъ не менѣе сильную. Но и въ это время, тогда какъ одна часть вельможъ—«верховниковъ» (такъ называетъ пр. Ѳеофанъ въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, управлявшихъ государствомъ въ смутную эпоху отъ Петра I до Анны Іоанновны) обнаруживала желаніе дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, нашлось между ними нѣсколько и такихъ, которые продолжали покровительствовать расколу, конечно, не изъ безкорыстныхъ побужденій вѣротерпимости: исторія Выговской пустыни съ благодарностію говоритъ о заступничествѣ П. И. Ягужинскаго, Ушакова и Левольда (вѣроятно Левенвольдъ, одинъ изъ товарищей Бирона); послѣдній доставилъ возможность выговскому стряпчему проникнуть во внутренніе покои дворца императрицы Анны Іоанновны, чтобы подать тамъ свое оправданіе противъ доноса Круглаго. Но конечно число благопріятствовавшихъ расколу, прямо или косвенно, не ограничивалось этими тремя лицами: сюда же нужно отнести всю партію гонителей «Камня вѣры» и враговъ преосв. Ѳеофилакта. Эти люди парализировали всѣ усилія ревнителей церкви и гражданскаго порядка, хотя мы видимъ нѣсколько указовъ, направленныхъ противъ выговской общины, относящихся къ этому времени, но указы эти остались безъ исполненія.

Въ 1730 г., пока еще не послѣдовалъ доносъ Халтурина, выговцамъ продолжали еще оказывать милости: въ этомъ году, октября 16, послѣдовалъ указъ сената, которымъ раскольщики и келейные жители, обрѣтающіеся въ олонецкомъ

уѣздѣ, освобождались отъ рекрутской повинности, такъ какъ когда-то было сдѣлано распоряженіе о переписи ихъ и они значились состоящими подъ двойнымъ подушнымъ окладомъ. Но, подъ 9 августа 1733 г., мы находимъ распоряженіе сената, которымъ для переписи въ выгорѣцкихъ лѣсахъ и другихъ мѣстахъ «бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ»—«вмѣсто того, что велѣно было послать изъ Новгорода офицера или изъ дворянъ по близости, послать изъ обрѣтающихся близъ тѣхъ мѣстъ Олонца или уѣзда съ штабнаго двора офицера.» Затѣмъ послѣдовала коммиссія Самарина, напугавшая выговцевъ, но окончившаяся для нихъ довольно благополучно. По отъѣздѣ Самарина, въ продолженіе семи лѣтъ, въ Олонцѣ жила новая коммиссія изъ нѣсколькихъ свѣтскихъ лицъ и духовныхъ персонъ, «достаточныхъ и понести то дѣло могущихъ». Она имѣла цѣлію изслѣдовать и сдѣлать доношеніе въ св. Сѵнодъ о пребывающихъ въ выгорѣцкихъ скитахъ раскольническихъ первостатейныхъ наставникахъ Семенѣ Денисовѣ, Данилѣ Матвѣевѣ и пр., какія въ скитахъ зданія, и сколько въ которомъ тѣхъ раскольниковъ и раскольницъ записныхъ и незаписныхъ въ жительствѣ имѣется, и изъ которыхъ мѣстъ и когда въ тѣ скиты пришли и чьи крестьяне, чтобы св. Сѵнодъ по этому доношенію, на основаніи состоявшихся прежде высочайшихъ указовъ, могъ сдѣлать о нихъ представленіе въ тайную канцелярію, а до того времени, пока эта послѣдняя поставитъ свое опредѣленіе, св. Синодъ предписывалъ отправлять «слѣдовательныхъ» раскольниковъ въ свѣтскій судъ въ новгородскую губернскую канцелярію, — «которые своего иждивенія на то не имѣютъ, тѣхъ на коштѣ содержателей ихъ и старостъ и выборныхъ тѣхъ волостей, въ которыхъ оные находились» (*). Любопытный упоминаетъ о прошеніи, поданномъ Семеномъ Денисовымъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которомъ выговскій

(*) См. «Собр. постан. по расколу» т. 1, годъ 1739, подъ числомъ ноября 14 и декабря 12.

настоятель жаловался, «о крайнемъ насиліи и разореніи выгорѣцкой киновіи, бывшемъ отъ изувѣрства и необразованія седмолѣтней компаніи вышняго начальства злобнаго міра» (№ 560).

—

Въ устроеніи внутренняго быта Поморской раскольнической общины съ одной стороны, въ упроченіи благопріятныхъ отношеній въ ней правительства гражданскаго съ другой — и состоитъ главное значеніе братьевъ Денисовыхъ въ исторіи раскола,—значеніе, изобразить которое было нашей задачей. Въ этомъ состояли существенныя потребности раскола въ то время, въ этомъ и братья Денисовы поставляли свою главную цѣль, для достиженія которой у нихъ все прочее было средствомъ.. .

Николай Барсовъ.